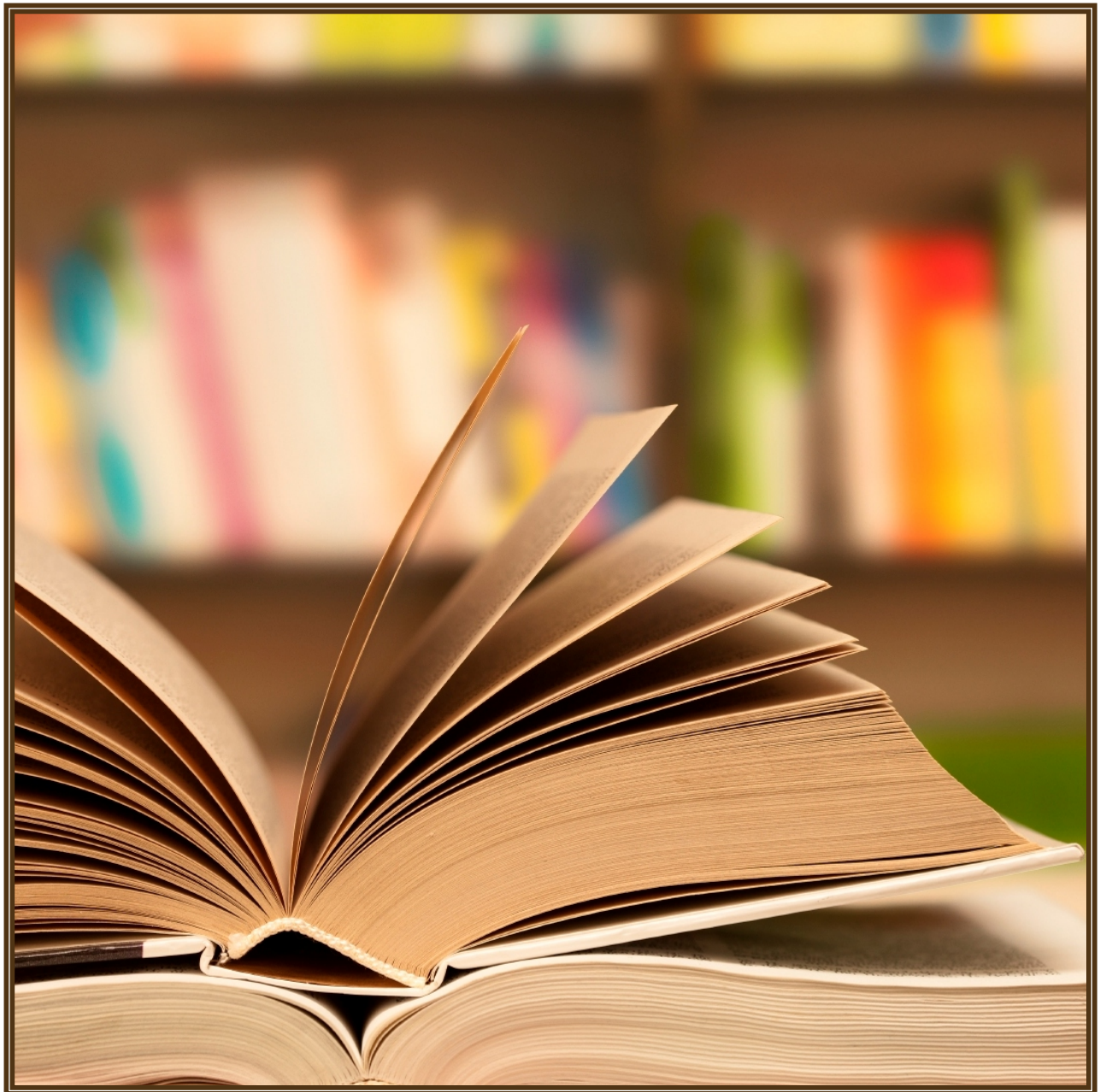

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№ 4 Liberal* | May 2014

Expert board:

Marianna Balasanyan (Georgia), Daniela Grava (Italy), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus),
Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Alexandra Zalevskaya (Russia), Magdalena Petrova Kostova-Pananyotova,
Mariyana Parzulova (Bulgaria), Jemal Mehmed (Turkey).

If the person didn't start talking once, we wouldn't have any grounds to discuss the nature of language and significance of philology now. And not because there would be no subject of discussion - simple because the person wouldn't exist. It is obvious that throughout many centuries the mankind could survive only in conditions of the built society. The person as a biological species initially had very small chances to survive and no chances to dominate in the nature.

Before formation of big centralized communities, the man passed the considerable evolutionary way incorporating stages of emergence of labor and needs for collective protection and production of food, formation of patrimonial communities and intelligence with creative and communicative skills. All this process would be simply impossible without parallel development of signal-sign systems of information exchange between individuals. Further historical development of language took place simultaneously with complication and improvement of the social system...

The modern language tends to rationalization in the form of language forms simplification. At the same time various national languages actively absorb words from other languages. At last, phraseological units, idioms, slang and foul language become more and more common...

Does all this testify to the certain degradation of the modern society if we consider that the word is a carrier of information and culture as well? Of course, to some extent such state of affairs is caused by the general acceleration of the social life predetermining the need to save time even on the information transfer. However, we don't think that anyone can seriously deny the general decline of the moral and cultural level of the human civilization in terms of rejection of traditions in favor of liberal values. So after all, are these the signs of an evolutionary regress..? We hope that the spiral of historical process won't turn back the development of human society, but will bring "the golden era of philology" on the next ascending round...

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
May 15, 2014

GISAP: Philological Sciences №4 Liberal* (May, 2014)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov

Copyright © 2014 IASHE

ISSN 2053-1532

ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949, E-mail: office@gisap.eu, Web: <http://gisap.eu>

- ! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without
- the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

Print journal circulation: 1000

“* – Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”.

CONTENTS

V. Klymenyuk , <i>Institute of Linguistics, Stuttgart University, Germany</i> MECHANISM OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS DECODING	3
Zh. Baltabaeva , <i>Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Kazakhstan</i> STYLISTIC FUNCTIONS OF THE NON-FORMED GENITIVE CASE	7
E. Zholamanova , <i>Kyrgyzstan-Turkey Manas University, Kyrgyzstan</i> LINGUISTIC AND CULTURAL PECULIARITIES OF THE CONCEPT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT	11
O. Karamalak , <i>Magnitogorsk State University, Russia</i> INTERNET-STATUSES ON THE SOCIAL NETWORK FACEBOOK FROM THE POINT OF VIEW OF THE DISTRIBUTION OF CONSCIOUSNESS AND THE LANGUAGE	15
T. Gumeniuk , <i>National University of «Kyiv-Mohyla Academy», Ukraine</i> CORRELATION OF SUCH CONCEPTS AS THE PROFESSIONAL LANGUAGE, LITERARY LANGUAGE AND THE NATIONAL LANGUAGE	18
M. Dontsova, A. Svetlova , <i>Sumy State University, Ukraine</i> THE EFFECT OF SILENCE IN ENGLISH ART DISCOURSE	21
E. Gref , <i>Saint Petersburg State University, Russia</i> BIBLICAL ALLUSIONS IN THE NOVEL “LAST ORDERS” BY GRAHAM SWIFT	25
S. Afanasieva , <i>Crimean republican institute of pedagogical postgraduate education, Ukraine</i> LYRICS OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN IMMIGRANTS: THEME AND THE CONCEPT-ANALYSIS	28
Iu. Pykhtina , <i>Orenburg State University, Russia</i> STRUCTURE OF THE ART-SPACE IN THE STORY “I” BY A.P. POTEMKIN	30
I. Razumovich , <i>Zaporizhia National University, Ukraine</i> PHILOSOPHICAL SUBSTANTIATION OF OBJECTIVIZATION OF THE SUB-CONCEPT “FUTURE” IN THE TRAGEDY “MACBETH” BY W. SHAKESPEARE	34
A. Antipov, E. Denisova , <i>Kemerovo State University, Russia</i> THE PHENOMENON OF GRAPHIC DERIVATION IN THE TEXTS OF RUSSIAN OUTDOOR ADVERTISING	37
E. Kosykh , <i>Altai State Pedagogical Academy, Russia</i> N. Chashina , <i>Secondary school №125 (Barnaul), Russia</i> ON THE HISTORY OF BOUND ROOTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE	39
T. Alexeeva , <i>Taras Shevchenko National University of Kiev, Ukraine</i> PRECEDENT PHENOMENON IN POLITICAL MEDIA-TEXTS	44
G. Lagoshnyak , <i>Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy, Ukraine</i> NUMERALS IN RUSSIAN AND UKRAINIAN PHRASEOLOGY (COMPARATIVE ANALYSIS)	47

CONTENTS

Клюменчук В. , <i>Institute of Linguistics, Stuttgart University, Germany</i> MECHANISM OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS DECODING	3
Балтабаева Ж.К. , <i>Казахский Национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НЕОФОРМЛЕННОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА	7
Жоламанова Е.И. , <i>Кыргызский-Турецкий университет «Манас» им. Ч. Айтматова, Кыргызстан</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА В РАМКАХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.	11
Карамалак О.А. , <i>Магнитогорский государственный университет, Россия</i> ИНТЕРНЕТ-СТАТУСЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ “FACEBOOK” С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКА	15
Гуменюк Т. , <i>Национальный университет «Киево-Могилянская академия», Украина</i> КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК	18
Донцова М.С., Светлова А.И. , <i>Сумской государственный университет, Украина</i> СИЛЕНЦИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	21
Греф Е.Б. , <i>Санкт-Петербургский государственный университет, Россия</i> БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ ГРЭМА СВИФТА «ПОСЛЕДНИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ»	25
Афанасьева С.И. , <i>Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, Украина</i> ЛИРИКА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ: ТЕМАТИКА И КОНЦЕПТ-АНАЛИЗ.	28
Пыхтина Ю.Г. , <i>Оренбургский Национальный университет, Россия</i> СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ А.П. ПОТЕМКИНА «Я»	30
Разумович И.А. , <i>Запорожский национальный университет, Украина</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБЪЕКТИВАЦИИ СУБКОНЦЕПТА «БУДУЩЕЕ» В ТРАГЕДИИ В. ШЕКСПИРА «МАКБЕТ»	34
Antipov A.G., Denisova E.S. , <i>Kemerovo State University, Russia</i> THE PHENOMENON OF GRAPHIC DERIVATION IN THE TEXTS OF RUSSIAN OUTDOOR ADVERTISING	37
Косых Е.А. , <i>Алтайская государственная педагогическая академия, Россия</i> Чашина Н.Ю. , <i>Средняя общеобразовательная школа №125 (г. Барнаул), Россия</i> К ИСТОРИИ СВЯЗАННЫХ КОРНЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	39
Алексеева Т.А. , <i>Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН В ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ	44
Лагошняк Г.Н. , <i>Николаевский Национальный Университет им. В.О. Сухомлинского, Украина</i> ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)	47

MECHANISM OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS DECODING

V. Klymenyuk, MA

Institute of Linguistics, Stuttgart University, Germany

The article advances a hypothetic-and-cognitive model of holophrastic constructions' decoding by the recipient's consciousness as well as describes their speech generating function based on cognitive and probabilistic processes running under the control of individual's consciousness.

Keywords: holophrastic constructions, generating function, cognitive model, decoding, psychic spheres, consciousness, sub-conscious, unconscious.

Conference participant

The essence of holophrastic constructions (here HCs) in the interpretation of some linguists (see, for instance, [14; 15; 19]) consists in the fact that it is regarded as a typical model or pattern, possessing the external informativeness and representing a complicated macro-structure, integrated in the matrix of domains. The initial stage of HCs' perception is an original synthesis of spatial sensations and the man's motor reactions, based on subconscious genetic knowledge. Then the concept is singled out of this complicated macro-structure and as a result of the conceptualization process the HC is projected in the form of a generalization, logical conclusion, characteristic of a situation from the point of view of events or actions actually existing in reality [17: 187]. Furthermore, a *holophrasis* embodies circumstance, time and the mental disposition of the persons concerned [20: 117].

The originality of speech generating properties of a HC as a product of combining words lies in the fact that it allows us to create a notion that characterizes the object from different aspects. The inner form of a compound word, which makes it possible to write it as one solid and syncretic word and at the same time gives a partitioned idea of the object, is instantly scanned by our consciousness generating a visually perceptible or tangible image, in which not only one but several features of the object are accentuated [9: 206].

Holophrasis, as O. Ponomareva regards it, is a peculiar reaction of visual and expressive character to the emerged sensory concepts, or ideas and their definite projection on the language level. Having appeared as a perceptive component, HCs put in motion the chain of connections, connotations, visual, tactile, auditory and gustatory

characteristics of the object, thus creating its precise and vivid metaphoric image. The human's cognition, as O. Ponomareva puts it, draws information from cognitive reality to excite sensory and motor systems that interact with a new communicative text, integrating the received information and facilitating its convergence and comprehension [17: 189]. Studying *multiple word combinations* (or HCs) T. Biermeier, in his turn, emphasizes the creativity and free nature of this type of word-formation [1: 74].

All stated above demonstrates the direct linkage of the processes of HCs' generation, actualization and comprehension with emotional spheres and cognitive structures of interlocutors' personalities.

Analyzing the problems of thought and feeling interaction, C. Izard noted that emotions are often connected with the individual's mental images. And that is why he focused his attention on the thesis that the regular occurrence of a definite emotion in response to a definite image eventually leads to the formation of a definite affective cognitive structure in the individual's consciousness. Besides, he notices that at all importance of the cognitive constituent of this combination with its seeming priority, just the very second constituent ensures the structure motivational charge as compared to its affective, highly emotional component [7: 28].

Hence, it appears that the connection between the content of the HC used in communication with the communicants' psycho-emotional spheres seems to be obvious. As for the cognitive thinking as an instrument for forming a model of the surrounding world in a person's consciousness, A. Shamis considers that historically, both in the evolutionary perspective and in ontogenesis, the

reflection in the nervous system of the problematic surrounding begins with the formation in the individual's memory of simple definite sensory images of objects, situations and actions. Subsequently, the causative-consecutive relationships between images are built in the model on the basis of direct dual combinations in time, i.e. time associations. He also draws attention to the fact that the human's image-bearing reflection of surrounding is formed in the right brain hemisphere, whereas conceptual, i.e. verbal and logical, is formed in its left hemisphere. As a result of joint work of both hemispheres the reflection of surroundings in the human's brain has a multi-level hierarchical character [18: 254-255].

Taking this into account, many researchers dedicated their works to the study of *holophrasis* both from the point of view of its speech generating function and from the position of its analysis as a means of influence upon the recipient's logical and emotional beginnings.

Thus, W. Welte [20] emphasized, that HCs as occasionalisms (or ad-hoc formations, nonce-formations) are the result of a conscious creative use of word-formative rules or on the contrary a conscious violation of already existing rules and therefore they can be either correct or incorrect. The speaker, for instance, using a context-dependent spontaneous construction often pursues humorous intentions or some specific stylistic aims. In the language of advertising such occasionalisms are the result of reflection and purposeful psychological planning in the sphere of advertising [ibid. :31].

Similarly, R. Fischer considers that many lexical phrases (HCs in this paper) appear in the language as occasionalisms [3: 54]. In P. Hohenhaus' opinion [6: 23, 296] one of the features of occasionalisms

(or ad-hoc formations) is their context and situation dependence as well as their ability to evoke comic effects, i.e. to perform humorous function.

From the point of view of speech generation, HCs can be characterized by the following features: novelty, its belonging to speech and to a certain author, creativeness, stylistic markedness, situation and context dependence and conditionality as well as the ability to perform artistic and aesthetic (or poetic) function [9]. The occasional word formation attracts attention, stimulates the recipient's creative activity and makes him/her switch to the process of interpreting of the said [ibid.: 196]. I. Gonta [5: 147] ascribes semantic integrity to the characteristic peculiarities of HCs formation.

In her work H. Buřman [2] singles out the following functions of ad-hoc formations: information condensation based on the language economy principle,

filling gaps in naming, hypostatization and stylistic effects realization. Besides, P. Hohenhaus [6] does not deny that the list of the indicated functions could be continued because the phenomenon of *ad-hoc formations* (to which HCs belong) has not been sufficiently studied yet. The similar ad-hoc formations functions are also examined in the works of other linguists (see, for instance, [12: 129; 13: 67; 10: 360; 6: 35-36]).

Analyzing the peculiarities of HCs' speech generating function G. Lakoff and M. Johnson [11] pointed out that, being a reflection of various aspects of creating the integral picture of thinking situations as well as individual's behavior, HCs are connected with obtaining, transforming and usage of different types of knowledge – categorization and conceptualization, and they can serve as a material for the study of cognitive processes, as well as artistic, literary and rhetoric aspects of language (see also [17: 186]).

All stated above gives us the grounds to assume the existence of some common model of the HC's generation and its decoding by the communicants. Therefore, to understand the essence of the processes the model reflects, it is quite enough to analyse the mechanism of decoding the verbal information contained in the HC by the recipient's consciousness.

To achieve this aim we will make use of the known in scientific literature thesis about the division of the individual's psyche into the *conscious* and *unconscious*, introduced by Z. Freud [4: 425] and transformed in his followers' works into three topographical levels of the recipient's psychic sphere functioning: *conscious*, *sub-conscious*, and *unconscious*, represented in the model (see Fig. 1).

In our model under the *unconscious* we understand those contents of psychic life of which a person either has no any idea at the moment, or has known nothing about them during a long period of time, or has never known of them at all. In other words, according to Z. Freud [4: 440], *unconscious* is viewed as everything that requires sufficient efforts for its apprehension or which is impossible to be apprehended at all.

Unlike the *unconscious*, the *subconscious* includes all the contents of the individual's spiritual and psychic life, which are impossible to apprehend at a definite moment, though they can be easily decoded by the consciousness [4: 443].

Since *unconscious* is able to become *conscious* at any moment, it is natural to consider that between the layers of *unconscious* and *conscious* there is a topographical layer of *subconscious*. This very arrangement of layers, or levels of the individual's psychic sphere, determined by the structural theory, is represented in our model.

It is also necessary to pay attention to Z. Freud's remark that the actual difference between *unconscious* and *subconscious* lies in the fact that the first is realized with the help of material that remains unknown, while the latter is connected with the words representation [4: 429]. In this connection, we will emphasize that unlike the peculiarities of the rest of layers of the individual's psychic sphere functioning, the work of

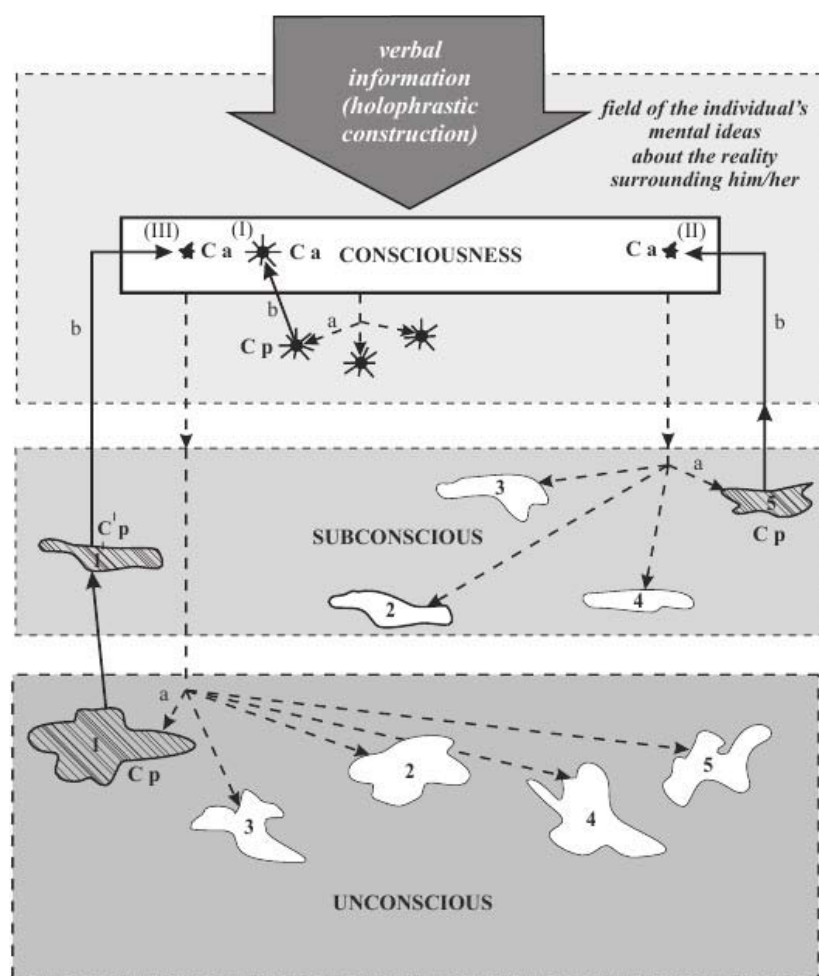

Fig. 1. Hypothetic-and-cognitive model of HCs decoding by the recipient's consciousness

consciousness is carried out on the basis of knowledge verbalization, conceptions, ideas and notions, feelings, impressions, etc.

The most important thing for further understanding of the peculiarities of cognitive model of HCs' meaning decoding by a recipient, regarded in this paper, is the set of the following well-known theses.

Firstly, consciousness has a certain *intensity threshold* whose content has to be reached, that is why all rather weak elements remain within the frame of *unconscious* [8: 23]. Besides, *unconscious* contains all combinations of imaginations which have not reached the intensity threshold yet, but which, in the course of time, and under favorable circumstances penetrate the sphere of consciousness [ibid.: 24].

Secondly, by virtue of their directed functions, consciousness dictates some limits or restrictions (termed *ensorship* by Z. Freud) to all the material which is incompatible with it. As a result, this material is lost in the *unconscious* [ibid.: 23].

Thirdly, any consciousness insufficiency such as exaggeration, one-sidedness or the functionality loss is accompanied by an unconscious process as the addition to the consciousness [ibid.: 56].

Fourthly, it is typical of human's psyche that the state of awareness has the tendency to pass quickly. That is why, any idea that is being apprehended at a certain moment, ceases to be the one at the very next instant, however, it can become conscious again under familiar and easily reached conditions [4: 426].

Fifthly, the *unconscious* contains not only the past information forgotten by the individual but also all the inherited traits of his/her behavior which constitute the structure of his/her mind. It also contains mythological motives – archetypes, which represent typical states or forms, in which the individual experiences the phenomena of the *collective unconscious* [8: 23].

It would be appropriate to remark that within the individual's psychology there exists a division of unconscious into the psyche, whose content is personal, and the psyche, whose content is impersonal and collective [ibid.: 166]. The personal

content is formed in the mental sphere of individual's psyche in the process of his/her socialization, whereas impersonal includes archetypes and unconscious instincts.

Taking into account the stated above initial postulates of psychiatry and psychology, we have the opportunity to consider in detail the process and mechanisms of HC's decoding by a recipient (see Fig. 1). To accomplish this, let us imagine that the verbal information perceived by a recipient contains some HC, whose unique and specific form of presentation inevitably excites the recipient's consciousness. The excitement that has arisen in such a way, as is known [18: 176], leads to the increase of the psycho-energetic activity of the group of neurons in the recipient's brain, which are responsible for comprehension of the obtained verbal information. The nervous impulses from neurons through neural fibres simultaneously enter the mental layer of subconscious as well as unconscious. These impulses function as signal-inquiries about the presence of verbal, image-bearing, emotional and other concepts-prototypes similar in content to the HC fixed by the consciousness in the above mentioned layers of the recipient's psychic sphere.

Then, depending on the level of recipient's speech culture and on the size of coincidence of the fields of communicants' mental representations, the cognitive processes of the HC's decoding can develop according to the following three scenarios.

Thus, if communicants' mental representation fields coincide, on the inquiry of consciousness (see Fig. 1, variant (I), the dashed arrow "a") the verbalized concept-prototype (C_p) is most likely to be found in the memory of the mental layer of the individual's psychic sphere. In this case, the reply will enter the recipient's consciousness (the solid arrow "b") as the concept-analogue (C_a) and consciousness instantly and almost automatically will decode the meaning of what has been said. For instance, according to the described scenario the recipient's consciousness is able to automatically decode the phrases, containing HCs, e.g.: (1) "*She's not really your **take-time-out-***

to-smell-the-roses girl." [22: 253] or (2) "*The **skinny-no-boobs-no-belly-and-no-bum box***" [21: 26]. This will happen due to the fact that the corresponding verbal concept-prototype, which can be easily transformed into a concept-analogue standing for the notion of "unromantic, pragmatic, or realistic person" in case of example (1), and "immature figure lacking the curves of a grown-up woman's body" in example (2), is stored in the field of the individual's mental memory.

The second variant of scenario (II) is realized in most cases under the condition of relatively small coincidence of the fields of the individuals' mental representations and the recipient's decoding of poly-component HCs. According to the second scenario, the concept-prototype for decoding the HC's meaning (which, in contrast to scenario (I), has a verbal-and-image-bearing form), will be found within the layer of subconscious (see variant (II), arrow "a") and will enter (arrow "b") the recipient's consciousness as a concept-analogue (C_a). This scenario may be of two variants: (1) the verbal-and-image-bearing prototype will be found in the recipient's consciousness which is demonstrated in Fig 1 by hatching and is marked with number 5; (2) in the second more complex variant of scenario II all marked concepts-prototypes (2, 3, 4, and 5) containing verbal-and-image-bearing pictures of HCs' separate components will enter the recipient's consciousness. On the basis of their logical synthesis, the recipient's consciousness generates the corresponding concept-analogue which it uses in the process of decoding the HC's meaning.

The third variant of the scenario (III) seems to be the most complex and most interesting one, since it comes into existence during the process of poly-component HCs' decoding and develops under insufficient coincidence of the communicants' thesauri fields, however, on the background of the recipient's high level speech culture. Under such conditions the concept-prototype can be localized only in the unconscious level of the recipient's psyche. The sought for prototype can have a form of some not definitely clear-cut image, a certain emotional concept, or a concept of

sensation. Therefore, the process of its transformation into the concept-analogue will be realized in two stages. During the first stage a not clear-cut practically non-verbalized image-bearing concept-prototype (hatched and marked in the model under number **1**) on the inquiry of consciousness is transformed in the subconscious layer into a corresponding, but already verbal-and-image-bearing prototype (**1'**). During the second stage this verbal-and-image-bearing prototype, being completely verbalized by consciousness, is eventually transformed into a concept-analogue (C_a) in compliance with which the recipient has to decode the HC's meaning. In the second variant the realization of scenario **III**, similarly to the previous case (see variant **II**), is carried out in the recipient's consciousness on the basis of the logical synthesis of image-bearing concepts-prototypes (**1**, **2**, **3**, **4**, and **5**) into the integral verbal-and-image-bearing concept-prototype (**1'**). Then, the consciousness also transforms this concept-prototype into a corresponding verbal concept-analogue (C_a), used by the recipient in the process of decoding the poly-component HC's meaning.

Summarizing all stated above, it should be emphasized that due to the influence of the specifics of topographical psyche layers functioning and the recipient's individual and cultural characteristics, the cognitive in its nature process of the HC's meaning decoding can vary in every definite case. Hence, it is obvious that the use of HC as a means of realization of speech generating function is also based on the cognitive and probabilistic processes running under the control of individual's consciousness.

References:

1. Biermeier, Thomas. *Word-Formation in New Englishes. A Corpus-based Analysis*. Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2008.
2. Bußman, Hadumod. *Lexicon der Sprachwissenschaft*. – Stuttgart., Alfred Kröner Verlag, 1983.
3. Fischer, Roswitha. *Lexical Change in Present-Day English. A Corpus-based Study of the Motivation, Institutionalization, and Productivity of Creative Neologisms*. – Tübingen., Gunter Narr Verlag, 1998.
4. Freud, Sigmund. *Psihologija besoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]*, ed. Michail G. Yaroshevski. – Moskva., Prosveshchenie, 1990.
5. Gonta, Igor. A. *Strukturnye i semanticheskie osobennosti kompositiv-metaphor v amerikanskom slenge [Structural and semantic features of composite metaphors in the American slang]*. Diss. – Kyiv., KGLU, 2000.
6. Hohenhaus, Peter. *Ad-hoc-Wortbildung: Terminologie, Typologie und Theorie kreativer Wortbildung im Englischen*. – Frankfurt am Main., Peter Lang, 1996.
7. Izard, Carroll E. *The Psychology of Emotions*. – New York., Plenum Press, 2000.
8. Jung, Carl G. *Izbrannoe [The selected works]*, ed. Sergei L. Udovik. – Minsk: OOO "Popurri", 1998.
9. Karpukhina, Tamara P. *Sposobi obrazovania okkazionalnih slov v odnomorfemnyh tekstovyh cepochkah v anglijskoj hudozhestvennoj proze [Ways of formation of occasional words in one-morphemic text chains in English literary prose]*, *Vestnik Čuvaškogo Universiteta [Chuvash University Digest]*, No 1., 2006., pp.196-207.
10. Kastowsky, Dieter. "Zum gegenwärtigen Stand der Wortbildungslehre des Englischen", *Linguistik und Didaktik* 36. 1978. pp. 351-366.
11. Lakoff, George, Johnson, Mark. *Metaphors We Live by*. – Chicago., University of Chicago Press, 2003.
12. Lipka, Leonhard. 1981. "Zur Lexikalisierung im Deutschen und Englischen", *Wortbildung*, eds. Leonhard Lipka, Hartmut Günther. – Darmstadt., Wissenschaftliche Buchgesellschaft. pp. 119-132.
13. Lipka, Leonhard. *Word-Formation and Text in English and German., Neuere Forschungen zur Wortbildung und Historiographie der Linguistik / Ed. by Asbach-Schnitker, B., Roggenhofer, J. – Tübingen., Gunter Narr Verlag, 1987., pp. 59-67.*
14. Milovskaya, Natal'ja D. *Golophrastičeskie konstrukcii v sovremennom nemeckom jazyke [Holophrastic structures in the modern German]*. Diss. – Kalinin., KGU, 1984.
15. Molchanova, Galina G. *Kognitivnaja stilistika i stilističeskaja tipologija [Cognitive stylistics and stylistic typology]*, *Vestnik MGU: Serija 19. Lingvistika i Mehkul'turnaja Kommunikacija* 3. 2001. pp. 60-72.
16. Payne, Edward J. *History of the New World called America*, vol. 2. – London., Oxford: Clarendon Press., 1899.
17. Ponomareva, Olga B. *Kognitivnye i pragmo-stilističeskie aspekty semantičeskoj derivacii golofrastičeskikh konstrukcij v sovremennom anglijskom jazyke [Cognitive and pragma-stylistic aspects of the semantic derivation of holophrastic structures in modern English]*, *Vestnik TGU* 2, - 2005., pp. 184-192.
18. Shamis, Alexandr L. *Puti modelirovanija myšlenija: Aktivnye sinergetičeskie nejronnye seti, myshlenie i tvorčestvo, formal'nye modeli povedenija i „raspoznavanija s ponimaniem“ [Thinking modeling ways: Active synergetic neural networks, thinking and creativity, formal behavior models and „recognition with understanding“]*. – Moskva., KomKniga, 2006.
19. Syrovatkin Sergej N., Prohozhaeva Ljudmila P. *Golofrazis v sovremennom anglijskom jazyke [Holophrasis in modern English]*. *Grammatičeskie i Leksiko-Semantičeskie Issledovanija v Sinhronii i Diahronii [Grammatical and lexical-semantic studies in synchronism and diachrony]*, No4, 1976., pp. 37-45.
20. Welte, Werner. 1996. *Englische Morphologie und Wortbildung. Ein Arbeitsbuch mit umfassender Bibliographie*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996.
21. Kelly C. *Lessons in Heartbreak*. – London., Harper, 2008. – 480 p.
22. O'Flanagan Sh. *The Perfect Man*. – London., *Headline Review*, 2010. – 598 p.

Information about author:

Vladyslava Klymenyuk - master of Arts, student, Stuttgart University, Institute of Linguistics; address: Germany, Stuttgart city; e-mail: vladislava50@yahoo.com

STYLISTIC FUNCTIONS OF THE NON-FORMED GENITIVE CASE

Zh. Baltabaeva, Doctor of Pedagogical sciences, Full Professor
Kazakh National Pedagogical University named after Abay,
Kazakhstan

In the modern Kazakh language the semantics and the function of the non-formed genitive case are strictly differentiated. Affixal genitive case in modern language (just like in Old Turkic) expresses the owner of he object, but the non-formed genitive case reflects the semantics of relations.

Such differentiation has served as the basis for keeping two forms of the genitive case in the language. The semantic differentiation of the formed and non-formed genitive case plays major role at their parallel functioning in the language. Significance of the non-formed genitive case is tightly connected with groups of words mostly acting in non-formed genitive case. Such groups include nominal nouns with general meaning natural to the semantics of the non-formed genitive case (according to opinions of many specialists of the Old Turkic)

The stylistic function of the non-formed has also significantly affected its functioning in the language together with the affixal form.

The non-formed genitive case also plays a significant role in the gathering of components of ezafe structure, where the same affix of the genitive case is repeated. Such stylistic inconvenience is eliminated through the use of the non-formed and formed genitive case, creation of various models of the ezafe construction. For example, the ezafe structure with three components in the genitive case has six models. Without non-formed genitive case the ezafe structure would only have one model. All components of this model would be presented in the formed genitive case.

Therefore, presence of the formed and non-formed genitive case creates wide opportunities for the variety of models of ezafe structures and serves for reaching stylistic goals. At the same time, combination of these two forms beautifies and enlivens ezafe structures, makes them more expressive and contributes to the better transfer of the thought. All this together characterizes the flexibility of the grammatical structure of the Kazakh language.

Keywords: formed and non-formed genitive case, semantic differentiation, stylistic function of the non-formed, ezafe structure etc.

Conference participant

Стилистические функции падежных форм, в том числе неоформленного родительного падежа давно привлекали внимание лингвистов. Казахские лингвисты постоянно указывают на стилистическую наполненность падежных форм: «Грамматическое явление, которое требует к себе особого внимания в системе стилистики слова, - это аффиксы падежей имен существительных» [1, 132].

Ф.М.Мусабекова считает нежелательным употребление двух слов подряд в аффиксальном родительном падеже. Она пишет: «Два слова, употребляющиеся рядом, могут принимать формы родительного падежа. Такое нагромождение в стилистическом отношении считается нецелесообраз-

ным, поэтому одна из этих падежных форм (первого слова) опускается» [2, 30].

Как утверждает М. Томанов: «Употребление именительного падежа в функции родительного падежа в современном языке получило стилистическую, иногда стилистико-грамматическую окраску» [3, 48].

Таким образом, из приведенных цитат видно, что казахские лингвисты придают особое значение связи категории склонения со стилистикой, в том числе стилистической функции неоформленного родительного падежа.

Неоформленный родительный падеж – один из важных компонентов изафетной конструкции. Изафетная конструкция самая активная конструк-

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НЕОФОРМЛЕННОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Балтабаева Ж.К., д-р.пед. наук, проф.
Казахский Национальный педагогический университет
им. Абая, Казахстан

В современном казахском языке семантика и функция неоформленного и оформленного родительного падежа строго дифференцированы. Если аффиксальный родительный падеж в современном языке, как и в древнетюркском, выражает обладателя вещи, предмета, то неоформленный родительный падеж передает семантику отношений.

Такая дифференциация послужила основанием для сохранения в языке двух форм родительного падежа. Семантическая дифференциация оформленного и неоформленного родительного падежа играет основную роль при их параллельном функционировании в языке. Со значением неоформленного родительного падежа тесно связаны группы слов, которые в основном выступают в неоформленном родительном падеже. К таким словам относятся нарицательные имена существительные с обобщенно-общим значением, присущим, по мнению многих тюркологов, семантике неоформленного родительного падежа.

Не меньшее влияние оказала стилистическая функция неоформленности на функционирование ее в языке параллельно с аффиксальной формой.

Важную роль выполняет неоформленный родительный падеж и в комплектовании компонентов изафетной конструкции, в которой повторяется один и тот же аффикс родительного падежа. Такое стилистическое неудобство устраняется посредством употребления неоформленного и оформленного родительного падежа, созданием разнообразных моделей изафетной конструкции. К примеру, изафетная конструкция с тремя компонентами в родительном падеже имеет шесть моделей. Без неоформленного родительного падежа изафетная конструкция имела бы только одну модель, все компоненты которой были бы в оформленном родительном падеже.

Таким образом, наличие оформленного и неоформленного родительного падежа создает большие возможности для разнообразия моделей изафетных конструкций служит стилистическим целям. Вместе с тем, комбинация этих двух форм украшает и оживляет изафетные конструкции, придает им выразительность и способствует лучшей передаче мысли. Все это вместо взятое характеризует гибкость грамматического строя казахского языка.

Ключевые слова: Оформленный и неоформленный родительный падеж, семантическая дифференциация, стилистическая функция неоформленности, изафетная конструкция и т.д.

Участник конференции

ция, которая особо выделяется своей частотностью употребления в языке. В состав изафетной конструкции может входить до 4-5 слов, которые, кроме последнего, находятся в форме родительного падежа. Конечно, изафетная конструкция из 4-5 компонентов встречается редко, 3 компонента – это обычное явление.

Аффиксальное оформление компонентов данной конструкции требует подчеркнутого произношения каждого слова, при котором все слова должны произноситься с одинаковым интервалом без паузы.

Таким образом, употребление неоформленного падежа в подобных оборотах избавляет от повторения одного и того же аффикса в нескольких

Темірбектің інісінің пальтосының түймесінің бауы – петля от пуговицы пальто

брата Темирбека [4, 36-б.]

В приведенных примерах в изафетной конструкции употреблено от двух до четырех аффиксальных форм родительного падежа, осложняющих стиль, тогда как неоформленный родительный падеж снимает эту стилистическую громоздкость. Например: Темірбек інісінің пальтосының түйме бауы.

В данной конструкции два слова употреблены в неоформленном родительном падеже, тем самым образовав две синтагмы, отделяющихся друг от друга паузой: 1) Темірбек інісінің, 2) пальтосының түйме бауы. Такая группировка слов внутри конструкции облегчает произношение. Правда, в последней замечается тесная связь в произношении слов түйме бауы «петля пуговицы».

Трехкомпонентная изафетная конструкция без неоформленного родительного падежа имела бы только одну модель, типа колхоздың малының базасы «база колхозного скота». Наличие неоформленного родительного падежа увеличивает число моделей такой конструкции: 1) колхоз малының базасы, 2) колхоздың мал базасы 3) колхоз мал базасы. Не все они одинаково функционируют в языке, самыми употребительными из них являются первые и вторые модели (колхоз малының базасы, колхоздың мал базасы).

В изафетных конструкциях с тремя словами в родительном падеже в большинстве случаев одно из них выступает неоформленным. Есть четыре вида их оформленного и неоформленного построения:

1. Слово в неоформленном родительном падеже. Например: Бұл топ – Абайдың өз үйінің қонағы (М. Әуезов). –Это группа гостей из собственного дома Абая. Оның үстіне мен Абайдың өз шығармаларының сөздік қорынан да мейлінше пайдаландым (М. Әуезов). – К тому же я пользовался словарным богатством собственных произведений Абая.

2. Последнее слово из трех – без аффикса, первые два – с аффиксом родительного падежа. Например:

Айтатын сөзді біреу ауызға салмай-ақ біздің жұрттың өз жүрегі нұсқайды (М. Әуезов). – Наши люди сами находят нужное слово без напоминания других.

3. Первые два слова стоят в неоформленном, последнее слово – в оформленном родительном падеже. Например: Жолаушылар совхоз партия комитетінің секретары Атабек Асылбековтің үйіне бас қосысты (М. Әуезов). –Путники собрались в доме секретаря партийного комитета совхоза Атабека Асылбекова. Кешкі астың алдында дағдылы гүл бағы орындығының қасында отырған Әсияға ұшыраса бере, сол хабарын айтты (сонда). –Перед вечерним ужином он сообщил эту весть Асии, сидевшей возле цветочной клумбы.

4. Первое слово их этих неоформлено, последующие два оформлено в родительном падеже. Например: Дауыл желінен түрілгендей, үй иесінің тымағының бір құлағы түріле бастапты (Ғ.Мүсірепов). Уши ушанки хозяина дома задралась, будто были приподняты, сильным ветром.

Четырехкомпонентная изафетная конструкция имеет еще две модели, где первые 3 компонента оформлены одинаково:

1) В изафетном словосочетании первые три компонента с аффиксом родительного падежа: Менің азаматымның қанатының қайрылғаны керек қой саған (Н.Серәлиев). –Тебе нужно, что у моего «сокола» обломались крылья.

2) В словосочетании первые три компонента в неоформленном родительном падеже: Жергілікті өкімет органдары сайлауы өткізілуіне дайындық жүргізіліп жатыр («Социалистік Қазақстан»). – Идет подготовка к проведению выборов в местные органы властей. Эти модели функционируют в языке очень редко, особенно последняя.

Таким образом, наличие оформленного и неоформленного родительного падежа разнообразит модели изафетных конструкций. Так, без неоформленного родительного падежа двух-трех-четырёх – компонентные конструкции имели бы только три модели, наличие неоформленного родительного падежа это чис-

ло увеличивает до 12. Вместе с тем, комбинация этих двух форм украшает и оживляет изафетные конструкции, придает им выразительность и способствует лучшей передаче мысли, снимает однообразие и тяжеловестность стиля.

Неоформленный родительный падеж, таким образом, играет важную роль в стилистическом плане, создавая благоприятные условия для формирования различных моделей.

К тому же в предложении, кроме однородных членов, могут быть и другие слова в родительном падеже, и тогда первое будет испещрено аффиксами. Например: Әке-шеше, туған-туысқан, ғашық жар, бала-шағаның хабары қайсысының болсын тілінің ұшында, жүрек түбінде (З. Шашкин). – Вести от отца и матери, родственников, любимой, детей у каждого на кончике языка, в глубине сердца.

В этом предложении 7 раз повторяется родительный падеж, 4 неоформленных и 3 оформленных. Трансформация всех семи слов в оформленные: Әке-шешенің, туған-туысқанның, ғашық жардың, бала-шағаның хабары қайсысының болсын тілінің ұшында, жүрегінің түбінде – осложняет стиль.

Как известно, однообразие повторений – большой недостаток стиля, для странения чего языку понадобились неоформленные падежи. С другой стороны, стилистическая значимость неоформленности обеспечив ее функциональную продуктивность.

References:

1. Balakaev M., Zhanpeisov E., Tomanov M., Manasbaev B. Қазақ тілінің стилістикасы [Stylistics of the Kazakh language]. – Almaty., 1966, pp.207.
2. Musabekova F.M. Stilistika imen sushchestvitel'nykh v sovremennom kazakhskom yazyke [The stylistics of nouns in the modern Kazakh language] Avtoref. dis... d-ra filol. nauk. [Thesis abstract by the Doctor of Philology]. – Almaty., 1974, pp.40.
3. Tomanov M. Slovosochetaniya, vyrazhayushchie vremennye

otnosheniya v kazakhskom yazyke [Phrases expressing temporal relations in the Kazakh language] Autoref. dis... can. filol. Nauk [Thesis abstract by the Candidate of Philology]. – Almaty., 1959., pp.20.

4. Balaqaeв M., Qordabaev T. Qazirgi qazaq tilining grammatikasy [Modern grammar of the Kazakh language]. Sintaksis [Syntax] – Almaty., 1966., pp. 340.

Литература:

1. Балақаев М., Жанпейсов Е., Томанов М., Манасбаев Б. Қазақ тілінің

– Алматы: 1966, - 207 б.

2. Мусабекова Ф.М. Стилистика имен существительных в современном казахском языке. Автореф. дис... д-ра филол. наук. –Алма-Ата: 1974, - 40 с.

3. Томанов М. Словосочетания, выражающие временные отношения в казахском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. –Алма-Ата: 1959, - 20 с.

4. Балақаев М., Қордабаев Т. Қазіргі қазақ тілінің грамматикасы. Синтаксис. – Алматы: 1966, - 340 б.

Information about author:

Zhanalyk Baltabaeva - Doctor of Pedagogical sciences, Full Professor, Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Kazakhstan; e-mail: kulyanda2009@mail.ru

Сведения об авторе:

Балтабаева Жаналык - доктор педагогических наук, профессор, Казахский Национальный педагогический университет им. Абая; адрес: Казахстан; электронный адрес: kulyanda2009@mail.ru

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION -BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS

<http://university.iashe.eu>

LINGUISTIC AND CULTURAL
PECULIARITIES OF THE CONCEPT
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE
ASSOCIATIVE EXPERIMENT

E. Zholamanova, Candidate of Philology, Senior Lecturer,
Doctoral Candidate
Kyrgyzstan-Turkey Manas University, Kyrgyzstan

The article is focused on the key concepts of anthropocentric linguistics. Such terms as concepts, language identity, language awareness, the national language world-picture are verbalized during the experiment in bilingual lexical associations. These associations show a distinct national specificity.

Keywords: linguacultural concept, association experiment, informant, word-stimulus, national language world-picture.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

Обсуждение термина «концепт» в последнее десятилетие занимает лидирующие позиции среди других ключевых терминов когнитивистики, таких как антропоцентрическая парадигма, языковая картина мира, языковая личность, межкультурная коммуникация, лингвоментальность, лингвокультурология, фрейм, скрипт и другие.

Совокупность концептов, объединяясь между собой, формирует концептосферу и картину мира в определенной лингвокультуре. С языковой картиной мира тесно связано понятие национальной языковой картины мира. Национальная языковая картина мира реализуется в национально специфичных концептах. Специфика концептов проявляется в различиях между концептами разных культур, в наличии безэквивалентных концептов, свойственных лишь для одной культуры. В схожих концептах различных культур национальное своеобразие проявляется в том, что сопоставимые концепты не полностью совпадают по своему содержанию, один из сравниваемых концептов имеет какие-либо смысловые дополнения либо усечения. Подобные различия могут быть существенными для межкультурной коммуникации [1; 101].

Наряду с такими понятиями современной лингвистики, как концепт, языковая картина мира, национальная специфика концепта особое внимание уделяется языковой личности и языковому сознанию; выявить черты языковой личности помогает ассоциативный эксперимент. В настоящей

статье мы хотим провести анализ результатов серии экспериментов, по итогам которого можно выявить асимметрию в структуре концептов в русской, казахской и киргизской концептосферах.

Особенности национально-культурного восприятия мира позволяет увидеть ассоциативный эксперимент. Это становится возможным посредством овнешнения фрагментов языкового сознания [2; 69]. В качестве экспериментального исследования нами использовалась такая психосемантическая методика, как свободный ассоциативный эксперимент, проводившийся путем анкетирования респондентов – студентов русского отделения филологического факультета Казахского Национального университета.

Проведенный свободный ассоциативный эксперимент, направленный на выявление национальной специфики концепта «любовь» в обыденном сознании монолингвов и билингвов, дает основание сделать некоторые выводы о семантическом наполнении исследуемого концепта. Эксперимент проводился в соответствии с основными рекомендациями по методике В.А. Масловой [3; 86]. Исследование с точки зрения национальных особенностей позволяет говорить об этнонациональных различиях в ассоциативном восприятии концепта «любовь». Психолингвистический и национально специфический подходы к восприятию концепта «любовь» позволяют предложить обобщенное ассоциативное понимание любви.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОНЦЕПТА В РАМКАХ
АССОЦИАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА

Жоламанова Е.И., канд. филол. наук
Кыргызский-Турецкий университет «Манас» им. Ч. Айтматова,
Кыргызстан

В статье автор акцентирует внимание на ключевых понятиях антропоцентрической лингвистики. Термины концепт, языковая личность, языковое сознание, национальная языковая картина мира вербализуются в ходе проведения эксперимента в лексических ассоциациях билингвов. Эти ассоциации проявляют ярко выраженную национальную специфику.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, ассоциативный эксперимент, информант, слово-стимул, национальная языковая картина мира.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

Мы предложили студентам анкету, состоящую из двух заданий. В первом задании предлагалось написать несколько предложений на тему «Что такое любовь?». Во втором задании нужно было подобрать сравнения к словам-стимулам. В эксперименте участвовали 130 студентов. Они были условно поделены по национальному признаку и степени владения языком на 5 групп: русские студенты (монолингвы), студенты казахи по национальности с доминирующим русским, студенты казахи по национальности с доминирующим казахским, студенты казахи по национальности, одинаково хорошо владеющие двумя языками и группа студентов других национальностей (гендерный признак не учитывался).

Первое задание. Анализ анкет русских студентов (монолингвов), ответивших на вопрос «Что такое любовь?», позволил сформулировать следующее определение: любовь – это сильное, глубокое, положительное чувство, имеющее оттенок внезапности, реализованное в виде доверия, взаимопонимания и уважения, обусловленное физическим притяжением, имеющее амбивалентный характер, проявляющееся в чувстве защищенности и способное дать человеку счастье.

Студенты казахи по национальности (билингвы) показали, что в их сознании любовь – положительное, субъективное чувство, проявляющееся в понимании, радости, доверии, счастье, взаимности, имеющее амбивалентный характер, связанное с

пониманием единственности объекта любви, со смыслом жизни; чувство любви рождает возвышенные ассоциации с древними легендами, стихами, любовной лирикой Абая и воспринимается как божественный дар.

Второе задание. В данной части эксперимента мы рекомендовали испытуемым продолжить сравнения первым пришедшим в голову словом, например, «глаза блестящие, как...». Студентам были предложены следующие ряды сравнений: *голос приятный, нежный, звонкий, как...; волосы длинные, волнистые, пышные, как...; брови тонкие, черные, густые, как...; губы алые, красивые, пухлые, как...; глаза блестящие, голубые, черные, как...; кожа белая, нежная, тонкая, как...; лицо красивое, круглое, милое, как...; девушка обаятельная, привлекательная, прелестная, как...; девушка худенькая, стройная, хрупкая, как...*

На основании сопоставительного анализа результатов проведенного нами ассоциативного эксперимента с учетом национального признака мы попытались выявить стереотип женской красоты в языковом сознании студентов. Анализируя ряд сравнений *глаза голубые, черные, блестящие, как...*, мы пришли к общему выводу, что чаще всего и русские, и казахи сравнивают глаза с объектами природы – с небом 46, морем 25, океаном 7; с драгоценными камнями – с бриллиантами 21, алмазами 13, жемчугом 3. Казахские студенты считают, вероятно, на подсознательном уровне, что волосы – всегда черные (*глаза черные, как волосы*). Глаза у казахов могут быть и голубыми (*глаза голубые, как у Айганыш, у Хавима, у Айжан*). Национально специфическими можно признать сравнения: *глаза блестят, как у верблюжонка 1; глаза черные/голубые, как у верблюжонка 2; глаза черные, как у барана 1; глаза голубые, как горы 1; глаза красивые, как у Баян Слы 1*. Изучение отдельно русских и казахских ассоциаций позволяет говорить об особенностях русских и казахских ассоциативных реакций; также это помогает гораздо четче очертить русскую и казахскую языковые картины мира в рамках концепта «любовь» и субконцепта «женская красота».

Нами был проведен аналогичный ассоциативный эксперимент среди студентов-медиков Киргизско-Российского Славянского университета с целью выявить лингвокультурную специфику концепта «любовь». Национально-культурная специфика проявилась в ответах студентов-билингвов (русско-кыргызский билингвизм). При проведении ассоциативного эксперимента в результате анкетирования было установлено, что стереотипные представления информантов национально детерминированы. Например, красоту девушки русские студенты сравнивают с морем, небом, солнцем. Киргизские студенты связывают красоту девушки с луной, солнцем, с лебедем, с Каныкей. На следующем этапе эксперимента, в процессе написания небольшого эссе «Что такое любовь?» студентами-медиками, в работах также нашла отражение национально-культурная специфика языкового сознания. У киргизских студентов чаще встречались поэтические строки и метафорические выражения о любви. Они обращались к легенде о Раймалы и Бегимай, в ответах преобладали образно-метафорические коннотации.

В нашем эксперименте участвовали и турецкие студенты, обучающиеся по специальности «Русский язык и литература» в Киргизско-Турецком университете. В небольшом эссе они сравнивают любовь с морем. В пословице *Aşk deryadir, dalmayan bilmez* (*Любовь – это море; кто не заходил в него, не знает, что это такое*) компонент *море* тоже имеет национально-культурную специфику. Не трудно предположить, что в работах местных студентов-билингвов слово *море* пока не фигурировало.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Языковое сознание является ненаблюдаемой материей. Но свободный ассоциативный эксперимент позволяет сделать срез языкового сознания представителей разных культур. Языковое сознание отражает этнокультурные особенности языковой личности в условиях билингвальной среды. Языковая личность дает возможность составить представление об особенностях концепта, концептосферы и националь-

ной языковой картины мира.

Ассоциативный эксперимент может быть проведен и на примере исследования языка писателя-билингва. На материале произведений Ч. Айтматова мы попытались выявить лингвокультурную специфику национальной языковой картины мира.

Понятие концепта тесно связано с понятием национальной языковой картины мира в творчестве двуязычного писателя. В повести «Ранние журавли» Ч. Айтматов приводит пример, как одно и то же явление по-разному преломляется в языковом сознании представителей разных этносов. Обратимся к небольшому сюжету повести.

Красивые песни высвистывают желтобокие полевые птички. Султанмурату нравится их пение, птички эти – сарайгыры (сары – соловая масть, айгыр – жеребец). Мальчику слышится, что они высвистывают: «Чу, чу, сарайгыр!» и торопят какого-то жеребца на свадьбу. Но русский парень, кинемеханик, слышит в их напеве совсем другое: «Чуть не выиграл три рубля, чуть не выиграл три рубля». Звуки *ч, р*, слышащиеся в пении птички, выстраиваются в разные фразы на русском и киргизском языках. Киргизский юноша Султанмурат и русский парень-кинемеханик слышат в одной и той же песенке разные фразы; зато автор произведения, Чингиз Айтматов, понимает обе расшифровки птичьей трели (птичка погоняет жеребца и торопится на свадьбу; птичка была на базаре, играла в карты и чуть не выиграла три рубля), которые представляют собой разные варианты смыслового наполнения звуковых сочетаний песенки. Эти варианты демонстрируют разные способы мировосприятия носителей разных лингвокультур (двух юношей). В языковом сознании писателя-билингва эти варианты дополняют друг друга и делают богаче языковую картину мира, которая становится совмещенной, или контаминированной, как называет такую картину мира казахстанский исследователь Туманова А.Б. [4]. Чингиз Айтматов и сам подчеркивал то, что его киргизская ментальность всегда находит выражение в его русскоязычных произведениях: «Будучи русскоязычным автором, я исхожу из

своей национальной данности – что бы я ни писал, киргизский язык и мое национальное мировосприятие неотлучно присутствуют в моем самовыражении» [5; 329].

Двуязычный писатель создает свои произведения на русском языке, при этом средствами русского языка он описывает киргизскую (или близкую казахскую) культуру, условия быта, отношения людей, нравственность. Этнонациональная ментальность русскоязычного писателя-билингва проявляется в пословицах и поговорках, фразеологизмах, народных выражениях, которые отражают мировоззрение киргизского народа, а также национальную языковую картину мира, передаваемую писателем на русском языке.

Произведения Ч. Айтматова насыщены пословицами и поговорками, часто паремии включаются в речь уважаемых людей, умудренных жизнью аксакалов. Их богатый жизненный опыт отражается в метких выражениях, созданных народом. Двуязычный писатель может употреблять пословицы и поговорки в тексте своих произведений не только на русском, но и на киргизском языках, давая рядом сноску или разъяснение. Употребление пословиц и поговорок является свидетельством национального видения мира писателя-билингва. Персонаж, киргиз (или казах) по национальности, в уста которого вкладываются данные языковые единицы, также демонстрирует свое национальное самосознание.

Приведем пример из повести «И дольше века длится день»: – Будешь жить у нас. И не возражай. Никаких гостиниц. Ты у меня особый гость. Как я у вас в сарозеках, так ты у меня. Сыйдын сыйы бар – так ведь по-казахски! Уважение от уважения! В этом примере двуязычный автор приводит рядом с казахской пословицей (так как в романе описывается Казахстан) русский перевод. Это свидетельствует о проявлении совмещенной картины мира русскоязычного писателя-киргиза. Это отражает наложение национальной (киргизской) и инонациональной (русской) картин мира, изображаемых в произведениях писателя.

Показателями национальной языковой картины мира писателя-билингва в произведениях Ч. Айтматова являются названия животных, обитающих на территории Киргизстана (в повести «Ранние журавли») и Казахстана (в романе «И дольше века длится день»). Особое место в этом ряду принадлежит коню. Он имеет большое значение в жизни кочевого киргизского народа. Для такого значимого в жизни человека животного русскоязычный писатель-билингв использует и русские, и киргизские слова, характеризующие различные качества коня: *жеребенок, скакун, аргамак, тулпар, тайлак, айгыр*. Киргизизмы вводятся автором с помощью сносок, пояснений: 1) Нет, не изменился Афанасий Иванович, пусть в годах был. Все такой же подвижный, суховатый. Казангап называл его аргамак – скакуном чистых кровей. То была высокая похвала – аргамак Афанасий; 2) -Ну что уставился! – заворчал старый Чекиш. – Думали, вам здесь Манасовых *тулпаров* на расчалках будут удерживать? (Манасовы тулпары – легендарные скакуны из войска Манаса, прим. Ч.А.).

В романе «И дольше века длится день» в описании казахской действительности важное место отводится такому животному, как верблюд. Он тоже имеет большое значение в жизни казахов, служит средством передвижения, используется в домашнем хозяйстве. Для обозначения верблюдов автор использует различные наименования – *нар* (одногорбый верблюд), *тайлак* (годовалый верблюжонок), *атан* (взрослый не кастрированный верблюд), *инген* (верблюдица), *верблюд-сырттан* (сверхверблюд, сверхсущество). Обратимся к примерам: 1) Едигей гордился им, редкой силы животное, хотя и нелегко управляться с ним, потому что Каранар оставался атаном – в молодости Едигей его не кастрировал; 2) В сарозеках род Акмаи не переводится, и нет-нет да появится такой верблюд-сырттан, как Буранный Каранар; 3) Когда атан пьянеет, он играет со своими тайлаками (Тайлак – детеныш верблюда. Атан – самец. Прим. Ч.А.).

Таким образом, русские и киргизские наименования коней, верблюдов (конь – *аргамак, тулпар, тайлак, ай-*

гыр; верблюд/-ица – нар, атан, сырттан, инген) отражают национальное самосознание автора-билингва и объективируют совмещенную языковую картину мира двуязычного писателя.

Анализ проанализированных произведений Ч.Айтматова позволяет сделать вывод об особом мировосприятии русскоязычного писателя, киргиза по национальности. Примеры из художественных текстов дают основания охарактеризовать национальную языковую картину мира писателя как совмещенную, объединяющую в своем составе и русскую, и киргизскую картины мира. Приведем примеры из текста: 1) Днем и ночью на Цейлоне теплынь, благодать, лето за летом идет. Купайся себе сколько влезет, хоть с утра до вечера. Надоест – ну тогда птицеверблюдов гоняй, птицеверблюды-то там водятся, непременно должны водиться, где же им еще быть, этим огромным глупым птицам (Птицеверблюды (тюякуш) – страусы; сноска Ч.А.); 2) – Башкарма-агай, а правда, что вы прыгали с самолета? – Тыналиев кивнул. – Да, прыгал. Но только с парашютом, конечно, – объяснил Тыналиев. – Это такой купол над головой, он распускается, как юрта.

Совмещенная языковая картина мира обогащается и за счет усиления богатства русского языка. Русский язык реализует свое богатство путем активизации пассивного лексического запаса, когда часто используется просторечие и народно-поэтические слова и выражения. В арсенале русского языка русскоязычного писателя присутствует давнее завоевание современного русского языка – три стиля: высокий, средний, низкий. Особенно частотными являются слова низкого стиля – просторечная и народно-поэтическая лексика; реже используются слова высокого, книжного стиля. Все это в совокупности создает фон для русской языковой картины мира и обогащает концептосферу языковой личности писателя. Можно привести такие примеры просторечных и народно-поэтических слов, как *неук, поземка, охвостье, предвечерье, мурава, ушлый, смурной, докука; уважить, докучать, закуржаветь, пользовать,*

зайтись, поартачиться, влаивать, наставлять, попеть (земля поспеет), разбередить, сокрушаться; негоже, в охотку, поделом, накоротке, с устатку, неоглядно, неизбывно, облыжно и др. Приведем пример из текста: – Остался бы жив Абуталип, сейчас бы сняли с него возведенные облыжно обвинения и, быть может, заново обрел бы он счастье и покой со своими детьми. Русское просторечие создает фон для усиления, обогащения русской национальной картины мира.

Подводя итоги сказанному, следует акцентировать внимание на том, что ключевые понятия антропоцентрической лингвистики – концепт, концептосфера, языковая личность, языковое сознание, национальная языковая картина мира – находят выражение в результате проведения ассоциативного эксперимента на основе анализа произведений писателя-билингва Ч. Айтматова, а также на основе опроса студентов-билингвов; эти понятия носят ярко выраженную национальную окраску.

References:

1. Popova Z.D. Kognitivnaya

lingvictika [Cognitive linguistics], Z.D. Popova, I.A. Sternin. - Moskva., AST: Vostok – Zapad [East-West], 2007., pp. 314.

2. Aktual'nyeproblemysovremennoi lingvistiki [Actual problems of modern linguistics] – Moskva., Flinta: Nauka, 2009., pp.416 .

3. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya [Cultural linguistics]. – Moskva., Izdatel'skij centr Akademija [Publishing Center Akademija], 2010., pp. 208.

4. Tumanova A.B. Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva [Contaminated language outlook in the literary discourse of the bilingual writer]., Monografija [Monograph]. Almaty, 2010., pp. 263.

5. Aitmatov Ch.T. Sobranie sochinenii v 7 tomah [Collection of works in 7 volumes] T.5. - B., 2008., pp.586.

Литература:

1. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика/З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

2. Актуальные проблемы современной лингвистики. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 416 с.

3. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 208 с.

4. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: монография. Алматы, 2010. – 263 с.

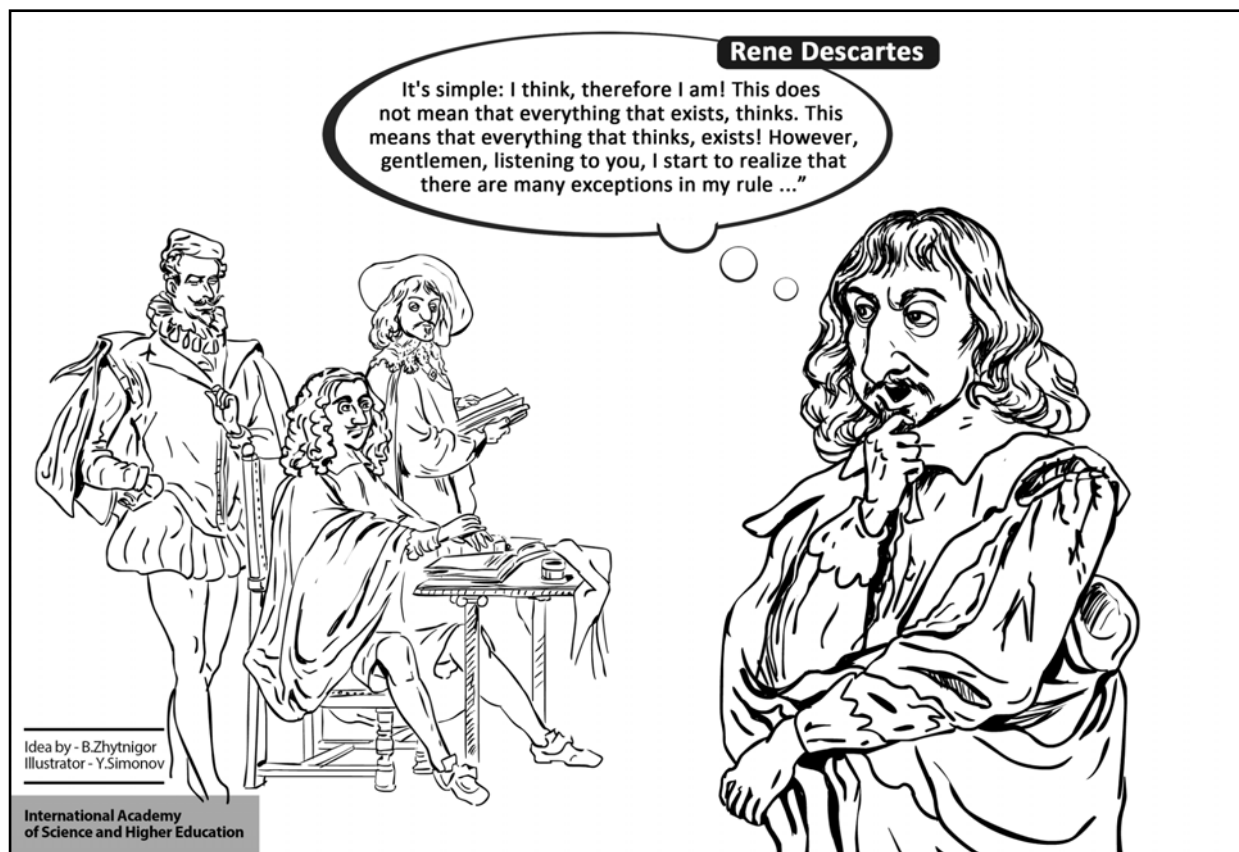
5. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений в 7 т.т. Т.5. – Б.: 2008. – 586 с.

Information about author:

Elena Zholamanova - Candidate of Philology, Senior Lecturer, Doctoral Candidate, Kyrgyzstan-Turkey Manas University; address: Kyrgyzstan, Bishkek city; e-mail: elena.zholamanova@bk.ru

Сведения об авторе:

Жоламанова Елена - кандидат филологических наук, Кыргызский-Турецкий университет «Манас» им. Ч. Айтматова; адрес: Кыргызстан, Бишкек; электронный адрес: elena.zholamanova@bk.ru

INTERNET-STATUSES ON THE SOCIAL NETWORK FACEBOOK FROM THE POINT OF VIEW OF THE DISTRIBUTION OF CONSCIOUSNESS AND THE LANGUAGE

O. Karamalak, Candidate of Philology, Associate Professor
Magnitogorsk State University, Russia

The article is connected with everyday verbal internet-statuses of American college students on "Facebook". The author singles out different types of internet-statuses: affective (emotional) aimed at "everybody" and implicit (devoted to a particular person), informative, situational (locative). Posting statuses is viewed from the psycholinguistics as a need to "share", "scatter", "disperse", "express" different states in the internet-society on the subconscious level.

Keywords: verbal internet-statuses; "Facebook"; everydayness, internet-communication; distributed mind and language; social nature.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ИНТЕРНЕТ-СТАТУСЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ "FACEBOOK" С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКА

Карамалак О.А., канд. филол. наук, доцент
Магнитогорский государственный университет, Россия

В статье исследуются повседневные вербальные интернет-статусы американских студентов в социальной сети "Facebook". Автором выделяются их основные виды: аффективные (эмоциональные), направленные «на всех» или имплицитные (предназначенные для конкретного человека), информативные, ситуативные (локутивные). Размещение статусов рассматривается с психолингвистической точки зрения как потребность на бессознательном уровне «делиться», «разделять», «рассеивать», «выражать» различные состояния в интернет-социуме.

Ключевые слова: вербальные интернет-статусы; "Facebook"; интернет-коммуникация; повседневность; распределенность сознания и языка; социальность.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Развитие высоких технологий позволяет переходить на новые уровни общения, появляются новые жанры интернет-коммуникации, методы лингвистического анализа, прагматические установки, формируется онтологическое понимание киберпространства и рассматриваются другие вопросы, связанные с интернет-общением. Целью данной статьи является изучение феномена вербальных интернет-статусов как особого типа дискурса повседневности, обладающего ориентирующей функцией, с точки зрения распределенности сознания и языка [9] в когнитивном и психолингвистическом аспекте.

Направление, посвященное повседневности, – одно из самых молодых течений гуманитарного знания. В истории, социологии, философии его оформление происходит почти одновременно: в 70–80-е гг. XX в. Однако серьезный интерес к обыденному сознанию и повседневной жизни возникает несколько раньше. Так, Хайдегер характеризует «повседневность» как «рассеянную самость», «усредненность», «растворенность в публичном», т.е. в формах конституции не человеческого «Я», но безличного «людства» (категория «Das Man»), которую можно перевести и просто как «люди», но еще и как «индифферентность», «обыденность», «обезличенность» [3, с. 10; цит. по 8, с. 62]. На наш взгляд, феномен повседневности тесно связан с теорией распределен-

ности языка и сознания, согласно которой «внутренние репрезентативные состояния основаны на истории онтогенетических сцеплений (корреляционной согласованности) между телом и миром <...> Когнитивные процессы распределены в наших мозгах, телах и, в некоторых случаях, социальном и физическом мирах» [4, с. 224]. Когнитивные системы носят распределенный характер, что с необходимостью определяет и распределенный характер языка [9]. С данной точки зрения, языковое поведение рассматривается как результат распределенности различных видов деятельности, координации между динамической системой или организмом и его средой или окружением.

Интернет-статусы в социальной сети "Facebook" – это короткое, но емкое текстовое сообщение, графическое, видео- или звуковое изображение, устанавливаемое пользователем на своей страничке, которое впоследствии комментируется или остается без внимания другими пользователями данной социальной сети. Следует отметить, что в рамках данной статьи мы говорим об интернет-статусах на личных страницах, написанных на родном американском английском языке американскими студентами колледжа Lees-McRae, как одном из проявлений феномена повседневности. Мы не рассматриваем поздравительные, благодарственные, рекламные, внушающие или убежда-

ющие интернет-статусы, которые умеренно размещаются на страницах других людей.

Проанализировав интернет-статусы американских студентов, мы пришли к выводу, что в основном они пишут о своем эмоциональном и физическом состоянии (как себя чувствуют, что делают), погоде, спорте, учебе, развлечениях и свободном временипрепровождении, любви и дружбе, потере веса, благотворительных акциях с целью зарабатывания денег на что-либо (fund raising), вере в Бога и некоторых др. темах.

Статусы американских студентов на повседневные темы можно разделить на несколько групп согласно цели их написания. Кратко остановимся на их лингвостилистических аспектах.

Аффективные (эмоциональные) статусы способны «поведать» социуму об эмоциональном или физическом состоянии человека, чтобы вызвать ответную эмоциональную реакцию, – например, сопереживание (эмоциональную поддержку), похвалу и др.:

I think I need an ice bag for my hand after that test («Я думаю, мне нужен лед, чтобы приложить к руке после экзамена»). В данном высказывании используется гипербола "ice bag for my hand" для усиления впечатления о психической и физической усталости студента после написания экзамена.

К аффективным интернет-статусам можно отнести заимствованные

статусы, философские и юмористические фразы или клише, призванные повлиять на друзей – пользователей сети с тем, чтобы вызвать положительные эмоции или дать пищу для размышлений. Таким образом, в качестве статуса – своеобразного девиза человека, его «идентификатора» нередко используются крылатые слова и афоризмы, что способствует популяризации последних среди молодежи [2].

Often it's the deepest pain which empowers you to grow into your highest self Karen Salmansohn («Часто именно самая сильная боль делает нас лучше» Карен Салмэнсон»). Очевидно, что автор размещенной цитаты испытывает психологическую боль. Данный статус прокомментирован с целью поддержать автора и убедиться, что с ним все хорошо.

You are a sweetheart as always, Rachel! Hope you are doing better than well! («Ты как всегда мила, Рейчел! Надеюсь, у тебя дела идут лучше, чем хорошо!»).

THANKS Max! You made my day! © («СПАСИБО, Макс! Ты меня приободрил! ☺»).

Аффективные статусы бывают двух типов: направленные «на всех» и общие имплицитные (завуалированные) послания, предназначенные определенному человеку, но размещенные «для всех».

I love our constant poke war every day :) ♥ («Мне нравится наша каждодневная война по толканию друг друга ♥»).

Me too!! It makes me happy! («Мне тоже!! Это меня веселит!»).

Информативные интернет-статусы практически отсутствуют в чистом виде среди записей студентов. Это можно объяснить тем, что при необходимости информировать кого-либо, сообщить о встрече, вопросах к экзамену и т.д. они чаще лично обращаются к адресату, а не размещают сообщения на странице «для всех». Информативные статусы обычно лишены эмоциональности и экспрессивности. Однако, с другой стороны, аффективные статусы могут быть информативными в определенном аспекте: автор статуса информирует читателей о своих чувствах.

Следует уточнить, что мы понимаем под понятием «информация». Информация не передается как данность от одного источника к другому по каналу связи. Данный механический подход к пониманию информации критикуется в работах У. Матураны, который говорит о широко используемой метафоре информационного канала: «С точки зрения биологии в коммуникации не существует “переданной информации”». Коммуникация происходит всякий раз, когда существует координация поведения в области структурной сопряженности <...> Согласно метафоре коммуникационного канала, коммуникация есть нечто, порождаемое в определенной точке. Затем она распространяется по каналу связи (коммуникационному каналу) и поступает к приемнику на другом его конце <...> Эта метафора в корне не верна. Она предполагает существование единства, не определенного структурно, в котором взаимодействия несут в себе инструкции, или команды, хотя происходящее с системой при взаимодействии определяется возмущающим агентом, а не ее структурной динамикой. Однако ясно, что даже в повседневной жизни ситуация с коммуникацией иная: каждый говорит то, что говорит, или слышит, что слышит, в соответствии со своей собственной структурной детерминацией...» [5, с. 173].

Информацию (in-formation) следует понимать как «встраивание» организма в среду, в результате которого он оказывается информированным (in-formed). Такую информацию нельзя рассматривать как эфемерное значение или биты информации, ожидающие, когда живая система ими воспользуется. Язык, согласно данному подходу, не передает информации, его функциональная роль заключается в создании кооперативной области взаимодействия между говорящими путем выработки общей системы отсчета. Каждый говорящий действует исключительно в рамках своей когнитивной области, где любая предельная истина зависит от опыта многих переживаний [6].

Возвращаясь к типам интернет-статусов в зависимости от цели их размещения, можно выделить ситуа-

тивные статусы, не имеющие определенной цели воздействия.

Ситуативные (локутивные) речевые акты или акты-констатации, описывающие физическое состояние пользователя сети, такие как *ем ... , пью ... , слушаю ... , читаю ... , смотрю ... , чувствую ...* и т. д., могут не иметь определенной цели воздействия на других людей на сознательном уровне. Локутивный акт (locutionary act) сводится к речепроизводству как таковому. Уточняя это размытое определение, Дж. Серль [7] выделяет собственно акт произнесения или «акт высказывания» (utterance act).

made tea... but where did i put it? (6 people like it) («налил себе чай... но куда я дел кружку? (6 человек оценили статус “мне нравится”»)

found it («нашел»)

I lost my coffee three times today! («Я сегодня теряла свой кофе три раза!»)

You're too young for misplacing things. («Тебе еще слишком рано страдать склерозом.»)

Мы полагаем, что у человека проявляется психофизиологическая потребность на бессознательном уровне «делиться», «разделять», «рассеивать», «выражать» свои различные состояния (психические, физиологические, мыслительные). Будучи, согласно У. Матуране [6], структурно детерминированными (автопоэтическими) системами, мы стремимся преодолеть эту закрытость и «раствориться» в других людях, выйти за пределы «одиночества познающего сознания» (термин И.К. Архипова [1]). «Сознание (mind) отдельного человека не заключено в голове, оно простирается через все живое тело и включает мир, находящийся по другую сторону биологической мембраны организма, в особенности межличностный, социальный мир себя и других» [11, р. 2]. В написании таких локутивных интернет-статусов проявляется бессознательное намерение адресанта привлечь к себе внимание, побудить взаимодействие с другими и «поделиться», «разгрузить» свое эмоциональное состояние, проявив активность, и, написав интернет-статус, сделать его стимулом для возникновения возможной дальнейшей реакции у других людей.

А. Ное, профессор университета Беркли (Калифорния), считает, что человек не является замкнутым модулем или автономным целым. Он метафорически объясняет, что люди не ягоды, которые можно легко сорвать, а скорее все растение или куст, который корнями уходит в землю и переплетается с ягодами других кустов [10, р. 68; перевод мой – О.К.]. Сознание человека не замкнуто в коре головного мозга, как в тюрьме наших идей и чувственных переживаний. Мысль зарождается не в мозге, а во всем организме, который динамично сопряжен с окружающей средой. Сознание – это не то, что происходит внутри человека, это то, что он активно создает в динамичном взаимодействии с миром вокруг себя [6, р. 24; перевод мой – О.К.]. Как показывает нейронаука, язык составляет единое целое с аффективными состояниями и телесными выразительными средствами. Мозг, тело и среда вместе участвуют в сигнальной системе человека.

Интернет-статусы в социальной сети “Facebook”, как и в любой другой, обычно направлены не на конкретного человека, а на всех друзей – пользователей данной сети. Следовательно, в них обычно нет определенной цели коммуникации, как это происходит в письменном или устном дискурсе с одним или несколькими адресатами. Статус является одним для всех, и видят и читают все. Сообщение направлено «в мир», оно становится общим для многих в интернет-пространстве, и его возможность для ориентирования большого количества людей возрастает. Автор интернет-статуса как структурно детерминированная система порождает внешние к нему пусковые механизмы, направленные на других людей, способные вызывать определенное изменение в их структурах. Следовательно, автор статусов может оказывать воздействие на другие структурно детерминированные системы и координацию действий воспринимающих.

В лингвистическом плане люди координируют действия других с помощью лингвостилистических при-

емов интернет-общения. В настоящее время созданы целые базы словесных статусов, которые дифференцируются по различным тематическим рубрикам. Кроме вербальных статусов, популярны также паралингвистические (видео-, аудио- и визуальные статусы), которые оказывают еще большее влияние на интернет-социум, являясь индексами состояний их авторов или пользователей.

В заключение следует отметить, что при исследовании повседневных вербальных интернет-статусов американских студентов оказалось возможным выделить их основные виды: аффективные (эмоциональные), направленные «на всех» или имплицитные (предназначенные для конкретного человека), информативные, ситуативные (локутивные). В первых двух происходит сознательное речевое воздействие на пользователей сети, в последнем (ситуативном) воздействие на людей осуществляется на бессознательном уровне как реализация биопсихологической потребности в социальности.

References:

1. Arkhipov I.K. Yazyk i yazykovaya lichnost': uchebnoe posobie [Language and linguistic identity: tutorial]. – Sankt-Peterburg., Knizhnyi dom [Book House], 2008., pp. 148.
2. Zrazhevskaya N.I. Kommunikatsiya v Internete. Statusy kak sredstvo popularizatsii aforizmov v molodezhnoi auditoria [Communications on the Internet. Status as a mechanism of popularization of aphorisms in the young audience]., Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. Ural'skii filologicheskii vestnik [Language. The system. Personality: Linguistics creativity. Ural philological Gazette]. - 2012., No 2., pp. 67–69.
3. Kornev V.V. Veshchi nashego vremeni: elementy povsednevnosti: monografiya [Things of our time: elements of daily life: monograph]. – Barnaul., Izdatel'stvo Altajskogo universiteta [The Altai University

Publishing House], 2010., pp.225.

4. Kravchenko A.V. Kognitivnyi gorizont yazykoznaniiya [Cognitive linguistics horizon]. – Irkutsk., Izdatel'stvo Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava [Publishing House of the Baikal State University of Economics and Law], 2008., pp. 320.

5. Maturana U.R., Varela F.Kh. Drevo poznaniya [Tree of Knowledge]., perevod s anglijskogo Yu.A. Danilova. – Moskva., Progress-Traditsiya [Progress-Tradition], 2001., pp.224.

6. Maturana U.R. Biologiya poznaniya [Biology of cognition]., Yazyk i intellect [Language and intelligence] – Moskva., Progress, 1996., pp. 95–142.

7. Serl' D.R. Chto takoe rechevoi akt? [What is a speech act?], Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New things in foreign linguistics]., Vyp. 17., Teoriya rechevykh aktov [The theory of speech acts]. – Moskva., 1986., pp.151–169.

8. Khaidegger M. Bytie i vremya [Being and time]. – Khar'kov., Folio, 2003., pp.503.

9. Cowley S.J. Distributed Language Ed. by Cowley. – Amsterdam., Philadelphia., John Benjamins Publishing Company, 2011. – 211 p.

10. Noë A. Out of our heads: Why you are not your brain, and other lessons from the biology of consciousness. – New York: Hill and Wang, 2009. – 214 p.

11. Thompson E. Empathy and consciousness., Journal of Consciousness Studies, 8:5 – 7. p. 1-32.

Information about author:

Olga Karamalak - Candidate of Philology, Associate Professor, Magnitogorsk State University; address: Russia, Magnitogorsk city; e-mail: olgakaramalak@yandex.ru

Сведения об авторе:

Карамалак Ольга - кандидат филологических наук, доцент, Магнитогорский государственный университет; адрес: Россия, Магнитогорск; электронный адрес: olgakaramalak@yandex.ru

CORRELATION OF SUCH CONCEPTS AS THE PROFESSIONAL LANGUAGE, LITERARY LANGUAGE AND THE NATIONAL LANGUAGE

T. Gumeniuk, Postgraduate student
National University of «Kyiv-Mohyla Academy»,
Ukraine

The author analyzes characteristics and structure of the professional language (LSP) as an autonomous unit and its place in the national language. Interrelation of the professional language and the literary language in the concepts of Ukrainian and Russian linguists are investigated.

Keywords: professional language, national language, literary language, sub-language, professional vernacular, terminology.

Conference participant

Выделение профессионального языка, как отдельной разновидности, требует от исследователя выяснить место этого явления в системе координат национального языка, а также установить корреляцию с литературным языком как ядром национального.

В украинском языкознании понятие профессиональный язык закрепилось не полностью и не совсем в том значении, в котором его использует европейская наука. Этому есть несколько объяснений. История любого профессионального языка начинается со сбора и накопления терминов, последующего исследования их особенностей и закономерностей образования. И даже когда речь идет о терминосистеме, под этим чаще всего понимают только лексику, минуя проблемы других языковых уровней. Выделить отдельное языковое образование на основе одной лексики невозможно. А поскольку терминология подвергается суровой нормализации, ее безоговорочно относят к литературному языку и рассматривают как его функциональную разновидность, присущую тому или иному стилю. Когда появляется понятие профессионального языка, в основе которого лежит терминология, первое и второе просто отождествляют. Таким образом, изменяется только форма, а содержание остается прежним. Подтверждает такое мнение и ряд украинских учебников, которые следуя моде, изменили заголовки, миновав не только краткую характеристику профессионального языка, но и хоть какое-то определение [1], [6]. Приме-

чательно, что до сих пор в энциклопедии «Українська мова» нет словарной статьи «Фахова мова», хотя есть «Термін», «Термінологічний словник», «Термінологія» [7].

Новые тенденции в понимании профессионального языка можно проследить в статьях Т. Кияка. Он активно обращается к немецким исследованиям, в которых ввели этот термин. Вслед за Л. Хофманом Т. Кияк определяет профессиональный язык как «совокупность всех языковых средств, применяемых в профессионально замкнутой сфере коммуникации с целью обеспечения взаимопонимания между людьми, которые работают в этой сфере» [4, с. 138]. В этом определении звучит важная фраза «всех языковых средств», подталкивающая нас к пониманию профессионального языка как целостного комплекса, в котором лексика является лишь одним из элементов, хотя и весомым. Весь корпус национального языка Т. Кияк разделяет на две составляющие: общеупотребительный язык и множество профессиональных языков. Внутри профессиональных языков автор выделяет субклассы и субязыки, которые непрерывно взаимодействуют между собой и занимают определенное место в иерархической системе [4, с. 139]. Итак, можем сделать вывод, что автор противопоставляет профессиональный язык общеупотребительному. Но в другой его статье сталкиваемся с такими единицами профессионального языка: 1) термины определенной области, 2) межотраслевые общенаучные терминологические единицы, 3) профессионализмы (сюда относят-

КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Гуменюк Т., аспирант
Национальный университет «Киево-Могилянская академия»,
Украина

В статье проанализированы особенности и структура профессионального языка как автономной единицы и его место в национальном языке. Также исследована взаимосвязь профессионального языка с литературным, рассмотрены концепции украинских и российских лингвистов.

Ключевые слова: профессиональный язык, национальный язык, литературный язык, подязык, профессиональное просторечие, терминология.

Участник конференции

ся и номены), 4) профессиональные жаргонизмы, 5) общеупотребительная лексика [3, с. 19]. Профессиональный язык невозможно полностью противопоставить национальному, поскольку первый черпает часть ресурсов из второго. Ничего не сказано о связи литературного языка с профессиональным. С одной стороны, литературный язык является редукцией других форм существования языка, средним арифметическим прежде всего языка национального. С другой стороны, он устанавливает нормы, которые распространяются и на формальные особенности профессиональных языков, и является реципиентом инноваций.

Это все, что нам предлагает украинская лингвистика. Масштабные работы по терминоведению и профессиональным языкам пока остаются в будущем. В то же время подобные вопросы давно прорабатывают за рубежом. По этому поводу интересную концепцию предлагает русский коллектив авторов А. Суперанская, Н. Подольская, Н. Васильева в монографии «Общая терминология. Вопросы теории». Они рассматривают профессиональный язык как один из видов подязыков (сюда относятся также диалекты, жаргон, просторечие). Европейская же научная традиция различает две формы существования языка: стандартные (литературный язык, профессиональный язык) и субстандартные (городские и профессиональные просторечия, территориальные диалекты, жаргоны, аргот). В отличие от литературного языка, время возникновения профессиональных языков можно датировать доста-

точно точно. В 70-х гг. в Европе появился термин язык для специальных целей (LSP – Language for Specific Purposes). Эта тема была особенно актуальной для Германии. Несмотря на значительные фонетические, орфографические, лексические различия, казалось бы, единого немецкого языка на территории Австрии, Бельгии, ГДР, ФРГ, Швейцарии было решено сохранить единство немецкого языка хотя бы в области специальных знаний [8, с. 63].

Рассмотрим связь профессионального языка с литературным. Энциклопедия «Українська мова» дает следующее определение литературного языка: «Литературный язык – нормированный язык общественного общения, общепринятый в письменной и устной практике. Он является одной из форм национального языка. Основные признаки литературного языка – это его наддиалектный характер, стабильные литературные нормы в грамматике, лексике, произношении, функционально-стилевая разветвленность» [2, с. 318]. Основная черта, объединяющая любые подязыки и противопоставляющая их литературному языку – отсутствие общего употребления, необходимость специального обучения или хотя бы ознакомления со спецификой слово- и формообразования и употребления. Также во многих профессиональных языках интернациональные элементы преобладают над национальными, а текст значительно насыщен терминологией. Напротив избыток профессиональной лексики в языке литературном нарушил бы его системность и сделал бы его непригодным для общего употребления [8, с. 56–59]. Литературный язык – полифункциональный, профессиональный – монофункциональный. Профессиональный язык в отличие от литературного беден на выразительные средства. Но что касается отнесения профессионального языка к литературному, авторы монографии «Общая терминология. Вопросы теории» делают справедливое замечание: «Истоки многих терминологий, восходя к словам национальных языков, имеют очень мало общего с языками литературными, потому что многие элементы специальных языков были

известны задолго до формирования литературных языков и, следовательно, онтологически с ними не совпадают. Специальное редактирование научных текстов, а также бережное отношение к нормам специальных научных и производственных подязыков может создать иллюзию о принадлежности терминов к литературному языку. Но это касается лишь произношения и написания специальных слов, а не самой их сущности. Содержание терминов, их системная организация, сочетаемость с другими словами, модели терминообразования – все это лежит за пределами общего потребления, а соответственно, и за пределами литературного языка» [8, с. 60].

Перейдем к рассмотрению связи профессионального и национального языков. Последний принято понимать как системное единство всевозможных форм существования языка, одной из которых является профессиональный язык. Следовательно национальный язык всегда поглощает любую форму своего существования, включая литературный язык. Автономные языковые формы в рамках национального языка не изолированы строго друг от друга. Их автономность возможна благодаря внутрисистемным связям. Все они входят в состав национального языка. Профессиональные языки формирует специальная лексика, в то время как национальный язык состоит в основном из общеупотребительной лексики. Но все формы существования языка организованы по принципу национального языка. Хотя профессиональные языки отличаются от литературного языка функционально, они, кроме того, состоят из иных материальных элементов и потому не могут считаться ни функциональными разновидностями национального языка, ни функциональными стилями литературного языка.

В «Общей терминологии. Вопросы теории» также проанализирована схема национального языка французского лингвиста Г. Рондо. Согласно Г. Рондо лексику национального языка можно разделить на общую и специальную. В любой языковой системе общеупотребительная лексика образует ядро, а специальная – периферию. Последнюю можно разделить на

отдельные секторы в зависимости от характера предметного знания. Зону профессиональной лексики исследователь делит на 3 кольца, характеризующие единицы количественно и качественно (с точки зрения понятности). По мнению автора, именно в узкоспециальной сфере рождаются неологизмы [8, с. 64–65]. Отметим, что сама суть литературного языка, его консерватизм исключает в нем свободное появление неологической лексики.

Авторы исследования кроме подязыков, выделяют также профессиональное просторечие. В терминологически развитых языках кроме упорядоченной терминологии существует также профессиональное просторечие. В языках, слабо развитых в терминологическом плане, оно доминирует в специальной коммуникации. Профессиональное просторечие – это ненормированная форма существования специальных языковых средств. Желание разнообразить язык, дать оценку предмету или явлению, процессы метафоризации и метонимизации, стремление к языковой экономии, устаревания элементов вследствие уточнения понятий – это основные причины возникновения ненормативных элементов в профессиональной сфере. Профессиональное просторечие входит в профессиональный язык, как его обязательный элемент, который имеет свои неписанные традиции. В Западной Европе в период ремесел с профессиональной замкнутостью и позже цехов с цеховыми традициями, специалисты пытались максимально оградить свои профессиональные языки от общего употребления, чтобы сохранить профессиональную тайну. Позже эти элементы частично перешли в профессиональное просторечие. Эта форма существования языка создает много эмоционально окрашенных неологизмов, каламбуров, образных высказываний, сравнений. Важно отличать сложные и составные термины от профессиональной фразеологии. Последняя не входит в круг терминологии, поскольку не имеет обязательного характера в специальной сфере и лишена постоянства, стабильности. Профессиональным фразеологизмам не присуща научная

точность. Но благодаря своей яркости они хорошо запоминаются и свободно функционируют в профессиональной среде. Они не могут указывать на место понятия в соответствующей научной системе, но благодаря своей наглядности, часто содержат указание на внешние, характерные признаки предмета, благодаря чему служат просторечными эквивалентами научных терминов и номенов [8, с. 71–74].

Подытоживая вышесказанное, сделаем краткие выводы. Профессиональный язык следует понимать как одну из форм существования национального языка, которая обеспечивает коммуникацию в профессионально замкнутой среде. Он состоит как из стандартизированных элементов (терминов, общеупотребительной лексики), так и ненормированных (профессионализмы, жаргонизмы). Профессиональный язык имеет не только сходственные, но и отличительные черты с национальным и литературным языком, поэтому отождествлять их не стоит.

References:

1. Vasenko L. Fakhova ukraïns'ka mova: Navchal'nii posibnik [Professional Ukrainian Language: tutorial] L. Vasenko, V. Dubichins'kii, O. Krimets'. – Kiev., Tsentr uchbovoi literatury [Educational literature center], 2008., pp. 272.
2. Ermolenko S. Literaturna mova [Literary language] S. Ermolenko, Ukraïns'ka mova: Entsiklopediya [Ukrainian language: Encyclopedia]. 2nd edition. – Kiev., Izdatel'stvo 'Ukrainskaja jenciklopedija' imeni M.P. Bazhana [Publisher: "Ukrainian encyclopedia" named after M.P. Bazhan.], 2004., pp. 318–320.
3. Kiyak T. Apologiya lingvistiki fakhovikh mov [Apology of linguistics of professional languages], T. Kiyak., Ukraïns'ka terminologiya i suchasnist': Zb. nauk. prats'. [Ukrainian terminology and modernity: collection of scientific reports]. Vyp. VII. – Kiev., KNEU, 2007., pp. 18–21.
4. Kiyak T. Fakhovi movi yak novii napryam lingvistichnogo doslidzhennya [Professional language as a new area of linguistic studies], T. Kiyak, Inozemna filologiya [Foreign philology]. – 2009., Vip. 121., pp. 138–141.

5. Nika O. Ukraïns'ka terminologiya ta istoriya literaturnoi movi [Ukrainian terminology and history of literary language], O. Nika, Ukraïns'ka naukova terminologiya [Ukrainian Scientific terminology]. – 2010., pp. 23–33.

6. Pogiba L. Ukraïns'ka mova fakhovogo spryamuvannya. Pidruchnik [Ukrainian language of the professional vector. Tutorial], L. Pogiba, T. Gribinichenko, L. Golichenko. – Kiev., Kondor, 2012., pp. 350.

7. Simonenko L. Terminologiya [Terminology], L. Simonenko, Ukraïns'ka mova: Entsiklopediya [Ukrainian language: Encyclopedia], 2-ge vid. – Kiev., Izdatel'stvo 'Ukrainskaja jenciklopedija' imeni M.P. Bazhana [Publisher: "Ukrainian encyclopedia" named after M.P. Bazhan.], 2004., pp. 683–684.

8. Superanskaya A. Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii [Common terminology: Problems of the theory], A. Superanskaya, N. Podol'skaya, N. Vasil'eva. – Moskva., Knizhnyj dom «Librokom» [The publishing house «Librokom»], 2012., pp. 248.

– С. 318–320.

3. Кияк Т. Апологія лінгвістики фахових мов / Т. Кияк // Українська термінологія і сучасність: Зб. наук. праць. Вип. VII. – К.: КНЕУ, 2007. – С. 18–21.

4. Кияк Т. Фахові мови як новий напрям лінгвістичного дослідження / Т. Кияк // Іноземна філологія. – 2009. – Вип. 121. – С. 138–141.

5. Ніка О. Українська термінологія та історія літературної мови / О. Ніка / Українська наукова термінологія. – 2010. – С. 23–33.

6. Погиба Л. Українська мова фахового спрямування. Підручник / Л. Погиба, Т. Грибіниченко, Л. Голіченко. – К.: Кондор, 2012. – 350 с.

7. Симоненко Л. Термінологія., Л. Симоненко, Українська мова: Енциклопедія. – 2-ге вид. – К.: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М.П. Бажана, 2004. – С. 683–684.

8. Суперанская А. Общая терминология: Вопросы теории / А. Суперанская, Н. Подольская, Н. Васильева. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 248 с.

Information about author:

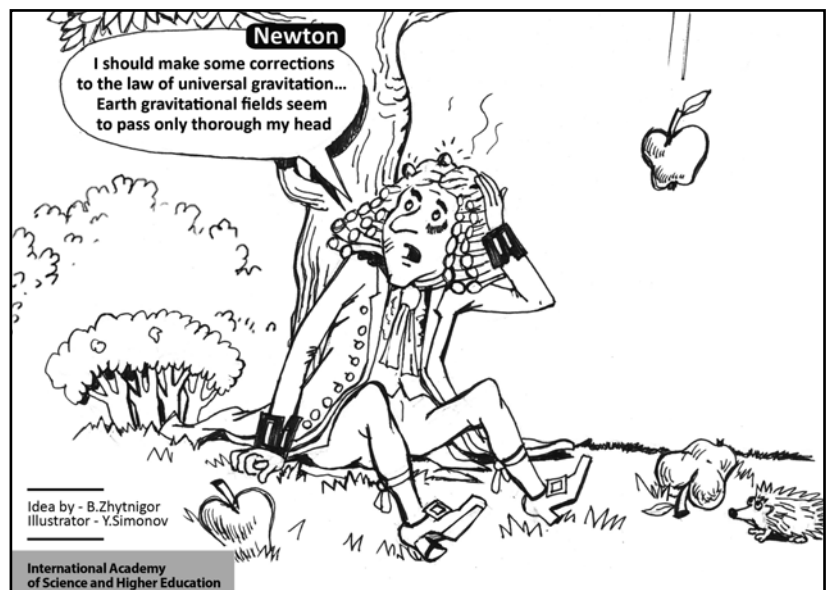
Tamara Gumeniuk - postgraduate student, National University of «Kyiv-Mohyla Academy»; address: Ukraine, Kiev city; e-mail: tamara_gumenyuk@ukr.net

Сведения об авторе:

Гуменюк Тамара - аспирант, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»; адрес: Украина, Киев; электронный адрес: tamara_gumenyuk@ukr.net

Література:

1. Васенко Л. Фахова українська мова: Навчальний посібник / Л. Васенко, В. Дубічинський, О. Кримець. – К.: Центр учбової літератури, 2008. – 272 с.
2. Єрмоленко С. Літературна мова / С. Єрмоленко // Українська мова: Енциклопедія. – 2-ге вид. – К.: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М.П. Бажана, 2004.

THE EFFECT OF SILENCE IN ENGLISH ART DISCOURSE

M. Dontsova, student
A. Svetlova, lecturer
Sumy State University, Ukraine

The article is connected with problems of complex analysis of the silence effect and its aspects observed in communicative and non-communicative silence and examined on the basis of materials of the English artistic discourse.

Keywords: effect of silence, verbal communication, non-verbal communication, silence, art discourse, rhetorical discourse, communicative silence, nature silence, homo silence, silence of artifacts, linguistic picture of the world, lacuna of silence.

Conference participants,
National championship in scientific analytics

СИЛЕНЦИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Донцова М.С., студент
Светлова А.И., преподаватель
Сумской государственной университет, Украина

В статье рассматриваются проблемы комплексного анализа силенциального эффекта и его аспектов, которые наблюдаются как в коммуникативном молчании, так и в некоммуникативном и рассматриваются на материалах художественного англоязычного дискурса.

Ключевые слова: силенциальный эффект, вербалика, невербалика, молчание, художественный дискурс, риторический дискурс, коммуникативное молчание, молчание артефактов, языковая картина мира, силенциальная лакуна.

Участники конференции,
Национального первенства по научной аналитике

Вопрос комплементарности невербалики и вербалики очень актуален учитывая тенденции сегодняшней лингвистики к изучению проблем коммуникации. Молчание – одна из форм человеческой коммуникации, интерпретируется нами как своеобразная языковая реальность, которая имеет свою цель, план выражения и план содержания. Работы таких ученых как С.А. Швачко, Н.Д. Аргюнова, О.Е. Носова, А. Мокренко, Т.А. Анохина показывают, что данный вопрос вызывает повышенный интерес ученых.

Актуальность темы обусловлена необходимостью системного исследования силенциального эффекта (молчания) с учетом его социально-культурных и индивидуально-психологических характеристик в англоязычном художественном дискурсе. **Объект** – исследования – силенциальный эффект в англоязычном художественном дискурсе. **Предмет** – вербализация силенциального эффекта в англоязычном художественном дискурсе. Материалом для исследования является англоязычная художественная литература.

Многочисленные исследования доказывают, что молчание в процессе человеческого общения является преднамеренным коммуникативным актом, который имеет нулевой план выражения, но имеет значение. Молчание, как феномен невербалики, эксплицирует поведение, наполняет речь эмоциональной коннотацией. Молчание – это силенциальный компонент коммуникации, психологически реле-

вантный, семантически нагруженный и значимым для человеческого общения. Молчание – это перерыв в вербальном поведении, субститут просодических паузальных компонентов [8, с. 251].

Существуют различные интерпретации молчания, которые категоризируют силенциальный эффект, отделяют его от тишины, осмысливают потенции физиологической и фонетической паузы. Силенциальный эффект стал междисциплинарным феноменом, исследования афазиологов, психологов и лингвистов расширили теорию молчания [2, с. 6].

Молчание как семиотический феномен невербалики – это своеобразный субститут смысла высказывания, который эксплицирует поведение, наполняет речь новым содержанием, при этом эмоционально насыщает вербалику [4, с. 418].

Молчание вместо речи расценивается как нулевой заменитель вербальной реакции и интерпретируется в зависимости от конкретной ситуации, содержания предыдущего высказывания.

Феномен молчание – дискурсивное явление, которое отражает состояние коммуникантов, их прагматическую и социокогнитивную деятельность. На современном этапе существует несколько определений дискурса. Так, Н.Д. Аргюнова определяет дискурс как текст, “погруженный в жизнь”, “язык в жизни”, т.е. текст как результат целенаправленного социального действия, как совокупность языковых, речевых, социокультурных и прагма-

тических, когнитивных и психологических факторов [3, с. 106-108].

А. Селиванова приводит следующее определение дискурса: 1) связанный текст в контексте многочисленных сопутствующих фоновых факторов – онтологических, социокультурных, психологических и т.д., 2) замкнутая целостная коммуникативная ситуация, составляющими которой являются коммуниканты и текст, как знаковый посредник, обусловленный различными факторами, опосредуются общения и понимания (социальными, культурными, этническими и т.д.), 3) стиль, подязык речевого общения, 4) образец речевого поведения в определенной социальной сфере, имеет определенный набор переменных [8, с. 119].

По определению В.В. Богданова, двумя неравнозначными сторонами дискурса являются речь и текст, то есть дискурс понимается как все, что говорится и пишется человеком, а, следовательно, термины “речь” и “текст” являются видовыми относительно родового понятия “дискурс”, что их объединяет [3, с. 5].

Следующую дефиницию предлагает П. Сусов: “Связные последовательности речевых актов называются дискурсом. Высказывание (или последовательность высказываний), передаваемое от говорящего слушателю, становится текстом, когда оно оказывается зафиксированным на письме (или с помощью звуко-записывающего аппарата) [9, с. 40].

Художественный дискурс подобен другим типам дискурсов, но одновре-

менно он отличается от них. Ему, как и другим культурно обозначенным дискурсам, свойственно латентный и действительный планы функционирования, проявляющиеся в том числе как нефиксированная импровизация, написания произведения, его реализация при коллективном или индивидуальном чтении или актерском исполнении. Эти планы определяют основы художественной коммуникации, которые в свою очередь обуславливают методы субъективного или объективного направления в создании художественной действительности, установку говорящего, что воплощается в “образе автора”, функцию и роль адресатов т.д. Однако главное отличие художественного дискурса от бытовых и других культурно-определенных дискурсов заключается, во-первых, в его целенаправленной вторичности относительно первичных жанров речи и, во-вторых, в его основополагающей способности к созданию многоуровневой структуры смыслов на основе вапоризации тех или иных механизмов определения.

Художественный дискурс формируется и функционирует в непрерывном процессе становления, где различные формы и виды речи образуют ценные маркированные парадигмы на основе общественных, культурно обусловленных принципов выбора, закрепления, стереотипизации, разрушения и реструктуризации выходных стереотипов.

Как дискурсивное явление силенциальный эффект имеет присущие ему среду, режим и стиль назначения. Молчание характеризуется причастностью к позитивным и негативным ситуациям, универсальным бытием в различных языковых социумах [10, с.116-121]. В художественном дискурсе коммуникативное молчание эксплицируется в терминах речевых ситуаций силенциальных лакун, семантизируется путем использования графических (в письменном коде) и лексических средств (в письменном, устном кодах общения).

Англоязычный художественный текст как эмпирическая база коммуникативного молчания весьма валидный учитывая значительную представленность молчаливых ситуаций и соот-

ветствующих толкований со стороны автора. Лингвистические характеристики указанных ситуаций толкуются:

а) в диалогической и монологической репрезентациях, напр. англ.: *“I cannot think,” said Estella, raising her eyes after a silence “why you should be so unreasonable when I come to see you after a separation. I have never forgotten your wrongs and their causes”* [16, p. 95];

б) дескрипции и авторском повествовании, напр. англ.: *Elizabeth listened in silence, but was not convinced ...* [12, p. 463].

в) в блоках текстов, имеющих отношение к молчанию человека (homo-silence) напр. англ.: *... and she tried to find in it a motive sufficient for their silence* [12, p. 231].

г) персонифицированного молчания (nature silence) напр. англ. *But the village was very peaceful and quiet* [16, p. 245].

Англоязычному художественному дискурсу присущи образные средства обозначения молчания, среди которых – метафора, сравнение, метонимия, эпитет, гипербола, оксюморон. Полилексемные экспрессивно-эмоциональные средства в основном актуализируются в монологах, в блоках дескрипции персонифицированных референтов (nature-silence). Апосиопеза, анаколупф, умолчания, эллипс – стилистически маркированные номинации диалогического молчания.

Молчание в природе в работах английских писателей – это некомуникативное молчание и представляется рассказчиком. Персонифицированное молчание природы является одним из средств репрезентации авторской языковой картины мира. Оставаясь некомуникативным, молчание составляет необходимый фон для коммуникативности, может существовать без присутствия человека (что свидетельствует о ее неантропологичности) и не является носителем значения. Эти черты молчания позволяют использовать его как плоскость оппозиций для определения основных характеристик молчания как явления, родственного с ней, но и отчетливо от нее очищенно [1, с. 9-14].

Молчание артефактов, молчание в природе в англоязычном художест-

венном дискурсе дистантируется от коммуникативных действий человека, ибо он (человек) может и говорить и молчать. Молчание артефактов и природных явлений является вторичным, его номинации появляются в результате семантического сдвига на векторе транспозиции обозначений человеческого (homo silence) – естественное молчания (nature silence), напр. англ.: *... stole softened in through the blinds of the silent room ...* [14, p. 71]; *... that I've been extremely silent and stupid: don't look sad and downcast, as you are doing – he'll be angry* [14, p. 125].

Молчание в англоязычном художественном дискурсе представляется прямыми и дескриптивными вербализаторами. Базовыми метазнаками молчания в английском языке выступают лексемы pause, quiet и silence.

Силенциальный эффект в данном дискурсе исследуется в разных аспектах: коммуникативном, религиозно-мистическом, психологическом, эстетическом, ритуальном и культурологическом.

Коммуникативный аспект может рассматриваться в межличностных отношениях и в социальной коммуникации. В данном случае молчание может обозначать согласие или несогласие, позицию невмешательства или самоустранение, неспособность что-то сказать, разнообразные эмоциональные реакции (удивление, возмущение, сомнения и растерянность), незнание человека и прочее, напр. англ.: *... he nodded his head and grinned several times...[12, p. 79];... I considered it better to remain silent on that head [ch bronte jane]; And we were silent again until she spoke* [14, p. 342]; *The drawing room was full of silent people, sitting at a long and ornate table* [18, p. 35].

Эстетический аспект является способом преодоления вербальной ограниченности передачи смысла полной информации. Писатель пришел к выводу, что слово иногда не может передать подлинное мнение и поэтому он выбрал молчание, напр. англ.: *Quiet and dark, beside him stood the Phantom, with its outstretched hand* [1, p. 193].

Молчание в религиозно-мистическом аспекте представляет собой

необходимость общения человека с Богом. Так силенциальный эффект проявляется в данном контексте “подключением к высшим силам” [5, с. 108].

Психологический аспект молчания – это симптомы душевного кризиса: болезни, отчуждения, чувство одиночества, интимных переживаний, тайны, напр. англ.: *There was no need for him to say another word* [18, p. 32]; *Harry, who had found the need to remain silent increasingly difficult the longer they eavesdropped...* [18, p. 76]; *...and who looked extremely unlikely to say anything more...* [17, p. 112]; *Then he let himself down again, and became silent* [14, p. 136].

Силенциальный эффект в **ритуальном аспекте** – молчание может становиться своеобразным ритуалом. В таком случае оно становится нормативным поведением. Ситуации, при которых молчание целесообразно, являются канонизированными и о них людей предупреждают заранее. Примером этого является минута молчания. Впервые в истории она прошла в 1919 г. в Великобритании.

Силенциальный эффект в англоязычном художественном дискурсе – это синтез ментального и эмоционального. Молчание является невербальным средством общения, интерпретируемое им как своеобразная языковая реальность, отражает состояние коммуны кантов их прагматическую, социоконгнитивную деятельность (*homo silence*) и представляет авторскую языковую картину мира (*nature silence*).

References:

1. Anokhina T.O. Polifunktional'nist' ta poliaspektnist' grafichnikh znakov [Polyfunctionality and polyaspectness of graphic signs]. – Visnik Sums'kogo derzhavnogo universitetu [Sumy State University Journal]. – Seriya filologichni nauki [Series “Philological Studies”]. – 2004., No 3(62), pp. 9-14.
2. Anokhina T.O. Ontologichne buttya silentsial'nikh lakun [Ontological being of silential lacunas]. – Visnik Sums'kogo derzhavnogo universitetu [Sumy State University Journal]. Seriya “Filologichni traktati” [Series “Philological treatises”] – 2009., vol. 1, No 3-4., pp. 5-10.

3. Arutyunova N.D. Molchanie: konteksty upotrebleniya [Silence: contexts of use]., Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deistvii [Logical analysis of language. Language of speech acts]. – Moskva., Nauka, 1994., pp. 106-117.

4. Arutyunova N.D. Fenomen molchaniya [Phenomenon of silence], N.D. Arutyunova, Yazyk o yazyke [Language about the language]: sbornik statej., pod obshhim rukovodstvom i redakciej N.D. Arutyunovoi. – Moskva.: Yaz. rus. kul'tury [Language of Russian culture], 2000., pp.417–436.

5. Bogdanov V.V. Tekst i tekstovoe obshchenie [Text and text-based communication], Bogdanov V.V. – Sankt-Peterburg., Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing house of the St. Petersburg State University], 1993., pp. 68.

6. Kochergan M.P. Zagal'ne movoznavstvo: pidruchnik [General linguistics: tutorial]., M.P. Kochergan. – Kiïv., Akademiya [Academy], 2009., pp. 368.

7. Svetlova A.I. Polifunktional'nist' ta poliaspektnist' komunikativnogo movchannja v angломовному hudozhn'omu diskursi [Polyfunctionality and polyaspectness of communicative silence in English literary discourse]., Visnik Sums'kogo derzhavnogo universitetu., Seriya “Filologichni traktati” [Sumy State University Journal, “The Philological treatises”] – 2010., T. 2, No 3., pp.104-112.

8. Selivanova O.O. Suchasna lingvistika: terminologichna entsiklopediya [Modern linguistics: terminology encyclopedia]., Selivanova O.O. – Poltava: Dovkillya-K, 2006., pp. 716.

9. Susov I.P. Vvedenie v yazykoznanie : uchebnik dlja studentov lingvisticheskikh i filologicheskikh special'nostej [Introduction to linguistics: textbook for students of linguistic and philological specialties]., Susov I. P. – Moskva., AST: Vostok–Zapad [East-West], 2007., pp. 379.

10. Shvachko S.O., Anokhina T.O. Lingvistichnii status pauzy (na materialy angломовnikh khudozhnikh tekstiv) [Linguistic pause status (based on the English literary texts)]., Visnik

Sums'kogo derzhavnogo universitetu [Sumy State University Journal]., Seriya filologichni nauki [Philological sciences series]. – 2002., No 3(36), pp. 116-121.

11. Austen Jane The Complete Novels of Jane Austen., Jane Austen – London., Penguin Group, 2006. – 1288 p.

12. Bronte Charlotte Jane Eyre., Charlotte Bronte – London., Penguin Group, 2006. – 374 p.

13. Bronte Emily Wuthering Heights., Emily Bronte – London., Penguin Group, 2006. – 395 p.

14. Charles Dickens Christmas Carol. – London., Wordsworth classics, 2000. – 416 p.

15. Charles Dickens Dombey and Son. – London., Wordsworth classics, 2000. – 848 p.

16. Charles Dickens Oliver Twist. – London., Wordsworth classics, 2000. – 374 p.

17. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows – London., Bloomsbury Publishing, 2007. – 608 p.

Литература:

1. Анохіна Т.О. Поліфункціональність та поліаспектність графічних знаків. – Вісник Сумського державного університету. – Серія філологічні науки. – 2004. - №3(62). С. 9-14.

2. Анохіна Т.О. Онтологічне буття силенціальних лакун. - Вісник Сумського державного університету. - Серія “Філологічні трактати” – 2009. – Том 1, № 3-4. – С. 5-10.

3. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 106-117.

4. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке : сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – С. 417–436.

5. Богданов В.В. Текст и текстовое общение / Богданов В. В. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1993. – 68 с.

6. Кочерган М.П. Загальне мовознавство: підручник/ М.П. Кочерган. - Київ: Академія, 2009. – 368 с.

7. Светлова А.И. Поліфункціональність та поліаспектність комунікативного мовчання в англомовному худож-

ньому дискурсі. - Вісник Сумського державного університету.- Серія "Філологічні трактати" – 2010. – Том 2, №3. С. 104-112.

8. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / Селіванова О.О. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.

9. Сусов І.П. Введение в языкознание : учеб. для студ. лингвист. и филол. спец. / Сусов И.П. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 379 с.

10. Швачко С.О., Анохіна Т.О. Лінгвістичний статус паузи (на матеріалі англomовних художніх текстів). - Вісник Сумського державного університету. – Серія філологічні науки. – 2002. - №3(36). - С. 116-121.

11. Austen Jane The Complete Novels of Jane Austen/ Jane Austen

– London: Penguin Group, 2006. – 1288 p.

12. Bronte Charlotte Jane Eyre/ Charlotte Bronte – London: Penguin Group, 2006. – 374 p.

13. Bronte Emily Wuthering Heights/ Emily Bronte – London: Penguin Group, 2006. – 395 p.

14. Charles Dickens Christmas Carol. – London : Wordsworth classics, 2000. – 416 p.

15. Charles Dickens Dombey and Son. - London : Wordsworth classics, 2000. – 848 p.

16. Charles Dickens Oliver Twist. – London: Wordsworth classics, 2000. – 374 p.

17. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows – London: Bloomsbury Publishing, 2007. – 608 p.

Information about authors:

1. Margarita Dontsova - student, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: rita_1708@mail.ru

2. Alla Svetlova - lecturer, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: alla.wfw@mail.ru

Сведения об авторах:

1. Донцова Маргарита - студент, Сумский государственный университет; адрес: Украина, Сумы; электронный адрес: rita_1708@mail.ru

2. Светлова Алла - преподаватель, Сумский государственный университет; адрес: Украина, Сумы; электронный адрес: alla.wfw@mail.ru

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu>

e-mail: office@iashe.eu

phone: +44 (20) 328999494

UDC 82(4)

BIBLICAL ALLUSIONS
IN THE NOVEL «LAST ORDERS»
BY GRAHAM SWIFTE. Gref, Postgraduate student
Saint Petersburg State University, Russia

The article is connected with the exploration of the Biblical inter-text in the novel «Last Orders» by Graham Swift. The interpretive strategy is put forward by the system of marked and unmarked allusions and quotes referring to the Bible. The Biblical inter-text, viewed as one of the main constructive elements of the narrative, sets forth one of many possible interpretations of the Swift's novel.

Keywords: Bible, inter-text, allusion, competent reader, author's strategy.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

UDC 82(4)

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В РОМАНЕ ГРЭМА СВИФТА
«ПОСЛЕДНИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ»Греф Е.Б., аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Статья посвящена анализу библейских аллюзий в романе «Последние распоряжения» Грэма Свифта. На основе проведенного исследования доказываются, что свободное использование тем и образов Ветхого и Нового Завета в структуре и системе образов романа можно рассматривать как один из основополагающих принципов авторской стратегии.

Ключевые слова: Библия, аллюзия, интертекст, компетентный читатель, авторская стратегия.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

Роман «Последние распоряжения» (1996) современного английского писателя Грэма Свифта – многоуровневая структура, связанная системой внутритекстовых и межтекстовых связей, создающих сложное смысловое единство. Интерпретация заложенных в романе смыслов, таким образом, зависит от компетентности и точки зрения читателя.

В данной статье мы проанализируем один из возможных «кодов» прочтения романа – библейский.

Аллюзии на Библию в романе «Последние распоряжения», в основном, представлены в виде аллюзивных намеков, которые, однако, достаточно ясно видны компетентному читателю, а также немаркированных цитат.

Действие в романе происходит в современной Англии. Четверо англичан, по завещанию умершего друга и приемного отца одного из героев, Джека Доддса, едут в автомобиле из Бермондси, южного района Лондона, в курортный городок Маргейт, чтобы развеять над морем прах Джека. Обстоятельства однодневного «путешествия» изложены в 75 главах-монологах героев (четырех мужчин и двух женщин, включая одну главу, «отданную» «живому» голосу Джека), в которых «настоящее» время повествования (2 апреля 1990 года) перемежается с воспоминаниями героев, а также их размышлениями о жизни вообще.

Аллюзии на Ветхий Завет Библии обнаруживаются в описании памятных для героев мест графства Кент, по территории которого проходит маршрут. По словам Эми, жены Джека Доддса, Кент «называют садом

Англии» [1, 80]. В воспоминаниях Эми это название, помимо реального, приобретает библейский смысл: «Да, Винс, это случилось здесь. Вот где все завязалось. В саду Англии». «Сад Англии» в библейском плане романа можно аллюзивно соотносить с «Райским Садам» из Ветхого Завета. Подтверждением правомерности такой интерпретации является использование автором в тексте романа имен Адама и Евы. В монологе Мэнди, жены Винса Доддса, приемного сына Джека Доддса, размышляющей о своем оставившем семью отце, упоминаются имена «героев» Ветхого Завета: «Как Адам, который живет где-то далеко со своей Евой» [176]. Как Адам и Ева из Ветхого Завета, в «Саду Англии» встречаются Джек и Эми, приемные родители Винса: «Здесь мы с твоей мамой впервые встретились. На сборе хмеля» [79]. Их первая страсть приводит к рождению ребенка, неполноценной дочери Джун, которая и в 50 лет не осознает своего присутствия в земном пространстве. Библейская тема «изгнания из Рая» придает универсальный характер пути современных мужчины и женщины, любовь которых начинается в «Саду Англии» и становится дорогой испытаний, одиночества, предательства и преданности.

Библейский претекст актуализируется в тексте романа немаркированной цитатой – «земля обетованная». В Ветхом Завете – это земля, обещанная Господом потомкам Авраама [Быт. 15:18], называемая также землей Ханаанской. Согласно мифу, бог сказал Моисею, что приведет евреев

«в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» [Исх. 3:8,17; 33:3]. В Послании святого апостола Павла к Евреям она названа обетованной, то есть обещанной: «Верую обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования» [11: 9]. В романе «Последние распоряжения» мясник Джек Доддс к концу жизни решает продать мясную лавку, свой дом и на вырученные деньги купить домик в приморском городке Маргейт. Как рассуждает один из героев, Рэй Джонсон: «это не очень-то хорошая закладка для новой жизни – домик в Маргейте. Тоже мне, земля обетованная <...> Маргейт – не земля обетованная» [26]. Мечта Джека купить новый дом не сбывается. Однако, путь к Маргейтскому пирсу, с которого, согласно завещанию, развеивается прах Джека, в метафорическом смысле становится для героев путем испытаний, преодоления и духовного восхождения.

Аллюзивный намек на пространство Пятикнижия Ветхого Завета присутствует в неоднократном использовании в романе слов «пустыня» и «Египет». Согласно Библии, израильтяне пребывали в египетском плену 400 лет [Быт. 15:13] или 430 лет [Исх. 12:40]. В Ханаанскую землю евреи вошли после сорокалетнего странствования по пустыням. В романе «Последние распоряжения» один из героев, Рэй Джонсон, в разговоре с женой Джека Доддса, Эми, вспоминает обстоятельства знакомства с Джеком во время Войны в Северной Африке: ««Слушай, а ведь я познако-

мился с тобой в тот же день, что и с Джеком». Она поглядела на меня, озадаченная, и сказала: «В пустыне, что ли?» – «Ну да, в пустыне, – ответил я. – в Египте». <...> «Я видел тебя на фотографии» [189]. Рэйси вспоминает их с Джеком военный опыт, сопровождавшийся мужскими «победами»: «Знаешь что, Рэйси: потом сходим и поглядим на пирамиды», «Все ж таки удивительно, а, Джек? Древний Египет. Будет что вспомнить» [106]. «И теперь у меня есть фотография <...>: мы с Джеком сидим на верблюде, а позади нас белеют пирамиды» [106]. «Сейчас это кажется удивительным, как древняя история: неужели мы с Джеком и впрямь были там, в пустыне? Неужели мы и правда наступали и отступали из Египта в Ливию и отступали обратно в Египет, а после снова наступали в Ливию? Маленький человек в больших событиях. И где-то в этой же пустыне наступал и отступал Ленни Тейт, хотя мы его тогда еще не знали» [107]. Ленни Тейт – друг Джека Доддса, один из героев-рассказчиков.

В Новом Завете в пустыне происходит искушение Иисуса: «Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню / Там сорок дней Он был искушаем от диавола <...>» [Лк. 4:1-2].

В последней главе романа с символическим названием «Маргейт» (можно перевести с англ. как «морские ворота») – «Пирс, Дамба, Пески. Страна грез» [263] – внимательный читатель обнаружит конвергенцию аллюзивных намеков на библейский претекст. В описании природных условий акцентирован образ ветра: «Струи дождя заносит на нас *ветром*, как будто ему надоело стараться промочить нас брызгами с моря. <...> И то ли *ветер* снимает часть тяжести дождя, то ли самому дождю трудно пробиваться сквозь *ветер*, но с началом настоящего ливня на Пирсе становится как-то тише, безопаснее, словно мы очутились в самой гуще катаклизма и больше нас уже пронять нечем» [315] (курсив мой. – Е.Г.). Образ восточного ветра используется в Книге Исход: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал

море сушею, и расступились воды» [Исх. 14:21]. Процессия из четырех человек с банкой праха в руках упорно идет к цели: «В длину этот Пирс ярдов двести – двести пятьдесят, но Джек велел с конца, специально про это написал. Мы идем вперед, растянувшись цепочкой, но как будто не по своей воле, а из-за ветра, точно каждый из нас в одиночку борется со стихиями» [313]. В Книге Исход описывается переход Моисея и израильтян через расступившееся перед ними библейское Черное море: «И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону» [Исх. 14:21]. Переход на «другой берег» совершается в тексте романа символически: ««Осталось чуть-чуть, Джек, – придерживая его под своим мокрым плащом, – уже почти пришли». И теперь, когда мы миновали изгиб Пирса, можно смотреть сквозь пелену на центр Маргейта, точно мы оказались на разных берегах, на разных островах» [315].

Образ «зверя» с его библейской коннотацией также используется в последней главе романа. Сравнение со зверем используется в описании моря: «но волны будто знают: вот-вот бабахнет. Они скачут и мечутся, как звери в час кормежки, точно им не терпится еще больше вымокнуть» [311]. «Впереди Пирс изгибается, и видно, как разрезанные им волны забегают внутрь и вздымаются еще выше – каждая волна как бешеный зверь, который хочет с маху вскочить на ровную поверхность и хлещет себя хвостом, поняв, что это у него не получится» [313]. В Книге Иова Ветхого Завета подробно описывается Левифан, чудовищный морской змей, иногда отождествляемый с сатаной [Иов. 40:20-41:26]. В Книге Псалмов говорится о Боге: «Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» [Пс. 73:14]. В Новом Завете в Книге Откровения святого Иоанна Богослова (Апокалипсисе) приводится пророчество Иисуса Христа о пришествии и поражении зверя [Откр. 13:1-18]. Там же говорится об окончательном поражении зверя и заключении сатаны в бездну [Откр. 19:19-20:3]. Выражение «конец

света» используется в тексте романа в монологе Винса, который находится у больничной постели приемного отца и заглядывается на медсестру: «Я думаю: а что, может попробовать? Все ж таки исключительные обстоятельства. Что-то типа конца света. Как ты на это смотришь, сестричка, – удерем вместе? Ты да я» [46]. Тема борьбы добра и зла имплицитно и эксплицитно обыгрывается в художественной системе романа.

Аллюзивный намек на образ распятого Христа можно увидеть в деталях описания Джека Доддса, находящегося в больничной палате: «Его рука лежит на одеяле, пальцы полусогнуты, а выше, на запястье, где трубки входят в вену, – пластырь и все остальное» [47].

В главе «Ферма Уика» библейский подтекст акцентируется: «Мы видим впереди целую широкую долину, точно стоим на краю *огромной кривой чаши*. Там все зеленое и коричневое, попеременно, рожицы выкроены аккуратными лоскутами, изгороди как швы. В середине *клякса из красного кирпича* с торчащим вверх шпилем. Это как Англия с детской картинки, вот на что это похоже» [165] [курсив мой. – Е.Г.]. Здесь Винс развеивает часть праха своего приемного отца. Аллюзивный намек на образ Чаши Христа из Нового Завета: «<...> сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» [Лк. 22:20] превращает дорогу простых людей из одного географического пункта в другой и шире – от рождения к смерти – в библейский путь испытаний, терпения, смирения и духовного восхождения.

Заглавие романа в библейском плане повествования можно рассмотреть как аллюзивный намек на «распоряжения», оставленные людям в Библии. Согласно Пятикнижию, на пятидесятый день после Исхода из Египта на горе Синай в присутствии сынов Израиля Моисею самим Богом были даны Десять Заповедей [Исх. 19:10-25]. Закон Божий изложен в Пятикнижии в Книге Исход [Исх. 20:2-17] и Второзаконии [Втор. 5:6-21]. Часть заповедей, в которых формулируются предписания в религиозно-культурной области, воспроизводится в форме

комментария самого Бога [Исх. 34: 14-26]. В Новом Завете своеобразным комментарием к Десяти Заповедям является Нагорная проповедь Христа, изложенная в Евангелии от Матфея: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» [Мф. 5:17]. В главах с 5 по 7 Евангелия от Матфея говорится о том, что Иисус произнес эту проповедь на склоне горы своим ученикам в окружении людей. В Евангелии от Луки наставления Иисуса представлены в Проповеди на равнине [Лк. 6:17-49], а также содержатся в разных фрагментах этого Евангелия.

В романе «Последние распоряжения» библейские заповеди представлены, в основном, в виде немаркированных цитат и реминисценций. В Евангелии от Матфея говорится: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?<...>» [Мф. 5:13]. В игровом пространстве романа это знаменитое изречение приобретает своеобразное воплощение – в деталях портрета отца Мэнди, жены Винса Доддса, дьюжего моряка: «Коричневые бицепсы, наколки и добрая порция соли» [175]. Слова «Вы – свет мира» [Мф. 5:13] в романе обыгрываются в имени одного из героев – Рэя (Ray (англ.) – луч). Аллюзия на библейский претекст используется в монологе Эми: «ах, Рэй, ты чудеснее всех, ты счастливый, ты лучик солнца, лучик надежды» [308].

В монологе Рэя Джонсона приводятся слова одного из героев, Вика Таккера, комментирующего поведение Винса Доддса: «Не суди, – говорит Вик» [132]. «Не суди своих ближних, не держи на них зла» [143], – вспоминает Вик годы войны. В другом фрагменте Вик Таккер, похоронных дел мастер, кремировавший тело своего друга Джека Доддса, вспоминает события мирного времени: «Не надо никого судить. В нашем деле учишься хранить тайны» [242]. В событийном плане повествования Вик только что стал невольным свидетелем измены жены Джека, Эми, с Рэем Джонсоном, их общим другом. Рэй Джонсон является рассказчиком в 39 из 75 глав романа. Рэй и Эми нарушают одну из заповедей: «Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй»»

[Мф. 5:27]. В монологах Вика Таккера цитируется библейская заповедь: «Не судите, да не судимы будете» [Мф. 7:1], «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» [Лк. 6:37].

Заповедь «Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними <...>» [Мф. 7:12] в романе «читается» в монологе Лени Тейта: «Свои долги надо платить. И Рэю не мешало бы заново наладить отношения с Сюзи (дочь Рэя. – Е.Г.), и Кэрл не должна была уходить от Рэя. Никто не должен ни от кого убежать, дезертировать» [151].

Аллюзивный намек на заповедь «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут / Но собирайте себе сокровища на небе <...>» [Мф. 6:19-20] звучит в размышлении Винса Доддса о деньгах: «Ведь что она – тысяча: дунул – и нету, как вон Джек сейчас» [187]. В словах Лени Тейта выражена та же мысль: «Воспряньте духом» [215].

В разговоре с Рэем умирающий Джек Доддс успокаивает друга: «Некоторые ударяются в панику, Рэйси. Главное, не паникуй». Рэй развивает эту мысль: «Так говорили у нас на войне. Первая заповедь солдата: не паникуй. Хотя я никогда не понимал, как можно отдать приказ человеку не верить, что огонь его обожжет. Однако Джек успешно применял эту заповедь на практике» [202]. В Евангелии от Матфея говорится: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» [Мф. 6:34].

Одно важнейших «распоряжений» имплицитно присутствует в монологе Рэя, наблюдающего за своей дочерью, которая мечтает получить разрешение уехать с женихом в Австралию и рассчитывает на отцовскую материальную помощь: «точно молится про себя, и я думаю: ох ты Господи. Едва не говорю это вслух» [67]. В Евангелии от Матфея о молитве говорится следующее: «А молясь, не говорите лишнего <...> ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него» [Мф. 6:7-8]. В Евангелии от Луки подчеркивает-

ся важность праведного действия и осмотрительность в использовании имени Господа: «Что вы зовете Меня: «Господи! Господи!» и не делаете того, что Я говорю?» [Лк. 6:46]

Последние слова романа – «прах становится ветром и ветер становится Джеком, из которого сделаны все мы» [319] – реминисценция из Библии: «<...> ибо прах ты, и в прах возвратишься» [Быт. 3:19]. Преходящее включается в «вечное». Автор, возможно, отдает читателю свое «последнее распоряжение» – осмыслить свою жизнь в масштабе вселенной, осознав единство всего сущего.

Таким образом, использование библейских аллюзий на темы и образы Ветхого и Нового Завета в структуре и системе образов романа «Последние распоряжения» можно рассматривать как один из фундаментальных принципов авторской стратегии. Использование Библии в качестве интертекста в виде аллюзий, аллюзивных намеков и немаркированных цитат позволяет автору совместить в современном романе повседневное и универсальное, преходящее и «вечное».

References:

1. Swift Grem. Poslednie rasporyazheniya [Last orders]., Roman., perevod s anglijskogo V. Babkova [translation from english V. Babkova]. – Moskva., Nezavisimaya Gazeta [Independent newspaper], 2000. – 320 p.

Литература:

1. Свифт Грэм. Последние распоряжения: Роман., Пер. с англ. В. Бабкова. – М.: Изд-во Независимая Газета, 2000. – 320 с. – Далее в тексте статьи в скобках указываются страницы по этому изданию.

Information about author:

Elena Gref - postgraduate student, Saint Petersburg State University; address: Russia, Saint Petersburg city; e-mail: esol05@mail.ru

Сведения об авторе:

Греф Елена - аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; адрес: Россия, Санкт-Петербург; электронный адрес: esol05@mail.ru

LYRICS OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN IMMIGRANTS: THEME AND THE CONCEPT-ANALYSIS

S. Afanasieva, Applicant

Crimean republican institute of pedagogical postgraduate education, Ukraine

The author explores the topic of the Civil war in the lyrics of the first wave of immigrants – direct participants of the Volunteer Army battles, through their poetic reflection in the context of socio-historical epoch.

Keywords: Civil war, lyrics of the first wave of immigrants, poetic reflection, concept-analysis.

Conference participant

Гражданская война, оставившая неизгладимый след в памяти народов России, последствия которой и сегодня ощущаются в политической, экономической и духовной сферах жизни нашего общества, положившая начало русскому «рассеянию» по всему миру, рассматривается крайне неоднозначно как в отечественной истории, так и в литературе.

Русское зарубежье предельно ясно оценивало драматические события в отечественной истории как катастрофу, трагедию. Яркими свидетельствами такой позиции могут служить автобиографические документальные и художественные произведения защитников Белой идеи, от видных военачальников до рядовых: «Очерки русской смуты» (1921-1926), «Путь русского офицера» (1953) А.И. Деникина, «Записки» в 2-х частях (1928) П.Н. Врангеля, «От Двуглавого орла к красному знамени» (1922) и др. П.Н. Краснова, «Дроздовцы в огне» (1937) А.В. Туркула, «Вечер у Клэр» (1929) Г. Газданова и др.

Исследование сложной и противоречивой темы Гражданской войны как предмета поэтической рефлексии в лирике непосредственных участников боев на Юге, Северо-Западе и Востоке России, испытавших горечь поражения и вынужденных покинуть Родину навсегда, через призму концепт-анализа позволяет, по мнению доктора филологических наук, профессора О.В. Резник (Симферополь), увидеть «те этические и эстетические категории, которые составляли основу художественного мира конкретных авторов и культурного поля русской эмиграции» [2, 25].

Понимание концепта как многомерного ментального образования,

которое представляет собой составную часть культурной памяти любого объёма и является выражением индивидуальной мировоззренческой позиции автора, представляет интерес для исследователей как с позиций лингвистики, так и литературоведения, так как концепты, выделяемые в качестве ключевых, позволяют уточнить авторскую картину мира. Вместе с тем, необходимо отметить, что поэзия первой волны русской эмиграции в литературоведении остаётся малоизученной в когнитивном аспекте.

В большинстве лирических произведений, написанных в разные годы уже в эмиграции, «тогда» и «там» [1, 42], тема Гражданской войны по-прежнему остается эмоциональной доминантой, генератором творческого процесса и рефлексии. Обращенность к внутреннему миру, поиски ответов на «вечные» вопросы войны и мира, добра и зла, личности и государства и др. в индивидуально-авторских картинах мира этих поэтов направлены на осмысление своих собственных действий, эмоций в переломный момент истории. Предметом поэтической рефлексии «белого воинства», вне зависимости от политических убеждений, социальной принадлежности, становятся как кульминационные события Гражданской войны, так и суровые военные будни, определяя тематику, основные мотивы, образы, ключевые концепты лирических произведений этих авторов.

Душевный и творческий отклик в поэтических текстах участников исторической драмы нашел «Ледяной» (Первый Кубанский) поход (февраль – апрель 1918 г.), ставший первым армейским маневром формирующейся на Дону Добровольческой армии под

ЛИРИКА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ: ТЕМАТИКА И КОНЦЕПТ-АНАЛИЗ

Афанасьева С.И., соискатель

Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, Украина

В данной статье исследуется тема Гражданской войны в лирике эмигрантов первой волны, непосредственных участников боев в составе Добровольческой армии через призму их поэтической рефлексии в контексте социально-исторической эпохи.

Ключевые слова: Гражданская война, лирика эмигрантов первой волны, поэтическая рефлексия, концепт-анализ.

Участник конференции

командованием генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова.

Яркое свидетельство тому – стихотворение «Корнилову» (1924) воина-добровольца Ивана Савина (Саволайнена): «В мареве беженства хилого, / В зареве казней и смут / Видите – руки Корнилова / Русскую землю несут. // Жгли ее, рвали, кровавили, / Прокляли многие, все. / И отошли, и оставили / Пепел в полночной росе. // Он не ушел и не предал он / Родины...» [3]. Поэт характеризует лидера Добровольческой армии как «бездомного воина», «причастника русского стыда». Именно как причастник (устар. сопричастник, участник) кровавой русской смуты Корнилов призывает единомышленников к борьбе. Автор, широко используя такие образно-выразительные средства, как метафора («зори борьбы за народ», «костры из мук»), эпитет («пост заповедный»), оксюморон («живые безжизненные»), синекдоха («руки Корнилова Русскую землю несут», «сердце Корнилова в колокол огненный бьет») и др., создает яркий героический образ воина, защитника земли русской. В этом отношении показателен эпитет «сыновний», актуализирующий концепт «отец»: автор воспринимает Л.Г. Корнилова и как своего духовного отца, и как отца гибнущей от крамолы и смуты русской земли. С болью переживает лирический герой и судьбу народа, вовлеченного в самую пучину русского бунта, «бессмысленного и беспощадного»: «Народ, как раб, на плаху лег» [3].

Трагический опыт чувствования человеческой души, обожженной войной, запечатлен в следующих строках князя Николая Кудашева: «Только смертельный выстрел / Или в

упор картечь / Право давали, быстро / Без приказа лечь... / Перешагнув, живые / Шли...соблюдая черед... / Только в одной России / Мог быть такой поход!» [3]. В создании художественного образа вдохновителя Ледяного похода Л.Г. Корнилова прослеживается мифопоэтическая традиция: «Это Бояр раскосый / Шел в ледяной поход» [3]. Изображая смерть, на каждом шагу подстерегающую участников похода, поэт использует метафорические обобщения: «Пели стальные осы, / Алый сочился мед...» [3].

Гибнущая России и связанные с ней чувства боли, вины из-за невозможности предотвратить гибель Отечества лейтмотивом проходят через все поэтические тексты свидетелей и участников национальной трагедии. Такое изображение увиденного, острое переживание трагедии дома актуализирует концепт «вина» в лирике участников похода.

В лирических произведениях, посвященных событиям Гражданской войны, эксплицитно реализуются и концепты «Родина», «дом». Для поэтов-воинов Родина – это край родимый, Русская земля, «Святая Русь, светлый дом», «святини родных очагов» (С. Бехтеев), «наша старая няня – земля» (И. Савин), «храмы вековые», «гнезда родовые» (Г. Дубенецкий). В реализации концепта «дом» актуализируется оппозиция «дом-антидом». В стране, гибнущей в пожаре братоубийственной войны, дом как защищенное пространство, средоточие традиций перестал существовать.

В качестве вывода отметим, что основная тематика гражданской лирики «белого воинства» – трагедия России и русского народа, царубийство, вера в будущее воскрешение Отечества, бои и походы Белой армии, тяготы и лишения военной жизни, потери боевых товарищей – предопределяет драматизм авторского сознания и мировидения. Доминирующими концептами выступают «вина», «дом» – «анти-дом», передающие чувства лирических героев художественных произведений первой волны русской эмиграции: тревога за судьбу близких и Родины, предельное личностное небезразличие к происходящему, боль и страдание от увиденного и пережитого.

References:

1. Al'nikin N. Rifmovannye konchiki. Kazach'i dумы – pesni o Rodine 1915-1927-ykh godov [Rhymed ends. Cossacks' thoughts - songs about Motherland, 1915-1927's.]. - Paris, 1966., pp. 95.
2. Reznik O.V. Tipologiya i poetika personalizma v avtobiograficheskoj proze pervoi volny russkoj emigratsii: dis. d-ra filol. Nauk [Typology and poetics of personalism in the autobiographical prose of the first wave of the Russian emigration., Thesis by the Doctor of Philology]. - Simferopol', 2010., pp. 430.
3. Hrestomatija russkoj poezii., Jelektronnyj resurs [Reading-book of Russian poetry., Available at]: URL: <http://www.chrestomatheia.ru/modules.php?name=ManuscriptClas&op=manuscriptsClas&writer=382>

Литература:

1. Альникин Н. Рифмованные кончики. Казачьи думы – песни о Родине 1915-1927-ых годов. - Paris, 1966. – 95 с.

2. Резник О.В. Типология и поэтика персонализма в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: дис. д-ра филол. наук. - Симферополь, 2010. - 430 с.

3. Хрестоматия русской поэзии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL:<http://www.chrestomatheia.ru/modules.php?name=ManuscriptClas&op=manuscriptsClas&writer=382>

Information about author:

Svetlana Afanasieva - applicant, Crimean republican institute of pedagogical postgraduate education; address: Ukraine, Simferopol city; e-mail: лана-62@i.ua

Сведения об авторе:

Афанасьева Светлана - соискатель, Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; адрес: Украина, Симферополь; электронный адрес: лана-62@i.ua

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

Multisectoral scientific-analytical forum for professional scientists and practitioners

Main goals of the IASHE scientific Congresses:

- Promotion of development of international scientific communications and cooperation of scientists of different countries;
- Promotion of scientific progress through the discussion comprehension and collateral overcoming of urgent problems of modern science by scientists of different countries;
- Active distribution of the advanced ideas in various fields of science.

**FOR ADDITIONAL INFORMATION
PLEASE CONTACT US:**
[www: http://gisap.eu](http://gisap.eu)
 e-mail: congress@gisap.eu

STRUCTURE OF THE ART-SPACE IN THE STORY "I" BY A.P. POTECHKIN

Iu. Pykhtina, Candidate of Pedagogical sciences, Lecturer,
Associate Professor
Orenburg State University, Russia

The author performs the analysis of the art space structure in A.P. Potemkin's story "I". Several interrelated spatial models are allocated and described: household space, natural space, social space, psychological space, transpersonal space.

Keywords: art-space, spatial models, I-space, A.P. Potemkin.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

Занимаясь исследованием сквозных пространственных образов и моделей в русской литературе [9], мы столкнулись с проблемой литературоведческого анализа специфических форм пространства, создаваемых современными отечественными писателями. Так, например, до сих пор нет четкой методики изучения индивидуальных пространственных образов – внутреннего я-пространства героя – в художественном тексте. Безусловно, исследователи достаточно плодотворно описывали приемы раскрытия внутреннего мира человека (В. Адрианова-Перетц [1], А. Есин [2], Д. Лихачев [3], Е. Мелетинский [6], В. Савельева [10], В. Свительский [12], Е. Эткинд [13] и др.), однако их интерес сосредотачивался в основном на проблемах психологизма и способах репрезентации мира чувств, мыслей, желаний героев в художественных произведениях. Нас же интересует внутренний мир героя как особый пространственный образ, имеющий собственную структуру и смоделированный по тем же законам, по которым моделируются другие пространственные образы.

В качестве объекта анализа мы выбрали повесть А.П. Потемкина¹ «Я», в которой автор создает индивидуальную модель художественного пространства. Оригинальность этой модели, с одной стороны, проявляется в сложной комбинации пространственных образов в пределах одного текста, а с другой, в конструировании

собственно я-пространства. Повесть представляет собой поток сознания молодого человека Василия Караманова, оставшегося сиротой в малолетнем возрасте и прошедшего сложнейшую школу жизни сначала в родном городке Путивле, где его воспитывала тетка-алкоголичка, затем в детской колонии, куда он был отправлен за сорванный футбольный матч и где попал чуть ли не в рабство к учительнице русского языка, а затем в колонии для несовершеннолетних преступников, где отбывал наказание за неудавшийся поджог дома этой учительницы. С детства чувствуя себя «посторонним» в жестоком мире людей, главный герой приходит к мысли о том, что эволюция человека зашла в тупик, и единственной возможностью исправить ущербное человечество можно лишь создав с помощью генетических технологий новый вид «homo cosmicus». В данной статье мы не будем касаться всех аспектов анализа произведения, а, в соответствии со своими задачами, рассмотрим особенности его пространственной структуры.

В повести «Я» можно выделить несколько взаимосвязанных пространственных моделей: бытовое пространство; природное пространство; социальное пространство; психологическое пространство; трансперсональное пространство.

Бытовое пространство – это пространство городка Путивля, детской колонии в поселке Недригайлов,

СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ

А.П. ПОТЕМКИНА «Я»

Пыхтина Ю.Г., канд. пед. наук, доцент
Оренбургский Национальный университет, Россия

В статье предлагается анализ структуры художественного пространства в повести А.П. Потемкина «Я». Выделяются и описываются несколько взаимосвязанных пространственных моделей: бытовое пространство; природное пространство; социальное пространство; психологическое пространство; трансперсональное пространство

Ключевые слова: художественное пространство, пространственные модели, я-пространство, А.П. Потемкин.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

колонии для несовершеннолетних преступников в городе Перевоз, городка Княгинина и, наконец, Староваганьковского переуллка в Москве – рисуется крайне необжитым и убогим. Условия, в которых в разное время жил герой повести (камера, сарай, свинарник, лагерная котельная, старый автобус, тарный цех, дворницкая берлога), были нечеловеческими, но ведь он, отрицая в себе человеческое, никогда и не желал другого жилья: «Мое убежище представляло собой нечто вроде сложенного из кирпича обветшавшего сарая с крышей, покрытой залитым гудроном толем. Пол из подгнивших в щелях досок был ниже уровня двора на полметра. Единственное крошечное окно, смотревшее прямо на музейный вход, было наглухо заделано старым картоном. Но я был чрезвычайно доволен казенным жилищем. Это холодное помещенье, оборудованное печкой-буржуйкой, вполне подходило для такого предпочитающего аскетизм типа, как я» [8, с. 110].

К бытовому пространству можно отнести и описание объектов окружающего мира, которые иногда привлекали внимание Василия: «Я дошел до ресторана «Прага», свернул налево, через сотню шагов оказался у магазина «Сыр», перешел Бульварное кольцо и по Знаменке спустился до дома Пашковой, стоявшего в лесах. Тут я почему-то остановился, повертел головой, словно что-то вспоминая или

¹ А.П. Потемкин (р. 1949), автор романов «Изгой» (2003), «Мания» (2005), «Человек отменяется» (2007), «Кабала» (2009), повестей «Бес» (2001), «Игрок» (2003), «Стол» (2004) и др. Творчество А.П. Потемкина, который совсем недавно (не более десяти лет назад) заявил о себе как прозаик, высоко оценивается ведущими литературоведами и критиками Л. Аннинским, П. Басинским, А. Гачевой, К. Кокшеневой, В. Недзвецким и др. Исследователи связывают яркую, оригинальную манеру писателя с традициями Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

ища место, где можно было встретить путивльцев» [8, с. 161-162].

В целом же зарисовок бытового пространства в повести немного, так как герой, погруженный лишь в собственные мысли, почти не замечает мира вокруг себя: «Я никогда ничем не интересовался, кроме книг, поэтому при ходьбе никогда не рассматривал ни архитектуру домов, ни контуры автомобилей, ни лица людей, ни витрины магазинов. Глаза были открыты, но шел я как слепой» [8, с. 116].

Основным структурным компонентом *природного пространства* в рассматриваемом произведении является пейзаж. Интересным представляется то, что Василий Караманов, равнодушный ко многим радостям бытия, занятый только своими мыслями, оказался очень чутким к природе, об этом свидетельствует несколько поэтичных ее описаний, например: «Я почти всегда сидел где-нибудь совершенно один, вдали от воспитателей и сверстников. Лишь солнце ласкало меня, а взбалмошные бабочки вызывали интерес к жизни» [8, с. 50]; «На город опустилась зима. Снег прикрыл крыши домов и мостовые. Метель поюношески задорно кружила вокруг меня, словно дразня своим окаянным темпераментом» [8, с. 174].

Социальное пространство в повести рисуется, во-первых, с целью показать условия, которые сделали из Василия Караманова человеконенавистника: жестокость мира людей, обращавшихся к мальчику не иначе как «презренный мальчишка», «гаденьш», «негодяй», «вонючка», «отпрыск уродов» и т.п., агрессивность, окружающего мира, с которой герой повести столкнулся еще в раннем детстве, вызвала в нем сначала жажду мщения, потом стремление вызвать к себе чувство «лютой ненависти», потом породила чувство безграничного презрения к людям и, наконец, стала толчком к созданию грандиозной теории генетического изменения человечества («С кем же мне еще было говорить в безлюдной тесноте свинарника? Или в Путивле, или в детской колонии, в атмосфере ненависти, окружавшей меня? Если смотришь на мир с неприязнью, разве возникнет желание общаться с ним? Стать его

составной частью? Конечно, нет!») [8, с. 39].

Во-вторых, социальное пространство моделируется для того, чтобы с помощью экспериментального внедрения в элитарные слои общества, в среду военнослужащих, представителей культуры, политических деятелей и ученых, найти основы для создания нового вида «homo cosmicus». Василий Караманов рассуждает так: «чтобы эффективнее смоделировать путивльца, спроектировать его абсолютно свободным от человеческих пороков, необходимо углубиться в их природу, тщательно исследуя тотальный упадок нравов и поток вождельней» [8, с. 106]. Однако опыт «хождения в люди», начавшись «с желания понять, можно ли что-то полезное найти у них для путивльцев» закончился для него ничем: «...вся практика общения с их миром убедительно доказала: «чего-то полезного» в них нет или почти нет» [8, с. 316]. Герой убеждается в том, что доминирующие их гены – наживы, спроса, приобретательства, зависти, презрения и т.п. – лишний раз доказывают «ошибочность генетической архитектуры людей»: «... алчность, жадность, сексуальная распущенность, зависть, озлобленность, мягкотелость, коррупционность, правовой нигилизм, вранье, провокационность, алкоголизм, интриганство, низкий уровень интеллекта – все это сопровождало, сопровождает и будет сопровождать их породу. Все попытки избавиться от этих пороков с помощью язычества, иудаизма, мусульманства, христианства ничего не дали и дать не могли. В истории человека было время, когда царствовали аристократы, когда правили миром военные, когда главенствовали политики, когда последнее слово оставалось за физиками, когда властвовали финансисты. Сейчас миром распоряжаются глобалисты. Но на этом все. Можно ставить жирную точку! Никто из них не смог изменить homo sapiens» [8, с. 251-252].

Гораздо более сложную структуру имеет *психологическое пространство* – внутреннее пространство человеческого «Я». Прежде всего отметим, что рассмотренные нами модели (бытовое, природное и социальное

пространства) являются ничем иным как элементами психологического пространства, поскольку весь внешний мир изображается через призму восприятия Караманова, в субъективных формах. Другим элементом психологического пространства можно считать *интеллектуальное пространство* – пространство мысли, где формируются и живут идеи, представления, образы, – оно описывается в повести посредством пространственных метафор и сравнений: «Именно после этого случайного возникшего разговора с самим собой я впервые стал искать чудо не вне, а внутри себя. Внутренний голос подсказал мне, что оно есть, что оно не где-то далеко, а тут, рядом, готовое явиться по первому зову. Достаточно лишь распахнуть шторы сознания, и чудо предстанет во всей своей мощи» [8, с. 102]; «Но тут другая мысль буквально поразила мое сознание: "Все эти люди теперь будут входить в мое одиночество так же бесцеремонно, как они открывают двери третьего подъезда! И мое сознание должно будет впустить в себя их проблемы..."» [8, с. 128]; «Я постоянно рассуждал над вещами, о которых никто никогда не задумывался. Мое сознание было всегда полно чистейшими артезианскими мыслями, гейзирующими из глубин космоса» [8, с. 232]; «Мысли буквально разрывают голову. Сколько их вмещается? Это какая-то космическая бездна!» [8, с. 257] и т.п.

Внутренний психический мир героя составляет также *пространство его переживаний, настроений, чувств*, главным из которых является ощущение абсолютного одиночества, которое, впрочем, не угнетает, а наоборот, доставляет удовольствие Василию Караманову: «Одиноким образом жизни приучил меня к темноте: в ней я чувствовал себя более безопасно. А когда с улиц исчезали последние полуночники, я, шагая совершенно один по ночному городу, начинал чувствовать себя абсолютным хозяином жизни. Так хотелось быть одним на один с собой и владеть этим пустынным, до боли моим миром!» [8, с. 37].

Постоянное одиночество, тотальный разрыв с окружающим миром

«человеков», в конце концов приводит к расколу внутреннего «Я» героя: «Разговор с самим собой строился по принципу разделения собственного Я. Именно в те годы я понял, что размышлять и говорить с самим собой – это два совершенно разных занятия» [8, с. 44-45]. С особенной очевидностью это проявляется в последнем эпизоде повести, когда Василий Караманов прокручивает в голове сцену суда над собой, одновременно говоря за прокурора, судью, адвоката, милиционера, обвиняемого и других участников процесса. Читая повесть, можно неоднократно усомниться в психическом здоровье героя, тем более, что ряд симптомов налицо. «Подобная личность не способна переживать самое себя «вместе с» остальными или «как у себя дома» в этом мире, а наоборот, этот индивидуум переживает самого себя в состоянии отчаянного одиночества и изоляции. Более того, он переживает самого себя не в качестве цельной личности, а скорее в виде «раскола» всевозможными образами...» [4, с. 7], – пишет известный английский психиатр Р. Лэнг о шизоидных типах, как будто рисуя портрет Василия Караманова. Герой и сам понимает, что в глазах людей он ненормальный: «Тихий, но спятивший, выживший из ума. С утопическими фантазиями шизофреника» [8, с. 287].

Разобраться в истинности или ложности подобного впечатления помогает анализ *бессознательного уровня внутреннего мира* героя повести, т.е. тех явлений, процессов, свойств и состояний, которые оказывают влияние на его поведение, но не всегда осознаются им. В повести находят отражение прежде всего такие элементы мира бессознательного, как воспоминания, грезы и сновидения. Примечательно, что Караманов не всегда может с точностью ответить, думает ли он о чем-то в действительности или видит свои проекты во сне, например: «Во время уборки музейного двора я вспомнил о своем решении подготовить анализ состояния российской экономики. И почувствовал некоторую растерянность: этот проект был задуман в реальности – или во сне? Четкого ответа на этот вопрос я никак не находил. "Помутнение памяти?

Что-то новое происходит в моей голове"» [8, с. 306].

Именно наличие этих неосознаваемых процессов в мире «Я» Василия Караманова позволяет нам выделить еще одну пространственную модель – *трансперсональное пространство*. В современной психологии термин трансперсональное употребляется для обозначения «экспансии или расширения сознания за пределы привычного «Я» и за границы времени и пространства, при которых возможно достижение так называемых предельных человеческих способностей и потенциальных возможностей» [11, с. 925].

Расширение сознания героя происходит во время его виртуальных путешествий в пространстве, переход к подобному состоянию он чувствует даже на физиологическом уровне: «Удовлетворенный логикой своих размышлений, я расслабился. Заулыбался. Во рту появилась сухость. Тело прошиб озноб. Я ощутил себя в каких-то безмолвных, холодных сферах, где царила абсолютная пустота» [8, с. 173]; «Потом мои мысли стали расплываться, преобразуясь в не совсем ясные, короткие, призрачные видения. Запустение воцарилось вокруг меня» [8, с. 299]. Наиболее длительным оказалось перемещение Василия Караманова из выгребной ямы, полной людских отходов, в безбрежные просторы лазурного океана, являющееся своеобразной метафорой эволюции человечества, о которой он все время грезит.

Идеи русских космистов Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, ставшие основой эволюционной теории Василия Караманова, также свидетельствуют о ее трансперсональном характере. Как утверждают В.В. Майков и В.В. Козлов, «...русская трансперсональная традиция отличается глобализмом и «космическим» характером. Трансперсональная парадигма связана с идеей активной эволюции, т.е. необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство» [5, с. 78].

Глобальный рационализм, которым наделил А.П. Потемкин своего героя, конечно, исключает сомнения

в его ненормальности, но в то же время исключает и наличие в нем нравственного начала. Единственный раз он почувствовал не ненависть, а жалость и сострадание к людям, и очень удивился этому: «Я и не предполагал, что у меня есть сердце, – не как технический орган, а как чувствующий. <...> Чувствующий не глобально, а периферийно, не за весь космос, а за самого себя» [8, с. 276]. Открытие сердца, «этого чувствующего лоскутка материи», обесмысливает все рациональные выкладки Василия Караманова, и поэтому самосуд в финале повести представляется вполне закономерным.

Таким образом, анализ пространственной структуры повести «Я» позволяет приблизиться к пониманию сложной душевной организации главного героя, его грандиозной эволюционной теории, привлекательной разоблачительным пафосом человечества, но антигуманной в своей сути.

References:

1. Adrianova-Peretts V.P. K voprosu ob izobrazhenii «vnutrennego cheloveka» v russkoi literature XI–XIV vekov., Voprosy izucheniya russkoi literatury XI–XX vekov [On the image of “an inner man” in Russian literature of XI-XIV centuries., Matters of studying the Russian literature of XI-XX centuries]. – Moskva-Leningrad., 1958., pp.15-24.
2. Esin A.B. Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury [Psychology of classical Russian literature]. – Moskva., Flinta, NOU VPO «MPSI», 2011., pp. 250.
3. Likhachev D.S. Chelovek v literature drevnei Rusi [Human in the literature of the ancient Rus]. – Moskva., Nauka, 1970., pp. 180.
4. Leng R. Raskolotoe «Ya»: per. s angl [Divided “Me”: Translated from English]. – Sankt-Peterburg., Belyi Krolik [Белый кролик]. 1995., pp. 352.
5. Maikov V.V., Kozlov V.V. Transpersonal'nyi proekt: psikhologiya, antropologiya, dukhovnye traditsii [Transpersonal project: psychology, anthropology and spiritual traditions]., Tom II. Rossiiskii transpersonal'nyi proekt [Russian transpersonal project]. – Moskva., 2007., pp. 424.

6. Meletinskii E.M. Analiticheskaya psikhologiya i problema proiskhozhdeniya arkhетipicheskikh syuzhetov., Bessoznatel'noe. Sbornik [Analytical psychology and the problem of the archetypal stories origination., Unconscious. Compilation]. – Novocherkassk, 1994., pp. 159-167.

7. Nikolaev N.I. Vnutrennii mir cheloveka v russkom literaturnom soznanii XVIII Veka [Inner world of a man in the Russian literary consciousness of the XVIII century], Diss. ... doktora filol. nauk. 10.01.01 – russkaya literature [Dissertation by the Doctor of Philology. 10.01.01 - Russian Literature]. – Arkhangel'sk, 1997., pp. 304.

8. Potemkin A.P. Ya, povest' [I, a poem]. – Moskva., ID «PoRog», 2004., pp. 384.

9. Pykhtina Yu.G. Skvoznye prostranstvennye obrazy v russkoi literature., monografiya [Transverse spatial images in Russian literature., Monograph]. – GmbH: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011, pp. 150.

10. Savel'eva V.V. «Vneshnii chelovek» i «vnutrennii chelovek» v khudozhestvennom mire [“External man” and an “internal man” in the artistic world]. L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; Ed. A.I. Molotkova., V.V. Savel'eva., Khudozhestvennaya antropologiya [Artistic anthropology]. – Almaty, 1999., pp. 118-184.

11. Sandberg N., Kettser K. Transpersonal'naya psikhologiya (I) [Transpersonal psychology (I)]., Psikhologicheskaya entsiklopediya [Psychological encyclopedia], Ed. R. Korsini, A. Auerbakha. – 2nd addition. – Sankt-Peterburg., Piter, 2006., pp. 1096.

12. Svitel'skii V.A. Geroi i ego otsenka v russkoi psikhologicheskoi proze 60-70-kh godov XIX veka [Hero and his assessment in Russian psychological prose of 60-70s of the XIX century], Diss. ... doktora filol. nauk. 10.01.01 – russkaya literature [Diss. Doctor ... Philology. 10.01.01 - Russian Literature]. – Voronezh, 1995., pp. 415.

13. Etkind E.G. Vnutrennii chelovek i vneshnyaya rech'[Internal man and external speech]. – Moskva., Yazyki russkoi kul'tury [Language of Russian culture], pp. 448.

Литература:

1. Адрианова-Перетц В.П. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI–XIV веков., Вопросы изучения русской литературы XI – XX веков. – М. –Л., 1958. – С. 15-24.

2. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Флинта, НОУ ВПО «МПСи», 2011. – 250 с.

3. Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. – М.: Наука, 1970. –180 с.

4. Лэнг Р. . Расколотое «Я»: пер. с англ. – СПб.: Белый Кролик. 1995. – 352 с.

5. Майков В.В., Козлов В.В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том II. Российский трансперсональный проект. – М., 2007. – 424 с.

6. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Бессознательное. Сборник. – Новочеркасск, 1994. – С.159-167.

7. Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века: Дисс. ... доктора филол. наук. 10.01.01 - русская литература. – Архангельск, 1997. – 304 с.

8. Потемкин А.П. Я, повесть. – М.: ИД «ПоРог», 2004. – 384 с.

9. Пыхтина Ю.Г. Сквозные пространственные образы в русской литературе: монография. – GmbH: LAP

LAMBERT Academic Publishing. 2011. – 150 с.

10. Савельева В.В. «Внешний человек» и «внутренний человек» в художественном мире // В.В. Савельева Художественная антропология. – Алматы, 1999. – С. 118-184.

11. Сандберг Н., Кётцер К. Трансперсональная психология (I)., Психологическая энциклопедия., Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.

12. Свительский В.А. Герой и его оценка в русской психологической прозе 60-70-х годов XIX века: Дисс. ... доктора филол. наук. 10.01.01 – русская литература. – Воронеж, 1995. – 415 с.

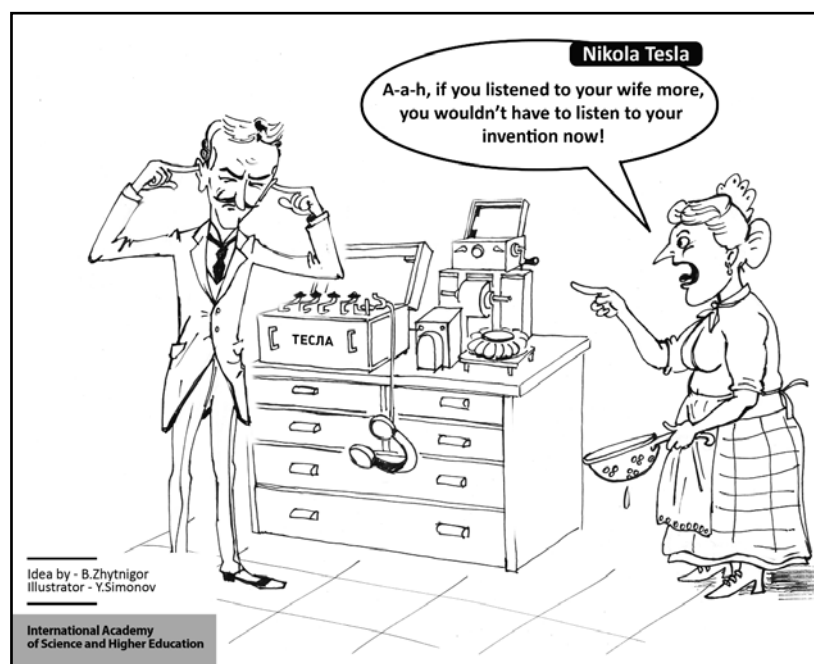
13. Эткинд Е.Г. Внутренний человек и внешняя речь. – М.: Языки русской культуры. – 448 с.

Information about author:

Iuliana Pykhtina - Candidate of Pedagogical sciences, Lecturer, Associate Professor, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg city; e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

Сведения об авторе:

Пыхтина Юлиана - кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский Национальный университет; адрес: Россия, Оренбург; электронный адрес: pyhtina-2008@mail.ru

PHILOSOPHICAL SUBSTANTIATION OF OBJECTIVIZATION OF THE SUB-CONCEPT "FUTURE" IN THE TRAGEDY "MACBETH" BY W. SHAKESPEARE

I. Razumovich, student
Zaporizhia National University, Ukraine

The article is connected with philosophical issues serving as a basis for objectivization of the sub-concept FUTURE in the tragedy "Macbeth" by W. Shakespeare. An attempt is made to analyze the sub-concept FUTURE as a constituent of the concept TIME and to determine cognitive peculiarities of its interpretation by the author.

Keywords: concept, future, time, determinism, fatalism, mythopoetics.

Conference participant

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБЪЕКТИВАЦИИ СУБКОНЦЕПТА «БУДУЩЕЕ» В ТРАГЕДИИ В. ШЕКСПИРА «МАКБЕТ»

Разумович И.А., студент
Запорожский национальный университет, Украина

В статье рассматриваются философские принципы, которые лежат в основе объективации субконцепта «Будущее» в трагедии В. Шекспира «Макбет». Приводится попытка анализа особенностей параметризации субконцепта «Будущее» как составной части концепта «Время» и выделения когнитивных особенностей его интерпретации автором.

Ключевые слова: концепт, время, будущее, детерминизм, фатализм, мифопоэтика.

Участник конференции

Языковые структуры в первую очередь фиксируют наивную картину мира и отображают общий фонд первичного феноменологического знания, а прежде всего те данные, которые даны человеку его перцептивным опытом. На уровне чувственного восприятия время представляется человеку как «теперь, в настоящий момент», то есть настоящее, которое является для него непосредственной данностью, будущее и прошлое, – это абстрактные конструкты, которые сложились на основе пространственных представлений о времени. Поэтому проблема концептуализации этих конструктов и философского обоснования их репрезентации в языке является актуальной для современной лингвистической парадигмы.

В целом, можно сказать, что в трагедии «Макбет» концепт «Время» имеет многослойную структуру и его можно условно разделить на несколько субконцептов – «Прошлое», «Настоящее», «Будущее», «Вечность», «Момент», но особенно акцентируется тот отрезок часового вектора, который направлен в будущее, и та плоскость пространства-времени, в которой содержится множество событий, которые еще не произошли, но должны произойти. Акцентуация происходит с помощью мотива пророчества, то есть обращения к гипотетическому феномену прекогниции. Линейная модель времени, которая характеризуется двусторонней направленностью и необратимостью часового потока (который направлен из прошлого через нынешнее в будущее) уступает место

дискретной и нелинейной структуре времени, в которой будущее, прошлое и настоящее часто пересекаются.

Философскими принципами конструирования субконцепта «Будущее» в анализируемом произведении являются доктрины детерминизма и фатализма, согласно которым все события уже предрешены и являются неотъемлемыми частями данного времени-пространства. Детерминизм признает общую закономерную связь, считает, что любое явление связано с другими явлениями, которые имели место в прошлом. Философы, которые придерживаются точки зрения детерминизма (А. Бергсон, Б. Спиноза и др.), по-разному понимают характер тех сил или процессов, которые формируют связи между явлениями. Два наиболее распространенных подхода к детерминизму – фатализм и материализм, и именно первый становится философской моделью концептуальной структуризации трагедии «Макбет».

Фатализм – религиозная концепция божественного предназначения, согласно которой закономерная связь всех явлений во времени устанавливается или богом, или судьбой. В результате этого концепт «Будущее» оказывается тесно связанным, а иногда даже тождественным с концептом «Судьба».

Так, образы трех ведьм являются аллюзией на мифологему богинь судьбы (древнегреческие Мойры, римские Парки, скандинавские Норны), и даже их основная номинация «weird sisters» аллюзивно вербализует концепт «Судьба» («weird» от древне-

английского «wyrd» – судьба, назначение, рок). Содержание пророчества, которое делают ведьмы Макбету и Банко, есть не просто озвучиванием их достоверного будущего, а окончательным известным фактом, который подтверждается использованием лексем с ярко выраженной дебитивной модальностью: «Macbeth, thou shalt be king hereafter!» (Акт I, сцена III), «Thou shalt get kings, though thou be none» (Акт I, сцена III), «Your children shall be kings» (Акт I, сцена III), «You shall be king» (Акт I, сцена III). Детерминированность будущего, невозможность свободы выбора и ответственности также акцентируется с помощью глаголов с дебитивной модальностью, преимущественно «must»: «for't must be done to-night» (Акт III, сцена I), «Fleance his son...must embrace the fate» (Акт III, сцена I), «we / Must lave our honours in these flattering streams» (Акт III, сцена I), «Great business must be wrought ere noon» (Акт III, сцена V), «I bear a charmed life, which must not yield, / To one of woman born» (Акт I, сцена VIII).

Фатализм в трагедии «Макбет» не имеет ничего общего с пессимизмом. Фатум в данном случае является достаточно сложной центрируемой системой, в которой будущее и доли каждого отдельного персонажа обуславливаются фатумом главного героя, – Макбета. Так, узнав о том, что судьба наградит его короной («fate and metaphysical aid doth seem / To have thee crown'd withal» (Акт I, сцена V), Макбет решает «приблизить» ожидаемый момент и убивает

короля Дункана, а затем через страх перед вторым пророчеством ведьм, уничтожает Банко и т.д. В результате этого концепт «Судьба» приобретает негативные эмоционально-оценочные коннотации: «What should be spoken here, where our fate, hid in an auger-hole, may *rush, and seize us?*» (Акт II, сцена V), «Fleance his son... must embrace the fate / Of that dark hour» (Акт III, сцена I), «Now we'll together; and the chance of goodness / Be like our warranted quarrel!» (Акт III, сцена III).

Апеллирование к концепции фатализма объясняется наличием в трагедии мифологических элементов. Мифопоэтика трагедии строится по условной схеме «человек (Макбет, Банко) – не-человек (ведьмы, привидения) – слово (пророчество) – время-пространство», в которой реальные и мифологические смыслы, реалистичные и фантастические элементы и персонажи, не подлежат четкой дифференциации и не могут быть противопоставлены, тесно взаимодействуют и обуславливают друг друга. Будущее в трагедии «Макбет» воспринимается сквозь призму мифа и сверхъестественных феноменов. Будущее неотъемлемо от идеи прогресса, эволюции и оптимистичных качественных изменений. Ведьмы обещают Макбету и Банко значительные перемены к лучшему (Макбет должен стать королем), долговременные позитивные влияния (потомки Банко станут основателями династии монархов).

Акцентуация будущего, направленность в будущее требуют активности от языкового субъекта, который может самостоятельно узнавать о будущих событиях, предсказывать и интерпретировать их: «weird sisters saluted me, and referred me to the coming on of time» (Акт II, сцена V), «the three weird sisters... have show'd some truth» (Акт II, сцена I).

Стоит отметить, что такое подчеркивание значимости будущего является не достаточно характерным для литературы Возрождения, ведь в это время у большинства стран восприятие было связано с переходом от сельской к городской культуре и характеризовалось освобождением человеческого ума от средневековых догм, которые трактовали настоящее бытие на Зем-

ле как временное убежище, а загробную жизнь – как настоящее. Научные изобретения, открытия, развитие экономики, привели к расширению исторических, географических, космографических представлений о человечестве и Вселенной. Земное время, время «здесь и в настоящий момент» признавалось единственно реальным (прошлого уже нет, а будущего еще нет). В трагедии же Шекспира наблюдается противоположное представление о времени: будущее является основным ценностным ориентиром и объектом стремлений персонажей: «To-morrow, and to-morrow, and to-morrow, / Steeps in this petty pace from day to day» (Акт V, сцена V). С будущим связываются оптимистические надежды («your cause of sorrow / Must not be measured by his worth, for then / It hath no end» (Акт V, сцена VII)). Для настоящего же характерны негативные коннотации: «Thy letters have transported me beyond / This ignorant present...» (Акт II, сцена V).

Параметризацию субконцепта «Будущее» в трагедии можно рассматривать также учитывая семантику возможных миров, которая является достаточно актуальной проблемой для современной лингвистической парадигмы. Семантика возможных миров как объект лингвистического исследования понимается как ментальный мир, материализованный в языковом знаке, который становится своеобразным сигналом «пределов» миров. Возможные миры, которые порождаются некоторыми синтаксическими и грамматическими конструкциями, позволяют допустить множественность вариаций будущего. Такую миропорождающую функцию выполняют, в первую очередь, условные предложения и конструкции, с модальными глаголами, сравнительными и разъединительными союзами и тому подобное. Среди возможных миров, которые чаще всего наблюдаются в трагедии «Макбет» и коррелируют с субконцептом «Будущее», можно выделить:

– ментальное пространство возможного мира, которое моделируется с помощью условных конструкций, которые могут иметь несколько потенциально возможных консеквен-

тов: «If it were done when 'tis done, then 'twere well / It were done quickly» (Акт I, сцена VII), «If we should fail?» (Акт I, сцена VII), «if thou didst it, / Thou art the nonpareil» (Акт III, сцена IV), «If there come truth from them...» (Акт III, сцена I). Следует отметить, что, поскольку исходный текст является художественным, возможные консеквенты данных условных конструкций менее жестко ограничены перечнем допустимых сценариев, которые могут формироваться в сознании субъекта. Этим они отличаются от конструкций, которые моделируют возможные миры в текстах других стилей, где вариативность возможных миров имеет более предсказуемый характер.

– мир возможных перспектив, семантическое пространство которого коррелирует с будущим временем относительно акта его речевой активации. Мир мнимых перспектив определяется условиями, при которых он мог бы реализоваться: «We would spend it in some words upon that business, / If you would grant the time» (Акт II, сцена I), «If he do bleed, / I'll gild the faces of the grooms withal» (Акт II, сцена II), «If thou be'st slain and with no stroke of mine, / My wife and children's ghosts will haunt me still» (Акт V, сцена VII).

– мир сомнений, догадок и гипотетических предположений, семантическое пространство которого конструируется с помощью модальных слов и глаголов. Такие модальные сущности, как лексемы «must», «may», «might», «should», «would», «could» и т.д. заставляют мысленное содержание предложений, в которых они используются, коррелировать с семантикой возможных миров. Они выражают степень достоверности того или другого варианта будущего: «That trusted home / Might yet enkindle you unto the crown, / Besides the thane of Cawdor» (Акт I, сцена III), «And that well might / Advise him to a caution, to hold what distance / His wisdom can provide» (Акт III, сцена VI), «I should report that which I say I saw, / But know not how to do it» (Акт V, сцена V), «His wonders and his praises do contend / Which should be thine or his» (Акт I, сцена II), «chance may crown me, / Without my

stir» (Акт I, сцена II). Высказывания, которые содержат лексемы с дебитивной модальностью, характеризуются наибольшей степенью уверенности в реальности того или другого события в будущем, тогда как лексемы с потенциальной модальностью выражают лишь предположение достоверности событий. Данному типу возможного мира свойственна онтологическая возможность, ведь он есть когнитивно обусловлен и базируется на знаниях о действительном положении вещей.

– мир возможных альтернатив. Альтернатива определяется как возможность выбора одного из нескольких возможных вариантов будущих событий: «When shall we three meet again / In thunder, lightning, or in rain?» (Акт I, сцена II), «Sleep shall neither night nor day / Hang upon his pent-house lid» (Акт I, сцена III), «His wonders and his praises do contend / Which should be thine or his» (Акт I, сцена III), «thou'ldst never fear the net nor lime, / The pitfall nor the gin» (Акт IV, сцена II), «Things at the worst will cease, or else climb upward / To what they were before» (Акт III, сцена II).

– мир фиктивных аналогий, который конструируется с помощью сравнений: «his virtues / Will plead like angels, trumpet-tongued, against / The deep damnation of his taking-off» (Акт I, сцена VII). Сравнение, которое вводится союзом «like», является репрезентатором сценария возможного мира, который будто бы «наслаивается» на план содержания предложения, которое отображает действительность.

– мир реальных аналогий: «But in a sieve I'll thither sail, / And, like a rat without a tail, / I'll do, I'll do, and I'll do» (Акт I, сцена III). Мир реальных аналогий отличается высокой степенью онтологической досягаемости, поскольку апеллирует к имеющемуся у говорящего чувственному, социальному и др. опыту.

– возможный мир, представленный вопросительными предложениями. Как было отмечено выше, любой вопрос порождает потенциальное множественное число ответов на него: «Will she go now to bed?» (Акт V, сце-

на I), «how wilt thou do for a father?» (Акт IV, сцена V).

Итак, в качестве вывода можно отметить, что в трагедии «Макбет» субконцепт «Будущее» является одной из частей более сложной когнитивной структуры – концепта «Время». Субконцепт «Будущее» параметризуется на базе философских принципов детерминизма и фатализма, при этом часто в тексте встречаются мифологические мотивы или образы, которые служат аллюзивными репрезентантами субконцепта (например, три ведьмы). Данное исследование представляет значительные перспективы для дальнейшей работы, т.к. более детальное изучение философской базы, на основе которой объективируются концепты, позволяет обнаружить особенности их осмысления писателем и выделить ценностные доминанты, связанные с интерпретациями концепта в его творчестве.

References:

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the personal world], N.D. Arutyunova., M., Yazyki russkoi kul'tury [Languages of Russian culture], 1999. - 896 p.
2. Babushkin A.P. Vozmozhnye miry v semanticheskom prostranstve [Possible worlds in the semantic space], A.P. Babushkin., Monografiya [Monograph]. - Volgograd., Peremena., 2002. - 477 p.
3. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture], A.Ya. Gurevich., 2nd addition., ispr. i dop. – Moskva., Iskustvo [Arts], 1984. - 350 p.

4. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse] V.I. Karasik. - Volgograd, Peremena, 2002. - 477 p.

5. Losev A.F. Antichnaya filosofiya istorii [Ancient philosophy of history], A.F. Losev. - Moskva., Nauka [Science], 1977. - 208 p.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова // М., Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бабушкин А.П. Возможные миры в семантическом пространстве / А.П. Бабушкин // Монография. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик // Волгоград, «Перемена», 2002. – 477 с.
5. Лосев А.Ф. Античная философия истории / А.Ф. Лосев // М.: Наука, 1977. – 208 с.

Information about author:

Irina Razumovich - student, Zaporizhia National University; address: Ukraine, Zaporozhye city; e-mail: ir-rina93@mail.ru

Сведения об авторе:

Разумович Ирина - студент, Запорожский национальный университет; адрес: Украина, Запорожье; электронный адрес: ir-rina93@mail.ru

THE PHENOMENON OF GRAPHIC DERIVATION IN THE TEXTS
OF RUSSIAN OUTDOOR ADVERTISING

A.G. Antipov, Doctor of Philological sciences, Full Professor
E.S. Denisova, Candidate of Philological sciences, Associate Professor
Kemerovo State University, Russia

The article is devoted to the research of the phenomenon of graphic derivation in the texts of Russian outdoor advertising. This paper discusses the problems of the new lexical units' formation as a result of its graphic form transformation, and also it studies the processes of these words' perception by native Russian speaker.

Keywords: word-formation, graphic derivatives, outdoor advertising, speech influence, word-formative gave.

Conference participants,
National championship in scientific analytics

In today's world, advertising texts form the basis of linguistic space of any city. Advertising texts are a special type of texts which are expected (if the law of the speech effort economy is implemented) to transfer information maximally and to perform certain functions, such as influencing, informative, expressive, aesthetic, attention-getting function and others. With such functional loading of a text, the functional loading of its elements repeatedly increases, including the lexical word-formative units.

Graphic elements are increasingly used for enhancement of the pragmatic and emotional-aesthetic impact on the receiver in the structure of advertising names, as long as the usage of such signs creates a favorable atmosphere, makes advertising names vivid and memorable. It leads to the appearance of «words-hybrid, which motivation correlates different linguocultural traditions» in media speech [1: 32]. Introducing similar units into advertising discourse, copywriter thereby «firms» the text, using minimum numbers of symbols herewith. Firstly, such meaning's compression helps to save space and time, as well as receiver's speech efforts; secondly, it provides better memorability of advertising name.

The purpose of our work assumes the research of the phenomenon of graphic derivation as one of the main ways of creation and functioning of derived units in the texts of outdoor advertising. The subject of the study is the phenomenon of graphic derivation both, in the aspect of the new lexical units' formation and its perception by native Russian speakers, and so in the aspect of its performance attribute study.

Graphic transformation of words in the advertising media text is one of the graphic-derivational game's techniques, constituting «a special type of the linguistic sign's functioning, characterized by a specific implementation mechanism which is the active participation of the

external structure of the word when it is used and the updating of the relevant formal words' oppositions, that is serve to execution of the advertising plan» [2: 83]. Graphic derivatives in the advertising texts, first of all, contribute to the implementation of the main function of advertising texts – influencing – and in accordance with the interests of the advertiser, they direct receiver's linguo-cognitive activity.

The most common and best-mastered by copywriters graphic game technique is a choice of graphic element. Such element can affect the imagination of the recipient, forming his visual images and associations arising in the connection with them. At the perception of advertising text, receiver can «expand» the semantics of a word to the whole situation. For example, in the slogan of the «Я» shopping center promotion event «%та за скидками», the first word is written as grapheme %та. From the rebus information, which hidden behind % (percentages), the recipient retrieves an additional meaning «*hunting on the percentages on sale*».

A similar example can be found in the TV bar «ВОЛНУшка» menu – «%_{бед}», where the graphic component of the word has a following context behind: «*this dinner allows to save as it has a percentage minus*». In the anti-alcohol campaign slogan «СПИВАются быстро» the sentence «С пива спиваются быстро» is read. Or, for example, the text of the advertising campaign «дни *сoBCEM* скидок» that is held by household appliances hypermarket «ТехноСила», the next meaning layer is hidden: «not just *discount days, but discounts on everything and for everyone*».

It is often happens that in the structure of the advertising slogans copywriter includes an element that is the logo of a company, for its greater promotion. For example, the component D, which is a part of the slogan «РазбуДильники в

утреннем шоу «Бизуди»», is a «Dfm» radio station logo. Not infrequently, advertisers play upon the names of the companies, firms, supermarkets, brands, etc. by dint of bolding them. For example, the slogan of the coffee МАХИМ is «Возьми МАХИМум от кофе» or «linearly» reading motto of the supermarket «Кора» – «сКОРА праздник каждый день». Another striking example is the advertisement of the Mazda Zoom-Zoom car, whose slogan is «Изоотительный автомобиль». The inclusion of the *zoom* component into the structure of the word «amazing» allows us to focus on the second producing base of the derivative which is the title of the car brand.

Another active «tool» of the impact on the receiver is the transformation of the known fixed expressions (including phraseological units) and precedent texts. According to this principle, the following slogans are created, for example, advertising slogans of the child's knitwear store ХЛОП'ОК – «Связано – сделано!» (cf.: «Сказано – сделано!»), TV series МАРГОША – «Женщиной не рождаются» (cf.: «Оратором не рождаются, оратором становятся»), fabric store МирТек – «Давайте шить дружно!» (cf.: «Давайте жить дружно!») or cat food Felix – «Вкусно так, что усики облизнешь» (cf.: «Вкусно так, что пальчики облизнешь») and many others. Such precedential statements quite vividly illustrate the postmodernism of the inner form of Russian word sign [1: 32].

The active methods of graphic-derivational game, used to create the advertising slogans and advertising names, involves the inclusion of different semiotic systems' elements into the derivative's structure, for example: mathematics (Цифр0град, [π]ЕКЛО, ПР0100 БАР, авто7я), chemistry (МедО₃он), computer science (КиберПочт@, СТРАХОФКА, ФОРМАТ©om), as well as Latin symbols (Страсми по насме, Пивкоff и

Водочкин, *sneЖnyi.com*, *Зеркало*), punctuation, rubrication (*ДВИЖ'ОК*, *Кувыр.com*, «От» *ЛИЧНЫЕ тарифы*), strikethrough, underlining («*Большому банку*» ^{ему} – *большие скидки*)) etc.

As a rule, the replacing of letters by visual images in the advertising name causes the receiver's associations related to advertised product or service, which increases the effectiveness of advertising. For example, the store in which an avid fisherman can get everything he needs for his hobby, is called *КАЙФ*. In this example, the letter *Ф* is shown as a float, which directly points to the goods that can be purchased at the store. A similar example is the nomination *Клевое место*, where a fishhook is illustrated instead of a symbol *T*.

In the advertising texts it is also possible to isolate a group of graphic (visual) pleonasms which are the words that include such graphemes in their the structure which duplicate the value of the unit, performing iconic feature: *КОФЕ-мерца* (the letter *O* is shown as a coffee bean), *ORANGEmyp* (the letter *O* is visualized as an orange segments), *Куберпочт@* (computer symbol @ duplicate the word «mail» semantics), *ПА[P]КОВКА* (the letter *P* is changed by graphically identical sign [P] – parking) etc.

Simultaneous usage of linguistic and graphic elements contributes the gradual achievement of an effect planned by copywriter: to draw attention → to keep the attention → to cause interest → to form a lasting image of denotation → to inspire an action (to buy).

We performed a series of linguistic experiments aimed on the identifying of the associative potential of graphic derivatives and establishing the strategies of their semantization by native Russian speakers, in order to prove that graphic element included in the structure of the word-stimulus, effects on the organization of perception and interpretation processes of advertising texts' occasional units.

Thus, in one of our experiments, informants were asked to write down the associations and give definitions for the graphically transformed words and their «twins» – the words, which structure does not contain graphics. Some examples: the first couple of words – the name of the bookstore *книгОмир* (element *O* is shown as a clock) and its «twin» – *книгомир*. In the first case due to the illustrative component such associations as follow were obtained: time to read, reading time, hours

spent on reading, books and clock store, etc., in the second case, due to the absence of additional grapheme, associative array was following: the world of books; books about the world, a lot of books, a kaleidoscope of books etc.

The second pair of words is the name of the law firm *адвокатУРА* and its «twin» *адвокатура* – is an example of the presence / absence of color coding of one component in the structure of the stimulus. At the interpretation of the word, which does not have graphically expressed component (*адвокатура*), the majority of informants realized the semantic structure of a word by relying on the dictionary meaning of the unit, in connection with which there were following associations: *collegiate organ, bureau, lawyers' company, legal agency, office*. At the interpretation of the words with graphic expression segment *-УРА* in the minds of informants, the connotative component appeared, which was absent in the previous lexeme, for example, *the best / experienced / excellent / strong / successful / good lawyer (i.e., lawyer services, which are taken on «Hurray!»)*.

The third pair of words is the name of the child's knitwear shop *хлоп'ок* and its «twin» *хлопок*. At the interpretation of the first usual lexeme, informants selected adjectives that characterize the quality of this kind of fiber and its products. For example, there were such associations as *soft / fluffy / nice / lightweight / durable / warm* etc. At the interpretation of the second word the following associations were identified – *clap, sound, noise, applause, plaudits*, etc., which don't have any direct link to the fiber and its products, due to the color and accentological marking of the word (with an apostrophe). Sometimes interpreters met the *-ок* formant (from English "good"), which gave a rise to the appearance of associations such as the *good, all right, product from good materials, excellent cotton*.

Our experiment showed that graphic component, included in the structure of stimulus, clearly influences on the perception and interpretation of lexemes from experimental list. Occasional derivatives in the advertising text have a special nature of impact on the potential buyer, because the inclusion of graphic component in the structure of a word helps to stimulate imagination of the receiver, which in turn actualize the creative linguistic activity.

Thereby, when creating a Russian

advertising texts, we can observe a violation of the canon and the emergence of new standards of the text's organization and the usage of linguistic units. This confusion and the interaction between graphic units of different code systems reflects the trend of the modern written language development in its natural functioning. Therefore, the study of the graphic derivation phenomenon allows to fix the action of a number of trends that determine the development of modern Russian language: the trend towards the democratization of a language, the tendency to implementation of language users' creativity and the trend towards pluralism of the linguistic forms.

References:

1. Antipov A.G. Russkaya grammatika v zerkale EGE [Russian Grammar in the mirror of USE] A.G. Antipov, E.E. Rybnikova. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. – Kemerovo., 2011., No 15., p. 31-36.

2. Denisova E.S. Vozdeistviyushchii potentsial sposobov i priemov grafoderivatsionnoi igry (na materiale naruzhnoi reklamy g. Kemerovo) [Effective potential of methods and techniques of the graph-derivation game (based on outdoor advertising in Kemerovo)] E.S. Denisova, E.A. Vasilenko, Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. – Kemerovo., 2012., No 2., pp. 133-138.

Литература:

1. Антипов А.Г. Русская грамматика в зеркале ЕГЭ / А.Г. Антипов, Е.Е. Рыбникова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово, 2011. – № 15. – С. 31-36.

2. Денисова Э.С. Воздействующий потенциал способов и приемов графодеривационной игры (на материале наружной рекламы г. Кемерово) / Э.С. Денисова, Е.А. Василенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2012. – № 2. – С. 133-138.

Information about authors:

1. Alexander Antipov - Doctor of Philological sciences, Full Professor, Kemerovo State University; address: Russia, Kemerovo city; e-mail: sante3@yandex.ru

2. Elvira Denisova - Candidate of Philological sciences, Associate Professor, Kemerovo State University; address: Russia, Kemerovo city; e-mail: elvdenisova@yandex.ru

ON THE HISTORY OF BOUND ROOTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

E. Kosykh¹, Candidate of Philology, Associate Professor
N. Chashina², teacher of the Russian language and literature
Altai State Pedagogical Academy, Russia¹
Secondary school №125 (Barnaul), Russia²

Authors present the discussion of reasons for emergence of bound roots in the Russian language. Desemantized nuclear morphemes may be probably caused by historical phonetic processes changing the root structure.

Keywords: morpheme, bound root, causes of desemantization.

Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

К ИСТОРИИ СВЯЗАННЫХ КОРНЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Косых Е.А.¹, канд. филол. наук, доцент
Чащина Н.Ю.², учитель русского языка и литературы
Алтайская государственная педагогическая академия, Россия¹
Средняя общеобразовательная школа №125 (г. Барнаул), Россия²

В статье представлены рассуждения о причинах появления связанных корней в русском языке. Десемантизация ядерной морфемы, вероятно, обусловлена историческими фонетическими процессами, менявшими облик корня.

Ключевые слова: морфема, связанный корень, причины десемантизации.

Участники конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

Если в начале было слово, то оно обязательно было представлено корнем, который признаётся центральным и обязательным элементом морфемной структуры слова. Данная морфема является носителем основного лексического значения, а аффиксы (суффиксы и приставки) лишь конкретизируют его. Однако вычленение корня в морфемной структуре слова на современном этапе функционирования языка может представлять проблему, так как с течением времени внешняя форма корня может видоизмениться. Эти изменения отражаются в чередованиях и обусловлены различными историческими процессами языка.

Проблема выделения корней в словах со сложной морфемной структурой повлекла за собой ряд теоретических вопросов, на которые ученые до сих пор не могут дать однозначных и исчерпывающих ответов. Мнение В.В. Лопатина и И.С. Улуханова о том, что «многое здесь остается неясным или невыполненным до конца» [Цит. по: Шептухина, 2006, с. 22] актуально и в настоящее время. Сложность возникает потому, что корни современного русского языка могут быть свободными или связанными.

В синхронии слова со связанными корнями описаны достаточно подробно. Однако среди ученых нет единства в определении термина «связанный корень» и «связанная основа», дискуссионными остаются вопросы производности и членимости слов, содержащих связанный корень, связанную основу [см., например: Винокур, 1959; Земская, 2009; Сигалов, 1977; Сидорова, 2006; Тихонов, 1990;

Улуханов, 1993; Цыганенко, 1991; Шанский, 1968; Ширшов, 1997]. Несмотря на исследования, в которых предпринята попытка выявить причины появления слов со связанными корнями в русском языке [Стрелков, 1967], этот аспект до сих пор остается недостаточно разработанным в науке. В диахроническом аспекте, который позволяет установить причину возникновения связанности корня и представить возможную для современных корней перспективу утраты свободы, работы практически не отмечены.

Чтобы найти ответ на вопрос: почему в современном русском языке некоторые корни потеряли способность употребляться свободно, без окружения одного или нескольких словообразовательных аффиксов, нами предпринято исследование, основанное на анализе исторических форм.

Для выявления причин утраты корнями самостоятельности мы выбрали связанные корни, наиболее часто встречающиеся в качестве примеров данного явления в учебниках и пособиях по словообразованию для студентов филологических факультетов высших учебных заведений [Земская, 2009], [Касаткин, 1995], [Современный русский язык, 1999], [Современный русский язык, 2006].

Отправной точкой работы послужила монография Г.О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию» [Винокур, 1959], в которой исследователь дал определение термину «связанная основа», описал данное явление и представил перечень связанных корней, используя слова, в которых эти корни приводятся в качестве примеров.

В нашем исследовании мы репертуар связанных корней, наиболее часто встречающихся в учебной и справочной литературе по данной проблеме, насчитывает около 40 ядерных морфем, способных употребляться только в окружении словообразовательных аффиксов (-бав-, блюд/блюс(т)-, -²а-/-им-/-ем-/-йм-/-ш, -вад-/-важ-, -вет-, -де-/-дежд-, -ул-, -ряд-/-ряж-, -тяж-/*-тяг- и др.). Количество вариантов функционирования указанных связанных корневых морфем превышает 1000 слов современного русского языка (например, *забава, добавить, наблюдать, блюсти, соблюдать; взять, иметь, приемник; привадить, отвадить; привет, завет; надеть, одежда; улица, переулок; рядиться, наряжаться; тяжба, тягать, но тяга – ещё со свободным корнем*).

Классическим примером связанного корня является морфема -у- в словах *обуть, разуть, обувь*. Образование глаголов происходит по известной схеме: приставка + основа. В этимологическом словаре отмечено, что *обуть* образовано от «праслав. *ob-uti наряду с *jъz-uti (см. изуть)» [Фасмер, 2003: Т. 3, с. 109]. В словарях также отмечено, что *обуть, разуть* «родственно с лит. *auti, aupu, aviāu* «носить обувь, обувать(ся)» [Фасмер, 2003: Т. 3, с. 109]. В современном русском языке в указанных лексемах наблюдается слияние корня и приставки.

Изменение семантики, затронувшее исследуемые единицы, показывает

Г.О. Винокур в «Заметках по русскому словообразованию», отмечая: «Значение данной основы не существует вне сочленения с значениями

приставок об-, раз-. Неправильно было бы думать, что значение основы -у- вообще неопределимо. Нет, оно определимо, но только так, что при любом его определении в самое определение непременно будет входить указание на то, что соответствующее действие возможно только в тех его модификациях, которые в языке обозначаются префиксами об-, раз-». Исследователь считал, что, например, значение основы -у- можно было бы определить так: «совершить действие, в результате которого ноги будут снабжены одеждой или лишены ее» [Винокур, 1959, с. 424].

В ходе исследования было выяснено, что отмеченный корень исконно представлял собой дифтонг *ou-, который в праславянский период монофтонгизировался. И если на письме графически передавалось написание ОБОУТИ, ОБОУВАТИ, то фонетически – монофтонг [y]. Стяжение корневой морфемы послужило причиной связанности корня -у-, так как изменилась и семантика слова. Значение «натягивать», «надевать» имел и.-е. корень *ou- [Черных, 2002: Т. 1, с. 589]. Постепенно это значение актуализировалось в приставке об-, которая реализуется в значении «покрыть или покрыться чем-л. с помощью действия, названного мотивирующим словом»: обувь значит «надеть обувь» отмечено в современном толковом словаре русского языка [Ожегов, Шведова, 1994, с. 430]. Анализ указанных значений привел к выводу о том, что семантика корня -у- с течением времени конкретизировалась за счет слияния корня со словообразовательными омонимичными приставками об- и раз-. Существенно подчеркнуть, что десемантизация корня и перераспределение морфемной границы в случае рождения связанного корня сопровождается семантическим перераспределением, т.е. часть значения корневой морфемы передаётся аффиксам (приставке или корню).

С диахронической точки зрения связанная центральная морфема -у- вычленяется в слове *обувь*. Морфемное строение этого слова в современном русском языке поясняет Е.А. Земская, с мнением которой, в данном случае, мы абсолютно со-

гласны: «Значение приставки в этом слове неясно, хотя вообще в языке приставка об- живая; в языке нет существительного с тем же корнем, но с другой приставкой. Что касается суффикса -вь, то он мертвый и значение его говорящим совсем непонятно» [Земская, 2009, с. 54]. Поэтому слово *обувь* с позиции синхронического развития языка является простым и нечленимым. А значение «одежда для ног, то, что покрывает ноги вокруг» реализуется в том числе и через элемент об-.

Другой пример. Связанный корень -ем- / -ём- / -ним- / -ня- / -ым- / -'а- (праславянский *jъm) вычленяется в словах *принимать, брать, объять, снать, разнять, внять, приятель, приемлемо, внемлю, подъем, приемник* и др. В словаре М. Фасмера указано, что слово *внять*, например, образовано путем прибавления приставки к корню: «*vъn- и *jъti» [Фасмер, 2003: Т. 1, с. 329]. Исходно протетический -н'- в праславянском языке появлялся в положении после предлогов *въ, къ, съ* которые в праславянском языке звучали *vъn, *kъn, *sъn. Тогда согласный корневой морфемы *j сливался с конечным согласным предлога и происходило перераспределение основы. То же наблюдаем в слове *взятка*, образованного из приставки *vъz и *jъti.

Таким образом, этимологическая цепочка данного связанного корня выглядит так: *jъm → jъti → ЯТИ → яти → внять, брать и др.

На одном из первых этапов формирования корня -'а- (-я-) произошел процесс **монофтонгизации дифтонгов** (стяжение в один вокальный элемент гласного и носового): <im> → <e>, затем – **утрата носовости** (в древнерусском языке): <e> → <'а>. До этого момента корень -им- / -'а- мог употребляться свободно, однако уже в словаре Даля отмечено, что ЯТИ употреблялось «более с предлогом». Например, *jъti → *vъn- + jъti (внять). Здесь отражен **процесс перераспределения основы**, который привел к присоединению -н'- к корню.

Однако установления фонетических процессов, произошедших с корнем на пути исторического развития, недостаточно для того, чтобы объяснить причину утраты корнем самосто-

тельности.

Следует проследить изменение корневой семантики. В этимологическом словаре славянских языков отмечены следующие значения исследуемого корня: «*jъti, *jim-, *jъmQ: ст.-слав. ЯТИ, имQ «брать», др.-русск., русск.-цслав. ЯТИ, имQ «взять», «брать» (Поуч. Вл. Мон. 82), «схватить» (Церк. уст. Влад.), «прикоснуться, припасть» (Остр. Ев.), «схватить, захватить, лишить свободы» (Остр. Ев. и др.), «привести» (Р. Прав. Влад. Мон.), «поймать, наловить» (Остр. Ев. и др.), «достигнуть, дойти» (Лавр. Л. под 1169г.), «овладеть» (Новг. I л. под 1417г.), «стать» (вспом. глаг., Церк. уст. Влад. и др.) (Срезневский III, 1671), русск. диал. *ять* «стать» (Яросл., опыт 275), «брать» (Куликовский 143), *ялся* «хотел» (Куликовский 142), *нять* «взять» (новг. смол.), «досадить, задеть за живое» (Новг. Пск.) (Опыт 131), *нять* «захватить, овладеть чем-нибудь» (Добровольский 495), *яться* «браться, обещаться» [Трубачев, 1981, с. 226].

Таким образом, только по данным этимологического словаря под редакцией О.Н. Трубачева, насчитывается около двадцати значений и.-е. основы *jъm□, реализованных в однокоренных словах.

В историко-этимологическом словаре П.Я. Черных подтверждаются указанные выше значения: «этимологический корень *-jъm-, восходящий к и.-е. * (m₀) или *em, имея значение «брать», «хватать», реализовывал более поздние значения «владеть, захватывать»» [Черных, 2002: Т. 1, с. 344].

В толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля отмечено слово ЯТИ, ЯТЬ в значении «соверш. глаг. от имати (брать) и имать (ловить); местами донныне (вост.), но более с предлогом брать, **взять**; ловить, хватать, изымать; начать, стать. *Вшед, ят ю за руку, Матф. ял, взял. Всеволод я стряя своего Ярослава, летописн. взял в плен. Яло гореть, влад. стало, начало*. У В.И. Даля приведено больше примеров, к тому же этот корень употребляется с приставками: «*Взять, взнять (вздымать), поднять; взять, соверш. от брать. Взялся не за свое дело. Выять, вынять, вынуть*» и др. [Даль, 2002: Т. 2, с. 1011].

Во всех словарях четко зафиксировано одно значение «брать», остальные значения, которые реализовывал данный корень, широко варьируются.

В современном русском языке значение «брать» закреплено лишь собственно за глаголом *взять*: «взять, возьму, возьмешь; взял, -а, -о; взятый (взят, -а, -о); *сов.* 1. *см.* брать.» – отмечено в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1994, с. 78].

Таким образом, мы отмечаем сужение семантического поля корня в пределах одного слова: значение «брать» в современном языке соотносимо лишь со словом *взять*, значение «захватить, овладеть чем-нибудь», приводимое в перечне остальных в словаре под ред. О. Н. Трубачева, реализовано в слове *принять* «1. Взять, получить в свое ведение» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 585]. В слове *поднять* отражено значение «схватить, захватить»: «поднять – 2. Взять, захватить, имея достаточно силы, чтобы удержать» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 529].

Следовательно, семантическое поле одного слова сужается, но семантика слов со связанным корнем в целом, напротив, расширяется за счет сочетаемости связанной ядерной морфемой с различными аффиксами.

Таким образом, употреблявшийся ранее свободно корень –ʼа-, например, в слове *яти*, реализовывал большое количество значений, затем, как отмечено у Даля, *яти* стало употребляться «более с предлогом», и на современном этапе корень имеет множество реализаций в однокоренных словах, но самостоятельно (свободно) уже практически не употребляется.

Следует отметить, что особняком стоит слово *иметь*, активно употребляющееся в современном русском языке и содержащее в себе свободный корень -им-. Однако носителями языка почти не улавливается связь корня -им- в слове *иметь* с корнями -ем- / -ём- / -ним- / -ня- / -ым- / -я- в словах *приемственность, заёмщик, предприниматель, занять, приподымать, взятка* и других. Расхождение семантики этих слов произошло, вероятно, в результате словообразовательных процессов, происходивших с корнями

-ем- / -ём- / -ним- / -ня- / -ым- / -я-. Присоединение аффиксов к корню повлекло за собой переложение на них основной смысловой нагрузки слова.

Можно предположить, что свободное употребление корня -им- в слове *иметь* объясняется тем, что процесс «связывания» корня -им- с аффиксами еще до конца не завершен, в отличие от корней -ем-, -ём-, -ним-, -ня-, -ым-, -я-, которые в свободном виде в русском языке не существуют.

Таким образом, связанными корнями, в большинстве случаев, становятся те, которые в праславянский период претерпели воздействие закона слоговой гармонии, в результате которого произошло изменение внешнего облика слова. В числе фонетических процессов, происходивших с корнями на пути их преобразования из свободных ядерных морфем в связанные, – монофтонгизация дифтонгов и дифтонгических сочетаний с последующей утратой назальности монофтонгизированными гласными. Развитие протеза перед гласным в позиции начала слова (появление <w> и <j> протетических), дефонологизация дифференциального признака долготы также способствовали появлению корней с изменённой звуковой оболочкой, чередованиями, коней, предрасположенных к утрате самостоятельности и свободы. В большинстве слов отмечен словообразовательный процесс переразложения морфемных границ.

Существенно подчеркнуть, что языковая эволюция представленных в работе связанных корней в 70% случаев сопровождалась процессом монофтонгизации дифтонгов и дифтонгоидов в этой морфеме. На основании данного факта мы можем говорить, что связанными становятся именно те корни, которые претерпели воздействие процесса монофтонгизации.

Одним из ведущих факторов, оказавших влияние на связанность корневых морфем, также является историческое изменение семантики. С течением времени корень в новой огласовке перестал осознаваться носителями языка в исходной семантике, вследствие чего «на помощь пришли аффиксы». Словообразовательные

морфемы распространили, конкретизировали значение исходного корня и стали играть значительную роль в толковании слов со связанными корнями. В результате семантику слов с несвободными ядерными морфемами носители языка определяют посредством выведения значения аффиксов, впитавших в себя семантическую составляющую ядерной морфемы. Назвать исходное значение связанного корня без применения специальных лингвистических источников на современном этапе функционирования языка почти невозможно.

Следует отметить, что в ходе выяснения исторических причин и условий, повлиявших на трансформацию формы и содержания связанных корней русского языка, мы столкнулись с рядом особенностей, на основании которых выделили две группы слов со связанными корнями, функционирующими в современном русском языке.

Первая группа представлена словами, корни которых являются связанными в современном русском языке, а также употреблялись в несвободном виде уже в древнерусский период. Например: -вык- (др.-рус. **выкнути**, совр. *навык*), прас- (др.-рус. **напраснь**, совр. *напрасный*), -нз- (др.-рус. **вънзйти**, совр. *вонзить*), -верг- (др.-рус. **въргнути**, совр. *вергнуть*) и другие.

Вторая группа включает в себя слова, корни которых в современном русском литературном языке являются связанными, а в древнерусском языке были свободными. Также корни данных слов могут употребляться без окружения словообразовательных аффиксов и в современном русском языке, однако их функционирование ограничено определенными сферами общенародного языка, что отражено в пометах, приводимых в словарях. В их числе: -ряд- (устар. и простореч. *рядить*, литер. *нарядить*), -нуд- (устар. *нудить*, литер. *нудный*), -раж- (книжн. *разить*, литер. *сражение*) и другие.

Рассуждая о тенденциях формирования связанности корней, мы предполагаем, что некоторые корни II группы (способные употребляться в свободном виде в определенных, ограниченных нормах сферах совре-

менного русского языка) через некоторое время пополнят ряды абсолютно связанных ядерных морфем.

Кроме того, можно допустить, что корни слов *влачить*, *мутить*, *рдеть* и некоторые другие утратят самостоятельность и станут связанными по причине затемнения семантики, утраты осознания носителями языка родственных связей. Центральные морфемы этих слов так же, как и корни, ставшие связанными, подверглись влиянию исторического процесса монофтонгизации дифтонгов и на данном языковом этапе выступают в словах в окружении словообразовательных аффиксов. Исключение составляют только вышеперечисленные лексемы в форме производящих безаффиксных инфинитивов.

Полученные в ходе исследования результаты обосновывают диахронический подход к вопросу функционирования слов со связанными корневыми морфемами, а также дополняют и углубляют существующие научные работы по проблеме связанных корней.

References:

1. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka: v 17 t. [Big academic dictionary of the Russian language in 17 volumes], Rossijskaja Akademija nauk, Institut lingvisticheskikh issledovanij, glavnyj redaktor K.S. Gorbachevich [Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies., edited by K.S. Gorbachevich], – Moskva-Sankt-Peterburg., Nauka [Science], 2006.
2. Vinokur, G.O. Zametki po russkomu slovoobrazovaniju [Notes on the Russian word formation], Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i jazyka [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language]. – Moskva., AN SSSR, 1959. – T. V., 4., pp. 419-442.
3. Dal', V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language], 2v. – Moskva., OLMA-PRESS, 2002.
4. Zemskaya, E.A. Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie: uchebnoe posobie [Modern Russian language. Word-formation: tutorial], E.A. Zemskaya., 6 addition. – Moskva.: Flinta: Nauka, 2009. – 328 p.
5. Kasatkin, L.L. Kratkij pravochnik po sovremennomu russkomu jazyku [Quick reference-book of the modern Russian language], L.L. Kasatkin, E.V. Klobukov, P.A. Lekant; added by P.A. Lekanta., 2nd addition. – Moskva., Vysshaya shkola [Higher school], 1995., pp. 382.
6. Kuznetsova, A.I., Efremova, T.F. Slovar' morfem russkogo jazyka: Ok. 52 000 slov [Morpheme dictionary of the Russian language: about 52 000 words]. – Moskva., Russkij jazyk [Russian language], 1986. – 1136 p.
7. Malyi akademicheskij slovar' russkogo jazyka., Elektronnyj resurs [Small academic dictionary of the Russian language., Electronic resource], A.P. Evgen'eva. – Access URL: <http://feb-web.ru/feb/mas.htm>.
8. Maslov, Yu.S. Vvedenie v jazykoznanie [Introduction to Linguistics]. – Moskva., Vysshaya shkola [Higher school], 1987., pp. 272.
9. Ozhegov, S.I. i Shvedova, N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij., Rossijskaja AN., Rossijskij fond kul'tury [Russian explanatory dictionary: 80000 words and phraseological expressions., Russian Academy of Sciences., Russian Cultural Foundation], – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva., A3B, 1994. – 928 p.
10. Otkupshchikov, Yu.V. K istokam slova [To the origins of words]. – Moskva., Azbuka-klassika, Avalon., 2005. – 352 p.
11. Sovremennyj russkij jazyk. Teoriya. Analiz jazykovykh edinit: uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenii: v 2ch. Ch. 1. Fonetika i orfoepiya. Grafika i orfografiya. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya. Morfematika. Slovoobrazovanie [Modern Russian language. Theory. Analysis of linguistic units: tutorial for students of higher education institutions. 2p. P.1 Phonetics and orthoepy. Graphics and orthography. Lexicology. Phraseology. Lexicography. Morphemics. Word-formation], E.I. Dibrova, L.L. Kasatkin, N.A. Nikolina, I.I. Sheboleva; pod red. E.I. Dibrovoi., 2nd addition. – Moskva., Izdatel'skij tsentr «Akademija» [Publishing Center "Academy"], 2006., 480 p.
12. Sovremennyj russkij jazyk. Uchebnik dlja filologicheskikh special'nostej vuzov., V.A. Beloshapkova i dr. [Modern Russian language. Tutorial for philological specialties of universities., V.A. Beloshapkova and others], pod red. V.A. Beloshapkovoj., Izd. 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe – Moskva., Azbukovnik, 1999. – 926 p.
13. Sovremennyj russkij jazyk: uchebnik dlya studentov vuzov [Modern Russian: tutorial for students of universities], under edition by P.A. Lekanta., issue. 2nd – Moskva., Drofa, 2001. – 558 p.
14. Tikhonov, A.N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka [Word-formation Russian dictionary], 2nd vol. – Moskva., Russkij jazyk [Russian language], 1990.
15. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian explanatory dictionary], in 4th vol., edited by D.N. Ushakova. – Moskva., TERRA-Knizhnyi klub [TERRA-Book Club], 2007.
16. Ulukhanov, I.S. Ob izmenenii znachenii slov [About changing the meaning of words], Russkaja rech' [Russian speech]. – 1970. No 4., pp. 59-62.
17. Fasmer, M. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language], in 4th vol., M. Fasmer; Perevod s nemeckogo, dop., poslesl. O.N. Trubacheva., 4th vol., – Moskva., AST: Astrel', 2003.
18. Khaburgaev, G.A. Staroslavjanskij jazyk: uchebnik dlya studentov pedagogicheskikh institutov [Old Slavic language: a tutorial for students of pedagogical institutes], G.A. Khaburgaev., 2nd addition., – Moskva., Prosveshchenie [Education], 1986. – 288 p.
19. Tsyganenko, G.P. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka: Bolee 5 000 slov. [Etymological dictionary of the Russian language: More than 5000 words], 2nd addition. – Kiev.: Rad. shk., 1989. – 511 p.
20. Chernykh, P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian], in the 2nd vol., P.Ya. Chernykh., 5th edition. – Moskva., Russkij jazyk [Russian language], 2002.
21. Shanskij, N.M. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language], N.M. Shanskij, T.A. Bobrova. – Moskva., Prozerpina: Shkola, 1994. – 400 p.
22. Sheptukhina, E.M. Evolyutsiya glagolov so svyazannymi osnovami v obschenarodnom russkom jazyke

[Evolution of verbs with connected bases in general national Russian language], avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk [Thesis abstract. by ... Dr. of Philology] E.M. Sheptukhina. – Volgograd, 2006., pp.51.

23. Shirshov, I.A. *Tolkovyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian word-formation]. – Moskva., AST: Astrel', *Russkie slovari: Ermak* [Russian dictionaries: Ermak], 2004. – 1023 p.

24. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Russian language in 2 volumes], pod red. N.M. Shanskogo. – Moskva., Izdatel'stvo MGU, 1968-1975.

25. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of the Slavic languages: proto-Slavic lexical fund]. Вып. 1. А – *besed'liv", pod redakciej O.N. Trubacheva. – Moskva., Nauka [Science], 1974. – 214 p.

26. *Yazykoznanie: bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics: large encyclopedic dictionary], glavnyj redactor V.N. Yartseva., redakcionnaja kollegija N.D. Arutyunova i dr., 2nd issue. Reprint. – Moskva., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia], 1998. – 685 p.

Литература:

1. *Большой академический словарь русского языка: в 17 т.* / Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований: [главн. Ред. К.С. Горбачевич]– М.; СПб.: Наука, 2006.

2. *Винокур, Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.* – М.: Издательство АН СССР, 1959. – Т. V, вып. 4. – С. 419-442.

3. *Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т.* – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

4. *Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская.* – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 328 с.

5. *Касаткин, Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; под ред. П.А. Леканта.* – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая

школа, 1995. – 382 с.

6. *Кузнецова, А.И., Ефремова, Т.Ф. Словарь морфем русского языка: Ок. 52 000 слов.* – М.: Рус. яз., 1986. – 1136 с.

7. *Малый академический словарь русского языка [Электронный ресурс] / А.П. Евгеньева.* – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas.htm>.

8. *Маслов, Ю.С. Введение в языкознание.* – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.

9. *Ожегов, С.И. и Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; – 2-е изд., испр. и доп.* – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.

10. *Откупщиков, Ю.В. К истокам слова.* – М.: Азбука-классика, Авалонь, 2005. – 352 с.

11. *Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. Заведений: в 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфематика. Словообразование / [Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеболева]; под ред. Е.И. Дибровой.* – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 480 с.

12. *Современный русский язык: [учебник для филологических специальностей вузов / В.А. Белошапкова и др.]; под ред. В.А. Белошапковой.* – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 926 с.

13. *Современный русский язык: учебник для студентов вузов / под ред. П.А. Леканта.* – Изд. 2-е, испр. – М.: Дрофа, 2001. – 558 с.

14. *Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т.* – М.: Русский язык, 1990.

15. *Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова.* – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007.

16. *Улуханов, И.С. Об изменении значений слов // Рус. речь.* – 1970. – № 4. – С. 59-62.

17. *Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; Пер. с нем., доп., послесл. О.Н. Трубачева.* – 4-е изд., стер. – М.: АСТ: Астрель, 2003.

18. *Хабургаев, Г.А. Старославянский язык: учебник для студентов педагогических институтов / Г.А. Хабур-*

гаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 288 с.

19. *Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов.* – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.

20. *Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных.* – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2002.

21. *Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва.* – М.: Прозерпина: Школа, 1994. – 400 с.

22. *Шептухина, Е.М. Эволюция глаголов со связанными основами в общенародном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.М. Шептухина.* – Волгоград, 2006. – 51 с.

23. *Ширшов, И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка.* – М.: АСТ : Астрель : Русские словари : Ermak, 2004. – 1023 с.

24. *Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / под ред. Н.М. Шанского.* – М.: Изд-во МГУ, 1968-1975.

25. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 1. А – *besed'livь / под ред. О.Н. Трубачева.* – М.: Наука, 1974. – 214 с.

26. *Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева; ред. кол. Н.Д. Арутюнова и др.* – 2-е изд., репринт. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Information about authors:

1. Elena Kosykh - candidate of Philology, Associate Professor, Altai State Pedagogical Academy; address: Russia, Barnaul city; e-mail: veko@mail.ru

2. Natalia Chashina - teacher of the Russian language and literature, Secondary school № 125 (Barnaul); address: Russia, Barnaul city; e-mail: veko@mail.ru

Сведения об авторах:

1. Косых Елена - кандидат филологических наук, доцент, Алтайская государственная педагогическая академия; адрес: Россия, Барнаул; электронный адрес: veko@mail.ru

2. Чашина Наталия - учитель русского языка и литературы, Средняя общеобразовательная школа № 125 (г. Барнаул); адрес: Россия, Барнаул; электронный адрес: veko@mail.ru

PRECEDENT PHENOMENON
IN POLITICAL MEDIA-TEXTS

T. Alexeeva, Student
Taras Shevchenko National University of Kiev, Ukraine

The article is devoted to the precedent phenomenon as one of the most productive expressives, modified to some extent in accordance with the pragmatic purpose of the author of the mass media text.

Keywords: precedent phenomenon, political media-text, name, statement, situation, classification, ratio.

Conference participant

Одним из самых актуальных направлений в современной лингвистике является исследование языка СМИ, в частности экспрессивизации масс-медийных текстов [Кудрявцева 2008, 215–223; Кудрявцева 2010, 7-15; Кудрявцева 1998, 295–299; Костомаров 1971, 202–244].

Современная газетная коммуникация ставит своей целью не только информировать читателя, но и формировать у него определённые представления, оказывать воздействие на адресата, влиять на его эмоциональное состояние. Одним из приемов реализации данной цели, в частности, в структуре газетного текста, – является использование прецедентных текстов, которые несут в себе культурные, исторические, этнические и научные знания о мире.

Именно потому, на наш взгляд, представляется интересным рассмотреть прецедентные тексты (далее именуемые ПТ) как сознательно формируемую тенденцию, которая отражает ход развития современного общества.

Понятийную базу термина «прецедентные тексты» обосновал Караулов Ю.Н.

В книге «Русский язык и языковая личность» он пишет, что к прецедентным относятся «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении» тексты. В системе культуры «хрестоматийность и общеизвестность прецедентных текстов обуславливает и такое их свойство, как реинтерпретируемость: как правило, они перешифровывают рамки словесного искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусства» [Караулов 2003]

Классификация прецедентных феноменов представлена в работах [Гуд-

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН
В ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Алексеева Т.А., студент
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

В статье рассматриваются прецедентные феномены, как наиболее продуктивные экспрессивы, модифицированные в той или иной степени в соответствии с прагматической целью автора масс-медийного текста.

Ключевые слова: прецедентный феномен, политический медиатекст, прецедентный текст, имя, высказывание, ситуация, классификация, соотношение.

Участник конференции

ков 1999, 120–125; Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997]. Данная классификация прецедентных феноменов может базироваться на объеме передаваемой информации: текст-высказывание-ситуация-имя. Так же приведенная ниже классификация находится в оппозиции к точкам зрения других лингвистов (Сметанина С.И., Караулов В.В., Эко. У). Автор данной статьи является приверженцем теории, предложенной Красных В.В., Гудковой Д.Б., Захаренко И.В., Багаевой Д.В., так как считает, что термин «Прецедентный текст», употребленный Карауловым В.В. – слишком широк и предлагает рассмотреть подробно следующую классификацию:

- 1) прецедентный текст;
- 2) прецедентное высказывание;
- 3) прецедентное имя;
- 4) прецедентная ситуация.

Материалом данного исследования послужили: еженедельник «2000» и «Уикенд» под редакцией Сергея Кичигина и газета «Зеркало недели», под редакцией Юлии Мостовой. Объектом исследования являются прецедентные феномены в текстах статей «2000», «Уикенд», «Зеркало недели» (номера за 2010 – 2012 гг.).

Приведем примеры:

1) **Прецедентный текст** (далее – П.Т.) – законченный и самостоятельный продукт речемыслительной деятельности; полипредикативная единица; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу.

Примером данного феномена служит заголовок статьи из газеты «Зеркало недели» «Тысяча и одна ночь в Турецком отеле Амара Клуб» («Зеркало недели», №6, 16.05.10).

На данном примере можно продемонстрировать, как П.Т. настраивает на восприятие материала. Естест-

венно, сразу же вспоминается сказка «Тысяча и одна ночь», как памятник средневековой и персидской литературы, объединенный историей о персидском царе Шахрияде и его жене Шехеризаде. Материал статьи развивает тему сказочности и повествует о фантастическом проживании украинских туристов в роскошных отелях Турции.

Следовательно, в заголовке статьи заключена скрытая оценочная функция прецедентного феномена (далее – П.Ф.), то есть П.Ф. способны выступать как выразители тех или иных оценочных стереотипов, выработанных культурой. В данном случае мы имеем дело с ПФ положительной оценки.

2) **Прецедентное высказывание** (далее – ПВ) – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самостоятельная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. В политическом дискурсе символом П.Ф. нередко выступает его название, которое помогает читателю вспомнить содержание произведения.

«Роль парламента свелась к квартету, который как не рассказывай, все равно плохо играет» отвечает в интервью газеты Анна Герман. «2000» («2000» №7, 23.05.10).

Название басни Крылова вместе с трансформированной цитатой помогает реципиенту лучше понять главную мысль автора высказывания.

Среди прецедентных высказываний могут выделяться: цитаты, фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова и другие устойчивые речевые формулы.

Примером данного феноме-

на может послужить фрагмент из статьи «*Ломать – не строить*» («2000», №5, 12.03.10).

«Разделяй и властвуй – это, к сожалению, об украинской власти. Нас уже не разделяют, нас дробят на мелкие кусочки, области, города, села.»

В данном примере приведена цитата из максимы римского сенатора, использовалась Александром Македонским, как постулат и стратегия на войне. Выполняет экспрессивную функцию или функцию «оживления текста» реализуется посредством внедрения того или иного ПФ в качестве средства экспрессивизации текста в целях воздействия на эмоциональную сферу человека.

«Золотые руки у пацанов» – гласит заглавие статьи («2000», № 11, 30.03.2012), повествующая о кризисе отечественной системы профтехобразования.

В данном примере представлен трансформированный вид П.Ф. Золотые руки – это умение, способность делать что либо очень хорошо. Использование в заголовке П.В., создающего определенную эмоционально-экспрессивную окраску, способствует лучшему восприятию и пониманию информации.

П.Ф выполняет парольную функцию, отсылая читателя к фразеологизму, сталкивая сленговую единицу с устойчивым выражением и устанавливая отношения Свой/Чужой.

3) **Прецедентное имя** (далее – ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (Обломов, Тарас Бульба), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иуда, Летучий голландец, Наполеон) [Гудков, 1999, 120–125].

Имена собственные, обладая ярким экстралингвистическим фоном становятся своеобразными маркерами времени.

Проиллюстрировать вышесказанное возможно следующим примером:

БУШечное мясо на войне. (Зеркало недели №12.28.07.2011)

Литературным источником для данного высказывания считается шекспировское выражение, букваль-

но обозначающее название солдатской массы как массы, обреченной на бессмысленное уничтожение, либо политический памфлет Франсуа Шатобриана «*О Бонапарте и Бурбонах*». «*Презрение к человеческой жизни во Франции, – достигло такой степени, что новобранцев называли сырьем и пушечным мясом.*»

С другой стороны в данном прецедентном феномене присутствует подтекст, намекающий на участие Дж. Буша в данной операции. Трансформация П.И. очень удачна, она отражает действительные события – гибель американских солдат в Ираке. Удачей игры является общая тональность исходного П.Ф. и трансформированного П.Ф., принадлежность к одному стилю речи – публицистическому.

В данном контексте П.Ф. выполняет игровую функцию, проявляющуюся в возможности автора вовлечь адресата в языковую игру, т.е автор таким образом модифицирует исходное значение П.Ф.

4) **Прецедентная ситуация** (далее – П.С.) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определённых коннотаций.

В газете «2000» (№17, 13.04.10), можно найти такие примеры прецедентной ситуации:

«Ирак – это наше Ледовое побоище»;

«Яценюк был для своей должности очень молод. Он, словно Сизиф, катил и катил свой тяжёлый камень.»

В первом случае П.С. выполняет оценочную функцию, имеет отрицательную оценку деятельности войск США в Ираке. Как известно, Ледовое побоище – одна из масштабнейших битв под предводительством Александра Невского, которая закончилась разгромом немецких захватчиков.

Во втором случае автор отсылает реципиента к мифу о Сизифе, в котором повествуется о приговоренном богами выкатывать на крутую гору тяжёлый камень, который, едва достигнув вершины, скатывается вниз, Сизифе.

Данная реминисценция обладает экспрессивной и оценочной функцией, а так же выполняет парольную функцию, т.е. автор тестирует читате-

ля на принадлежность к определенной социальной группе, ознакомленной с мифологемой.

Любой текст, в котором присутствует хотя бы один из перечисленных феноменов – изначально экспрессивен, так как «включенный текст» способствует поэтизации текста, создает намек, подтекст, порождает загадку, создает либо ироническое, либо трагическое звучание или придает бытовой фразе смысл иносказания, либо рождает непритязательную шутку.

Изучив и систематизировав теоретический и практический материал, можно сделать несколько **выводов**:

Во-первых, ПФ составляют значительную и неотъемлемую часть современной украинской культуры. Поэтому их использование в языке газеты является целиком оправданным.

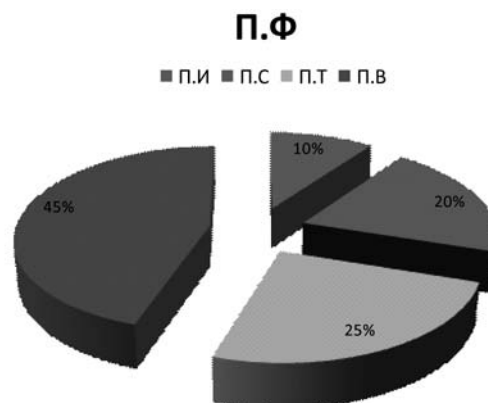
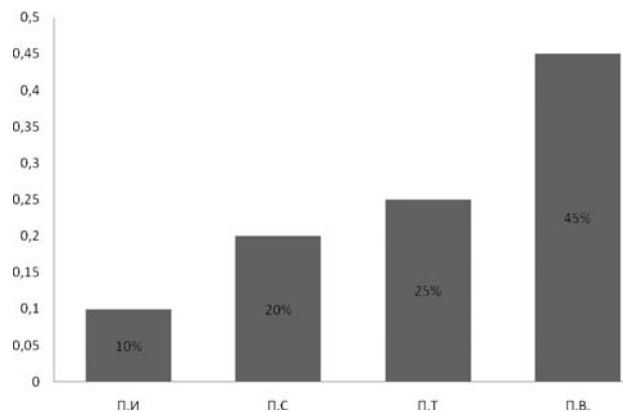
Во-вторых, специфика употребления ПФ в украинских СМИ своеобразна. В процентном соотношении – употребление ПВ превалирует в текстах журналистов и составляет 45% (за 100% взяты 100 единиц материала картотеки) (Приложение №1).

Употребление ПТ составляет 25%, что является неплохим результатом, учитывая то, что обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом ПВ или ПИ

ПС находится на 3 месте по употребимости в украинских СМИ и составляет 20 процентов от общей массы картотеки.

Употребление ПИ составляет всего лишь 10%, это свидетельствует о малоупотребимости данного феномена в украинских средствах массовой информации.

Можно полагать, что данное процентное соотношение показало, что прецедентное высказывание выполняет функцию воздействия на читателя чаще, чем П.С., П.И., П.Т. Тем самым данное исследование показало, что автор статьи, основываясь на многофункциональности П.В., т.к. медиатекст обращается как к классическим текстам так и к текстам массовой культуры. При обращении к П.В. особенно отчетливо проявляется тенденция свободного использования «чужого» текст, когда он становится материалом для творческой переработки.

Приложение № 1.

References:

1. Gudkov D. Precedentnye imena v yazykovom soznanii i diskurse [Precedent names in language consciousness and discourse]., Doklady i soobshcheniya rossiiskikh uchennykh [Reports and messages of Russian scientists]. - Bratislava, Slov. Respublika., 1999., pp. 120–125.

2. Zakharenko I.V, Krasnykh V.V, Gudkov D.B, Bagaeva D.V. Precedentnoe imya i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnykh fenomenov [Case name and case statement as symbols of precedent phenomena]., Yazyk, soznanie, kommunikatsiya., sbornik statej [Language, consciousness, communication., collection of reports]. - Moskva, 1997.

3. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]., Yu.N. Karaulov. Moskva., Editorial URSS, 2003.

4. Kostomarov V.G. Russkii yazyk na gazetnoi polose. Nekotorye osobennosti yazyka sovremennoi publitsistiki [Russian language on the newspaper line. Some features of modern publicism language]. – Moskva., 1971., pp. 202–244.

5. Kudryavtseva L.A., Filatenko I.A., Prihod'ko I.G., Zavrazhina A.V., Podshivailova A.M. Rechevoe vozdeistvie v ukrainskom massmediinom politicheskom diskurse (2003 – 2008 gg.) [Speech influence in the Ukrainian mass media political discourse (2003-2008)]., Yazyk – kul'tura – chelovek., Sbornik nauchnykh statei k yubileyu zasluzhennogo professora MGU imeni M.V. Lomonosova M.V. Vsevolodovoi [Language - Culture - Man: Collection of scientific reports devoted to the

anniversary of the Distinguished Professor of Moscow State University named after M.V. Lomonosov - M.V. Vsevolodova], - Moskva., 2008., pp. 215–223.

6. Kudryavtseva L.A. Osobennosti massmediinogo politicheskogo diskursa Ukrainy «poslemaidannogo» perioda [Features of the mass media political discourse of Ukraine of the “post-Maidan” period]., Yazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze [Language, literature, culture in schools and universities]. - 2010., No 4 (34)., pp. 7–15.

7. Kudryavtseva L.A. ekspressivny v sovremennoi gazetnoi kommunikatsii (dinamicheskii aspekt opisaniya) Semantika yazykovykh edinit [Expressives in modern newspaper-based communication (dynamic aspect of the description). The semantics of linguistic units]. – Moskva., 1998., T. 2., pp. 295-299.

8. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu. Lingvokul'turnye kontsepty precedentnykh tekstov v soznanii i diskurse [From the text to the symbol. Linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. – Moskva., 2000.

Литература:

1. Гудков Д. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе // Доклады и сообщения российских ученых. - Братислава, Slov. Respublika. 1999, С 120 – 125.

2. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М, 1997.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и

языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Едиториал УРСС, 2003.

4. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной публицистики. М, 1971. С. 202 – 244.

5. Кудрявцева Л.А., Филатенко И.А., Приходько И.Г., Завражина А.В., Подшивайлова А.М. Речевое воздействие в украинском массмедийном политическом дискурсе (2003 – 2008 гг.) // Язык – культура – человек: Сб. науч. статей к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой. М., 2008. С. 215–223.

6. Кудрявцева Л.А. Особенности массмедийного политического дискурса Украины «послемайданного» периода // Язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 4 (34). С. 7 – 15.

7. Кудрявцева Л.А. экспрессивы в современной газетной коммуникации (динамический аспект описания) Семантика языковых единиц. М., 1998. Т. 2. С. 295-299.

8. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

Information about author:

Tatiana Alexeeva - student, Taras Shevchenko National University of Kiev; address: Ukraine, Kiev city; e-mail: t.alek.s@yandex.ru

Сведения об авторе:

Алексеева Татьяна - студент, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко; адрес: Украина, Киев; электронный адрес: t.alek.s@yandex.ru

NUMERALS IN RUSSIAN AND UKRAINIAN PHRASEOLOGY (COMPARATIVE ANALYSIS)

G. Lagoshnyak, Candidate of Philology
Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy,
Ukraine

In their semantics phraseological units reflect a long process of cultural development of people, recording and transferring cultural attitudes and stereotypes from generation to generation. The number has additional symbolic values in the cultural system of symbols. Therefore it is a semiotic multi-functional sign. That is why the study of phraseologisms with the numerals defines (from the point of view of identification) the cultural-typological range of values reflected in them.

Conference participant

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Лагошняк Г.Н, канд. филол. наук
Николаевский Национальный Университет
им. В.О. Сухомлинского, Украина

Фразеологизмы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, записи и передачи из поколения в поколение культурных взглядов и стереотипов. В культурной системе символов число имеет дополнительные символические значения, и, следовательно, является семиотическим многофункциональным знаком. Поэтому изучение фразеологизмов с цифрами указывает, с точки зрения выявления, культурно-типологический ряд значений, отраженный в них.

Участник конференции

Значительный интерес у исследователей сегодня вызывает сопоставительный анализ фразеологии языков разных групп и систем. Использование методов сравнительно-исторического, сопоставительного и структурно-типологического анализа в исследованиях фразеологического лексикона разных языков позволяет провести детальный анализ фразеологических единиц, выявить общее и различное в их употреблении. Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение функционирования фразеологизмов в близкородственных языках, чему и посвящено наше исследование. Наше внимание привлекла проблема использования имен числительных в русских и украинских фразеологизмах.

Фразеологизмы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки и стереотипы. Число в культурной системе символов имеет дополнительные, символические значения, и поэтому является семиотическим полифункциональным знаком. Следовательно, исследование фразеологизмов с числительными являются показательными с точки зрения выявления культурно-типологических значений числа, отраженных в них.

Определенный научный и практический интерес представляет исследование фразеологизмов в сопоставительном плане для решения проблемы разграничения лингвистических и экстралингвистических параметров фразеологизации, которыми характе-

ризуется фразеология, возникшая на базе употребления конкретных числительных. Числительные в составе фразеологизмов интересуют нас не с точки зрения их лексико-грамматических особенностей как части речи, а как номинативные единицы, являющиеся обозначением тех или иных числовых моделей, как словесное выражение ментально обусловленных в употреблении чисел. Сопоставление материала по двум языкам обусловлено факторами культурно-научного взаимодействия и дает интересный материал для исследований, что представляется перспективным при сопоставительно-типологическом изучении аналогичных языковых фактов.

Фразеологические единицы, трансформируя определенную информацию в процессе коммуникации, создают вербальные образы неповторимой в каждом языке картины мира. Употребление числительных во фразеологических единицах помогает в постижении отдельных фрагментов общеязыковой картины мира. Число играло главную роль в ритуалах, культах, упоминалось в фольклорных и древних текстах. Абсолютно авторитетным источником для христианской нумерологии является Библия, в которой очень много различных числовых указаний. Символика числа играла большую роль в сознании наших предков, и житейская мудрость о значении чисел, используемых во фразеологизмах, имеет особое значение, не только количественное, но и символическое.

Числа всегда вызывали интерес исследователей, так как именно они

вносили гармонию и порядок во все происходящее во вселенной. Числа пронизывают собой любую культуру. Существенная роль числа вообще и конкретных чисел в общем комплексе культуры уже давно отмечена исследователями. Непосредственно проблемой исследования чисел занимались многие русские и зарубежные лингвисты: Н.Л. Жуковская, Дулам, В.Н. Топоров, Д.О. Добровольский, Т.И. Вендина, Б.Я. Владимирцов, Д.О. Шеппинг, В.В. Новицкая и др. Основной круг числительных, используемых во фразеологизмах, специфичен для каждого отдельного языка.

Проведенный сопоставительный анализ фразеологизмов в русском и украинском языках, содержащих в своем составе имена числительные, позволяет выделить три следующие группы:

1. фразеологизмы, имеющие фразеологические эквиваленты в другом языке, н-р, девятый вал – девятый вал, второе дыхание – друге дихання, бегать за двумя зайцами – ганятися за двома зайцями, смешивать в одну кучу – змішувати в одну купу, за одного битого двух небитых дают – за одного битого двоих небитых дают.

Эта группа весьма многочисленна и разнообразна, что объясняется близостью самих языков и общностью происхождения обоих народов. Фразеологизмы этой группы представляют эквивалентные пары, имеющие одинаковую структуру.

2. фразеологизмы, не имеющие в другом языке эквивалентных фразеологизмов, н-р, в два счета – як раз та два (і оком не змигнеш), в три плакать

– ревя ревіти, два сапога пара – обоє рябое (який їхав, таку і стрів; зустрісь Яким з таким) Двум смертям не бывать, а одной не миновать – раз мати породила, раз і вмирати (і раз козі смерть; більше разу не вмреш).

Во фразеологізмах этой группы можно наблюдать отсутствие имен числительных в сходных по значению, но разных по структуре лексических единицах. Это присуще украинскому варианту.

В эквивалентных парах с одинаковой структурой следует подчеркнуть фразеологические *тождества*, характеризующиеся полным лексическим соответствием, структурным единообразием, совпадением в стилистической характеристике и сочетаемости форм. Лексемы, входящие в состав фразеологических тождеств, являются элементами общего лексического фонда украинского и русского языков.

1. фразеологизмы, входящие в состав третьей группы, обнаруживают наличие как эквивалента в другом языке, так и другого, самостоятельного варианта, н-р, два медведя в одной берлоге не живут – два коти в одному мішку (на одному салі) не помиряться (два ведмеді в одному барлозі не живуть); десятая (седьмая) вода на киселе – десята(сьома) вода на киселі, (десята шкурка на киселі, на однім сонці онучі сушили, його мама і моя мама в одній воді хустки прали, мій батько і твій батько коло однієї печі руки гріли, як наш батько горів, то їх батько руки грів, пень горів, а він руки нагрів та й став йому дядьком).

Наличие дополнительного, сакрального значения у числа имеет глубокие истоки и предпосылки в истории, религии и культуре народа: это значение определяется используемой системой исчисления, религией и религиозными принципами, особенностями календаря, важнейшими историческими событиями, мифологией и литературой, ментальным восприятием основных возрастных рубежей человеческой жизни.

Укажем, какие имена числительные преобладают во фразеологизмах. Достаточно активно в обох языках используется в составе фразеологизмов количественное числительное один в разных грамматических формах, а

также порядковое первый: один как перст, одного поля ягоды, первый среди равных, по первое число всыпать – бити в одну точку, змішувати в одну купу, в один мент, грати першу скрипку. Следует заметить, что в случае использования порядкового числительного первый, происходит адъективация, так как слово приобретает значение «главный», «лучший». Также немало случаев употребления числительных два и второй: два сапога пара, два Аякса, двум смертям не бывать, а одной не миновать, два медведя в одной берлоге не живут, второе дыхание – ганятися за двома зайцями, за два кроки, за одного битого двоих небитых дают, друга молодість, друге дихання. Число три можно отнести к мифологическим универсалиям, так как его интерпретация аналогична в разных культурах: три кита, третий звонок, третьи петухи – бачити на три аршини під землю, піти під три чорти, третій дзвінок, треті півні. Числительное пять представлено незначительным количеством фразеологических единиц: без пяти минут – без п'яти хвилин, пятое колесо к телеге – п'яте колесо до возу. Употребление числительного семь также аналогично в исследуемых языках, общим является значение неопределенно-большого количества. Можно говорить и о ритуальном употреблении – семь является как бы символом числа вообще. Беспрецедентная употребляемость этого числительного характерна русским фразеологизмам: семь футов под килем, седьмая вода на киселе, семи пядей во лбу, книга за семью печатями, семеро одного не ждут, семь бед – один ответ, семь пятниц на неделю, семь раз отмерь – один отрежь. Ряд из этих фразеологизмов имеет фразеологический эквивалент в украинском языке, н-р, семеро одного не ждуть, сім п'ятниць на тиждень, сім раз одмір – а раз одріж, другие представлены самостоятельными фразеологическими единицами, н-р, більш копи лиха не буде, чи пан, чи пропав – двічі на вмирати. Возможно, эта активность употребления числительного семь обусловлена популярностью этого числа в христианской культуре. Фразеологизмов с другими именами числительными обнаружено мало: сорок сороков, абсолютный нуль.

числительными обнаружено мало: сорок сороков, абсолютный нуль, кроки, за одного битого двоих небитых дают, друга молодість, друге дихання. Число три можно отнести к мифологическим универсалиям, так как его интерпретация аналогична в разных культурах: три кита, третий звонок, третьи петухи – бачити на три аршини під землю, піти під три чорти, третій дзвінок, треті півні. Числительное пять представлено незначительным количеством фразеологических единиц: без пяти минут – без п'яти хвилин, пятое колесо к телеге – п'яте колесо до возу. Употребление числительного семь также аналогично в исследуемых языках, общим является значение неопределенно-большого количества. Можно говорить и о ритуальном употреблении – семь является как бы символом числа вообще. Беспрецедентная употребляемость этого числительного характерна русским фразеологизмам: семь футов под килем, седьмая вода на киселе, семи пядей во лбу, книга за семью печатями, семеро одного не ждут, семь бед – один ответ, семь пятниц на неделю, семь раз отмерь – один отрежь. Ряд из этих фразеологизмов имеет фразеологический эквивалент в украинском языке, н-р, семеро одного не ждуть, сім п'ятниць на тиждень, сім раз одмір – а раз одріж, другие представлены самостоятельными фразеологическими единицами, н-р, більш копи лиха не буде, чи пан, чи пропав – двічі на вмирати. Возможно, эта активность употребления числительного семь обусловлена популярностью этого числа в христианской культуре. Фразеологизмов с другими именами числительными обнаружено мало: сорок сороков, абсолютный нуль.

Употребление числительного во фразеологии определяется культурными традициями каждого языка. Выбор числительного не случаен, он опирается на символическое осмысление чисел, важных для конкретной культуры, отражение культурно-исторических, литературных и общественных событий, национально-бытовые и употребление числительного во фразеологии определяется культурными традициями каждого языка. Выбор числительного

не случаен, он опирається на символічне осмыслення чисел, важких для конкретної культури, отраження культурно-історических, літературних і громадських подій, національно-бытові і природні реалії. Більшість досліджуваних фразеологізмів, що містять іменну чисельну частину, мають фразеологічні тотожності, що характеризуються повним лексическим відповідом, структурним єдністю, співпадінням в стилістическій характеристиці і сумісності форм. Це, несомнісно, пояснюється близькістю двох мов.

References:

1. Kulish Zh.V. Problema frazeologichnoi ekvivalentnosti u perekladi na bliz'kosporidnenu movu (na materialі ros. ta ukr. mov) [Problem of phraseological equivalence in translation into the closely-related language (based on materials in Russian and Ukrainian languages)] – Kiev., AKD., 1993., No av 526626

2. Zorivchak R.P. Frazeologichna odinitiya yak perekladoznavcha kategoriya [Phraseological unit as a translation-related knowledge category]. – L'viv., Vishcha shk. [Higher school], 1983. – 176 p.

3. Shanskii N.M. Russkie natsional'no-markirovannye frazeologicheskie oboroty [Russian nationally-marked phraseological expressions], RYaSh., 1996., No 2., pp. 72-76.

4. Shanskii N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb

posobie dlya vuzov po spets. «Russkii yazyk i literatura». 4-e izd., ispr. i dop. [Phraseology of the modern Russian: tutorial for Universities, speciality: "Russian language and literature." 4th ed., Rev. and ext.] - Sankt-Peterburg., Spetsial'naya Literatura [Special literature], 1996. – 192 p.

5. M.Ya. Britsin, M.A. Zhovtobryukh, A.V. Maiboroda. Porivnyal'na gramatika ukraїns'koї i rosiїs'koї mov. Vid. 2-e, pererobl. i dop. [Comparative grammar of the Ukrainian and Russian languages. 2nd edition, rebuilt and ext.]. – Kiev., Vishcha shk. [Higher school], 1978. – 270 p.

6. Oliinik I. S., Sidorenko M.M. Ukraїns'ko-rosiїs'kii frazeologichnii tлумachnii slovník [Ukrainian-Russian phraseological dictionary]. Seriya «Vid A do Ya». – Kharkiv., Prapor, 1997. – 462 p.

7. L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; Pod red. A.I. Molotkova., Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: svyshe 4000 slovarnykh statei [Russian phraseological dictionary: more than 4000 articles], 3-e stereotip. Izdanie. – Moskva., Russkii yazyk [Russian language], 1978. – 543 p.

Литература:

1. Куліш Ж.В. Проблема фразеологічної еквівалентності у перекладі на близькоспоріднену мову (на матеріалі рос. та укр. мов) – АКД; К., 1993 – №ав 526626

2. Зорівчак Р.П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. – Львів; Вища шк., 1983. – 176 с.

3. Шанский Н.М. Русские национально-маркированные фразеологические обороты // РЯШ. – 1996. – №2. – С. 72–76.

4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.

5. М.Я. Бріцин, М.А. Жовтобрюх, А.В. Майборода. Порівняльна граматики української і російської мов. Вид. 2-е, переробл. і доп. К.: Вища шк., 1978. – 270 с.

6. Олійник І.С., Сидоренко М.М. Українсько-російський фразеологічний тлумачний словник. – Х.: Прапор, 1997. – 462 с. – (Серія «Від А до Я»).

7. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей/ Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

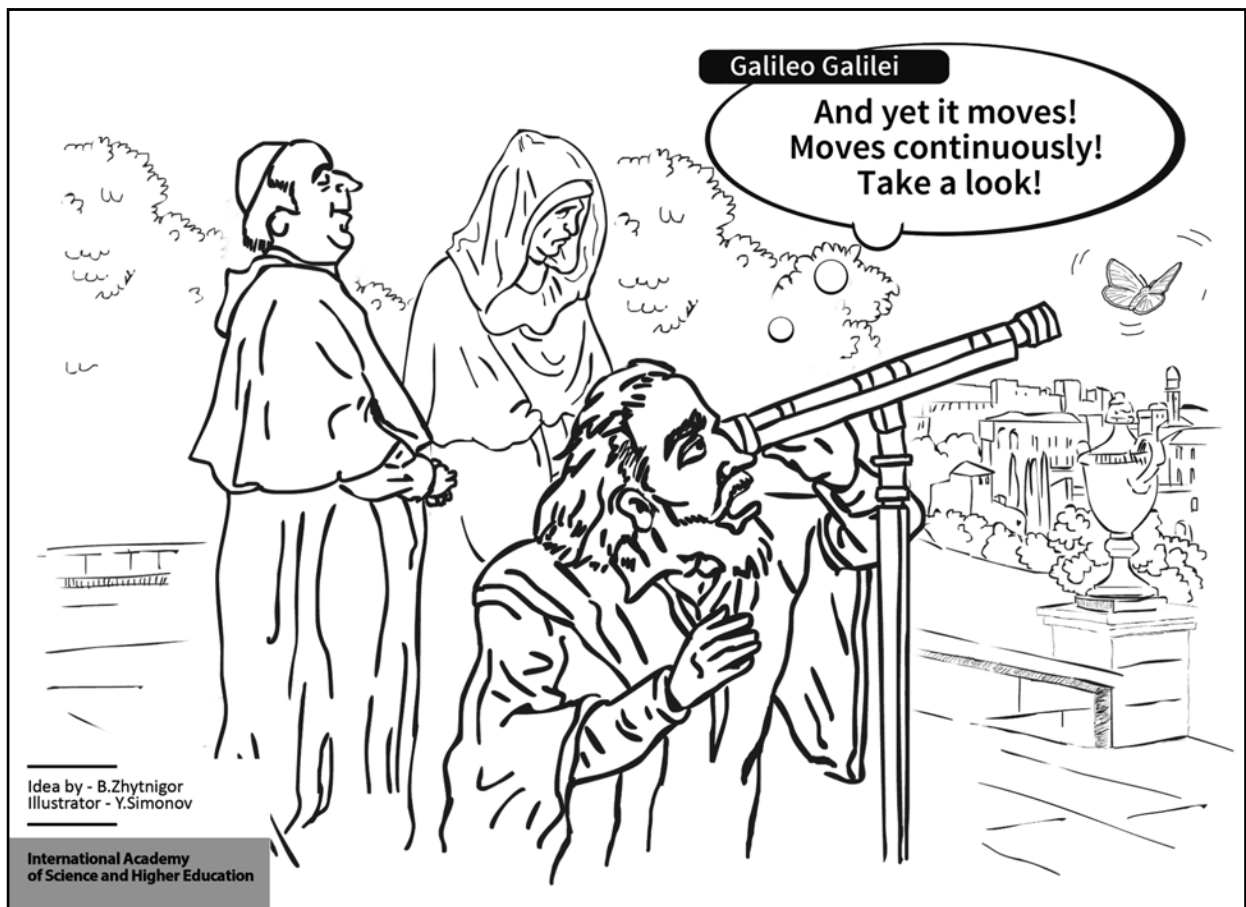
Information about author:

Galina Lagoshnyak - candidate of Philology, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolaiv; e-mail: shagalalala@mail.ru

Сведения об авторе:

Лагошняк Галина - кандидат филологических наук, Николаевский Национальный Университет им. В.О. Сухомилинского; адрес: Украина, Николаев; электронный адрес: shagalalala@mail.ru

The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848

Tel: + 44 2088168055

e-mail: secretariat@court-inter.us

skype: court-inter

A I C A C

AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

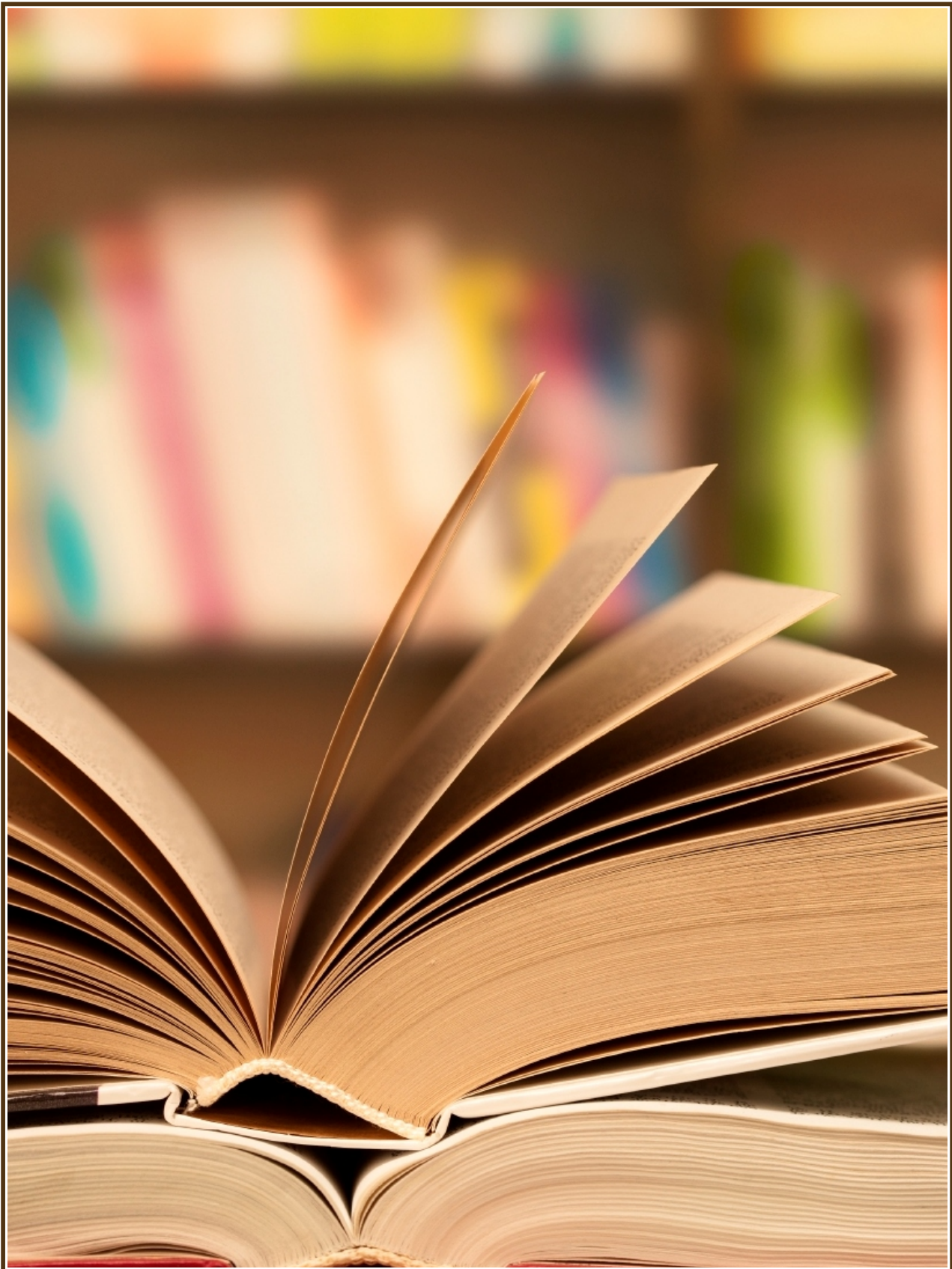
The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

GISAP Championships and Conferences 2014

Branch of science	Dates	Stage	Event name
APRIL			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	09.04-14.04	I	Space, time, matter: evolutionary harmony or the ordered chaos
Technical sciences, Architecture and Construction	25.04-30.04	I	Man-made world as an instrument of life support and creative self-expression of mankind
MAY			
Psychology and Education	15.05-20.05	II	Subject and object of cognition in a projection of educational techniques and psychological concepts
JUNE			
Philology, linguistics	05.06-10.06	II	Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications
Culturology, Art History, Philosophy and History	19.06-24.06	II	Traditions and moderns trends in the process of formation of humanitarian values
JULY			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	03.07-08.07	II	Life and social programs of biological organisms' existence quality development
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	24.07-29.07	II	The power and freedom in the structure of global trends of development of economical and legal systems and management techniques
AUGUST			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	08.08-13.08	II	Properties of matter in the focus of attention of modern theoretical doctrines
Technical sciences, Architecture and Construction	28.08-02.09	II	Creation as the factor of evolutionary development and the society's aspiration to perfection
SEPTEMBER			
Psychology and Education	17.09-22.09	III	Interpersonal mechanisms of knowledge and experience transfer in the process of public relations development
OCTOBER			
Philology, linguistics	02.10-07.10	III	Problems of combination of individualization and unification in language systems within modern communicative trends
Culturology, Art History, Philosophy and History	16.10-21.10	III	Cultural and historical heritage in the context of a modern outlook formation
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	05.11-10.11	III	Techniques of ensuring the duration and quality of biological life at the present stage of the humanity development
DECEMBER			
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	18.11-23.11	III	Influence of the social processes globalization factor on the economical and legal development of states and corporations
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	18.12-23.12	III	Variety of interaction forms of material objects through a prism of the latest analytical concepts
Technical sciences, Architecture and Construction	18.12-23.12	III	Target and procedural aspects of scientific and technical progress at the beginning of the XXI century

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442032899949
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>